

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

1 (108) январь-февраль 2022 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, Р.О. ОРЕСТОВ, А.А. РОЖИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОВАК-ФАР А. (Польша), НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю.,
РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

BUTORINA O., BORKO Yu. Benefits of Regional Integration: towards Redefining the Concept • **ENTINA E., ENTIN M.** Conference on the Future of Europe as the Novel Form of Social Support for Integration • **MASLOVA E., SHEBALINA E.** USA as a Factor of Italian Politics • **KOSTIUK R., KANINSKAYA G.** French Left in Search of a Lost Electorate • **MAMEDOV I.** The Balkans at the Crossroads of Interests of the European Union and Turkey • **FERNANDES S., VIANA P.** Kaliningrad and the Lithuanian “Geopolitical Code” • **OSKOLKOV P.** Ethnicity and Politics: Terminology Debates and Nodal Points • **TURIN E., SAVINOVA E., PEREVERZEVA O.** “Soft Power” in a Separatist Conflict: The Cases of Catalonia and Scotland • **FALTSMAN V.** Uneven Economic Development and Its Global Consequences • **SHUGUROV M.** European Union’s Policy in the Area of Protection of Intellectual Property Rights in a Third Countries: Priorities and Main Directions • **SHLYAMIN V., GLADKIKH E.** Cross-Border Economic Cooperation of Russia and Finland: Problems and Prospects • **STUDENTSOV V.** Scandinavian Egalitarian Individualism and the Welfare State • **TOLKACHEV S., UDALOV I., TEMUKUEV S.** Digitalization of the Manufacturing Industry in the EU: Cyber-Physical Systems Priority Development • **TRESHCHENKOV E.** Central Asia Region in European Union Policy • **VODOPIANOVA E.** Career of a Young Scientist in Europe: Post-Industrial Perspective • **LEUSHKIN D., SAMOILOV N.** Logic of Confrontation between “Democracies” and “Autocracies” viewed by European and American Elites

INHALT

BUTORINA O., BORKO J. Vorteile der regionalen Integration: Revision des Konzepts • **ENTINA E., ENTIN M.** Konferenz zur Zukunft des Europas als neue Form der sozialen Unterstützung der Integration • **MASLOVA E., SCHEBALINA E.** USA als Faktor der italienischen Politik • **KOSTJUK R., KANINSKAJA G.** Französische Linke auf der Suche nach der verlorenen Wählerschaft • **MAMEDOV I.** Balkan auf der Kreuzung der Interessen von European Union und Türkei • **FERNANDES S., VIANA P.** Von Exklave bis Enklave: Kaliningrad und der litauisch „geopolitisch Kodex“ • **OSKOLKOV P.** Ethnizität und Politik: Diskussion zur Terminologie und Knotenpunkten der Überschneidung • **TJURIN E., SAVINOVA E., PEREVERZEVA O.** „Weiche Macht“ angesichts des separatistischen Konflikts: Fällen von Katalonien und Schottland • **FALTSMAN V.** Ungleichmäßige ökonomische Entwicklung der Länder der Welt und globale Auswirkungen • **SCHUGUROV M.** Europäische Union und Schutz geistigen Eigentums in Drittländer • **SCHLJAMIN V., GLADKIKH E.** Grenzübergreifende ökonomische Zusammenarbeit von Russland und Finnland: Bewältigung der neuen Herausforderungen • **STUDENTSOV V.** Skandinavischen ausgleichenden Individualismus und Wohlfahrstaat • **TOLKACHEV S., UDALOV I., TEMUKUEV S.** Digitalisierung der verarbeitenden Industrie in EU-Länder: Priorität der Entwicklung von Cyberphysischen Systemen • **TRESHCHENKOV E.** Zentralasiens in der Politik von European Union • **VODOPJANOVA E.** Karriere des Nachwuchswissenschaftlers in Europa: postindustrielle Aussichten • **LEUSCHKIN D., SAMOILOV N.** Logik der Konflikte zwischen „Demokratien“ und „Autokratien“ in der Vorstellung der europäischen und amerikanischen Eliten

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Буторина О.В., Борко Ю.А.</i> Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции	5
---	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Энтина Е.Г., Энтин М.Л.</i> Конференция о будущем Европы как новейшая форма социальной поддержки интеграции	21
<i>Маслова Е.А., Шебалина Е.О.</i> США как фактор итальянской политики	35
<i>Костюк Р.В., Канинская Г.Н.</i> Французские левые в поисках утраченного электората	49
<i>Мамедов И.М.</i> Балканы на перекрестке интересов Европейского союза и Турции	61
<i>Fernandes S., Viana P.</i> Kaliningrad and the Lithuanian “geopolitical code”	73

ЭТНОПОЛИТИКА

<i>Осколков П.В.</i> Этничность и политика: терминологические споры и узловые точки пересечения	86
<i>Тюрин Е.А., Савинова Е.Н., Переверзева О.В.</i> «Мягкая сила» в условиях сепаратистского конфликта: примеры Каталонии и Шотландии	99

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Фальцман В.К.</i> Неравномерность экономического развития стран мира и его глобальные последствия	113
---	-----

Шугуров М.В. Европейский союз и защита прав интеллектуальной собственности в третьих странах	125
Шлямин В.А., Гладких Е.Г. Приграничное экономическое сотрудничество России и Финляндии: преодоление новых вызовов	139
Студенцов В.Б. Скандинавский уравнительный индивидуализм и государство всеобщего благосостояния	154
Толкачев С.А., Удалов И.Д., Темукуев С.А. Цифровизация обрабатывающей промышленности стран ЕС: приоритет развития киберфизических систем	169

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Трещенков Е.Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского союза	184
---	-----

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Водопьянова Е.В. Карьера молодого ученого в Европе: постиндустриальная перспектива	196
---	-----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Леушкин Д.В., Самойлов Н.Г. Логика столкновения «демократий» с «автократиями» в видении европейских и американских элит	208
--	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 327

ВЫГОДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИИ

© 2022 О.В. Буторина*

*чл.-корр. РАН, доктор экономических наук
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.*

**E-mail: butorina@ieras.ru*

© 2022 Ю.А. Борко*

*Доктор экономических наук
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.*

**E-mail: yborko@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2021

После доработки 14.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В научной литературе вопрос о смысле региональной интеграции на протяжении многих десятилетий рассматривается сквозь призму предоставляемых ею экономических выгод. Сопоставление потенциальных выгод и издержек лежит в основе классических теорий таможенного союза, оптимальной валютной зоны и в меньшей степени – нового регионализма. Принято считать, что региональная интеграция содействует развитию торговли между странами-участницами, способствует более эффективному размещению ресурсов за счет усиления конкуренции и роста емкости внутреннего рынка. Результатом должно становиться ускорение экономического роста и повышение душевых доходов. 70-летняя история ЕС дает обширный материал для того, чтобы проверить, насколько материальные выгоды являются главным двигателем интеграции. Реализуя поставленную цель, авторы обобщают мотивы послевоенного объединения стран Западной Европы, исследуют место концепции экономических выгод и издержек в теории региональной интеграции, а затем выясняют роль эффектов благосостояния в практике Евросоюза. Проведенный анализ позволил установить, что экономический выигрыш не является имманентным свойством региональной интеграции, он возникает не на всех ее этапах, не будучи ее главной целью и движущей силой. Сделан вывод, что целью интеграции является реагирование на изменение мирового порядка. Она помогает группе стран добиваться более выгодного глобального позиционирования и оградить себя от нежелательного внешнего влияния. Экономические выгоды важны, но они не всегда имеют решающее значение.

Ключевые слова: региональная интеграция, регионализм, Европейский союз, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз.

DOI: 10.31857/S0201708322010016

23 июля 2022 г. исполняется 70 лет с тех пор, как вступил в силу Договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС)¹, который в 1951 г. подписали в Париже шесть стран Западной Европы: Франция, Италия, ФРГ и Бенилюкс. Это событие положило начало новой эпохе в развитии Европы – эпохе европейской интеграции. В 1957 г. те же шесть стран учредили Европейское экономическое сообщество, из которого вырос сегодняшний Европейский союз – с 27 государствами-членами и широким спектром направлений интеграции. Пройдя за семь десятилетий через череду испытаний, Евросоюз остается одним из главных центров силы современного мира. Его опыт стал предметом критического осмысления в других регионах мира, где сегодня получают развитие новые, соответствующие реалиям глобального мира, модели региональной интеграции.

Важнейшим инструментом оценки эффективности того или иного интеграционного проекта является сравнение его выгод и издержек (англ. – *cost-benefit analysis*) как для объединения в целом, так и для отдельных его участников [Palankai, Miklos, 2017; Pelkmans, 2013; Burk, Leuffen, 2019; Taghizadeh-Hesary, 2019; Андропова, 2016]. В политическом и научном дискурсе утвердилось мнение, что интеграция должна всегда приносить чистый выигрыш. Причем наиболее строго данный критерий применяется к группировкам развивающихся стран, включая постсоветские. Считается, что страны не захотят объединяться ради достижения общих выгод, если индивидуальный выигрыш каждой из них не перевесит потенциальных потерь [Krapohl, Vasileva-Dienes, 2019; Yoo-Duk Kang, 2016; Auriol, Biancini, 2013]. Существующая обширная литература о политических мотивах интеграции, насколько известно авторам, обходит стороной вопрос о том, могут ли существовать успешные объединения с чистым отрицательным экономическим эффектом.

Изначальные мотивы

Становление западноевропейской интеграции стало возможным благодаря сочетанию нескольких факторов. Во-первых, осмысленный после 1945 г. катастрофический итог двух мировых войн, инициатором которых и их же главной жертвой была капиталистическая Европа. После Первой мировой войны в Восточной Европе вместо царской России возникло первое в мире социалистическое государство – Советский Союз; после Второй – родилась мировая социалистическая система, частью которой стали восемь европейских государств: Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия. Свершился немислимый ранее поворот в отношениях между Францией и Германией (ФРГ). «Извечные враги» создали сдвоенный локомотив, который потащил за собой всё более длинный со временем состав объединяющихся западноевропейских государств.

Во-вторых, была переосмыслена история политического и социального развития. Во всех странах Западной Европы, включая монархии, были установлены демокра-

¹ Более точный перевод оригинального наименования – Европейское сообщество угля и стали (фр. – *Communauté européenne du charbon et de l'acier*). Однако в СССР изначально закрепилось название со словом «объединение», которое позже перешло в современную российскую лексику.

тические режимы, в основе которых лежат идеи верховенства права, неотъемлемости прав и свобод личности. Государство вступило в диалог с гражданским обществом. Последними, в середине 1970-х гг., встали на путь демократии освободившиеся от авторитарных режимов Испания и Португалия. В социальной сфере Марксова теория классовой борьбы между трудом и капиталом, кончающейся установлением диктатуры пролетариата, уступает место концепциям социального компромисса и партнёрства. В практику входит диалог профсоюзов и предпринимателей, к которому периодически подключается государство в роли арбитра. Социальная политика становится ведущей статьёй государственных бюджетов [Борко, 2001: 160–165].

В-третьих, в странах Западной Европы на первые роли вышла плеяда выдающихся политических лидеров: Шарль де Голль, Жан Монне и Робер Шуман во Франции, Уинстон Черчилль, Энтони Иден и Клемент Эттли в Великобритании, Конрад Аденауэр и Людвиг Эрхард в ФРГ, Джулио Андреотти и Пальмиро Тольятти в Италии. При всех различиях во взглядах их объединяли эпоха и опыт жизни. Большинство из них были свидетелями, а многие и участниками обеих мировых войн, и могли сравнивать, насколько кровопролитнее и разрушительнее была вторая по сравнению с первой.

Поэтому и названные и не упомянутые политические лидеры были воодушевлены общей целью – покончить с распрями между государствами Европы, объединив их в региональную организацию, содействующую сотрудничеству, мирному решению конфликтов и защите их интересов на международной арене. С новой силой зазвучали идеи панъевропейского единства: Европе необходимо сплотиться, чтобы обеспечить себе выживание в мире, где все более доминируют США и Советский Союз [Haas, 1997: 321].

Первым, кто призвал к созданию объединенной Европы, был Уинстон Черчилль, бывший премьер-министр Великобритании и член «Большой тройки» (вместе с И.В. Сталиным и Ф. Рузвельтом) во время войны. Инаугурационную речь, произнесенную в сентябре 1946 г. в Цюрихском университете по случаю присвоения ему степени почетного доктора наук, он посвятил «Трагедии Европы» – следствию «серии страшных националистических ссор» между европейскими государствами. Первым шагом к воссозданию европейской семьи должно было стать партнерство Франции и Германии. Тогда же Черчилль предложил создать федеральную систему в духе давней идеи Соединенных Штатов Европы¹.

Этой цели был посвящен Европейский конгресс, проходивший в мае 1948 г. в Гааге. Будущая региональная организация наделялась уставом, правом издавать законы и системой органов, проводящих внутреннюю и внешнюю политику в пределах своей компетенции. Решения были приняты, но почти все остались на бумаге. Европейские государства не желали делиться национальным суверенитетом с предполагаемым региональным объединением.

Своим прорывом к интеграции Западная Европа обязана трём лицам – Жану Монне, Роберу Шуману и Конраду Аденауэру.

¹ «Соединенные Штаты Европы». URL: <https://churchill.pw/soedinennye-shtaty-evropy.html> (дата обращения: 2.02.2019)

Весной 1949 г. Ж. Монне выдвинул проект создания франко-германского Сообщества угля и стали, открытого для вступления других демократических государств Западной Европы. Успешный предприниматель и государственный деятель, после освобождения Франции он разработал план восстановления и модернизации национальной экономики, который сам же осуществил. Первым из поддержавших его видных политических деятелей стал министр иностранных дел Франции Робер Шуман, в прошлом премьер-министр, а в 1949 г. – один из самых влиятельных политиков в стране. Он, как и Ж. Монне, был приверженцем идеи Соединённых Штатов Европы. Мотивы, побудившие канцлера недавно созданной ФРГ К. Аденауэра принять предложение Франции, лежали на поверхности. Германии был предложен достойный вариант включения в семью демократических государств. К тому же участие в планируемом Сообществе сулило немалые экономические выгоды.

Сообщество было новаторским проектом. Во-первых, по целям, программе и методам. Согласно Договору, предусматривалась отмена всех квот во взаимной торговле государств-участников продукцией обеих отраслей, поэтапное снижение таможенных пошлин вплоть до полной отмены и создание таможенного союза, а также общего рынка товаров. Формировались два общих фонда: один для финансирования модернизации угольной и металлургической промышленности, другой – социальный – для переобучения и трудоустройства уволенных в ходе модернизации рабочих. Рассчитанная на 10 лет программа была выполнена на полтора года раньше, к концу 1950-х гг.

Во-вторых, Сообщество являло собой объединение нового типа. В его основу был положен не принцип межгосударственного сотрудничества полностью независимых участников, а договорённость о частичном делегировании суверенных прав наднациональным органам, которые могли принимать обязательные для всех решения. Тогда же, в 1949 г., ЕОУС было названо интеграционным объединением. Термин предложил американец Пол Хоффман – глава Администрации экономического сотрудничества, финансового органа плана Маршалла. Выступая 31 октября 1949 г. в Париже на 75-м заседании совета Организации Европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), он призвал страны Западной Европы трудиться вместе, чтобы «создать большой союз и интегрировать их экономику в единый европейский рынок»¹. Термин интеграция прочно вошел в экономический и политический лексикон, а объединительный процесс в Западной Европе стал именоваться процессом развития экономической интеграции.

Непосредственным результатом деятельности ОЕЭС и прозвучавшего из уст Хоффмана призыва стало создание в 1950 г. Европейского платежного союза (ЕПС). Он объединил 17 западноевропейских стран², охватив также значительную часть Африки и Азии плюс отдельные территории в Центральной и Южной Амери-

¹ Statement by the E.C.A. Administrator at the 75th Council meeting Paris, 31st October, 1949. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2009/4/3/840d9b55-4d17-4c33-8b09-7ea547b85b40/publishable_en.pdf (дата обращения: 09.09.2021)

² Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, ФРГ, Швейцария и Швеция.

ке, которые тогда относились к зонам западноевропейских валют – в основном фунта стерлингов и французского франка. За восемь лет ЕПС выполнил стоявшие перед ним задачи: государства-участники восстановили конвертируемость своих валют, отменили валютные ограничения и устранили большую часть торговых барьеров. Все это позволило резко активизировать торговлю – как между партнерами, так и с третьими странами. Не случайно Роберт Триффин относил ЕПС к формам экономической интеграции [Triffin, 1956].

Хотя в Европейский платежный союз входила вся первоначальная «шестерка» ЕОУС, его опыт до сих пор замалчивается, а сам он решительно выводится за рамки официальных нарративов об истории европейской интеграции. Одно из объяснений состоит в том, что ОЕЭС строилась на принципах межгосударственного сотрудничества и не подразумевала создания надгосударственных структур [Bulmer, 2007: 11]. О других причинах можно только догадываться¹. Между тем ЕПС провел впечатляющую работу по либерализации торговли. В январе 1950 г. от количественных ограничений было освобождено 90% импорта [Шишков, 2001: 164]. К концу 1958 г. все страны-участницы ОЕЭС (кроме Исландии и Турции) освободили от дискриминационных мер 80–98% операций в их взаимной частной (негосударственной) торговле [Kaplan, Schleiminger, 1989: 344]. Поэтому предусмотренный Римским договором таможенный союз создавался вовсе не на пустом месте, о чем сегодня не любят вспоминать.

Сразу после вступления Договора о ЕОУС в силу в 1952 г. его участники при поддержке НАТО предприняли попытку создать два новых сообщества – оборонительное и политическое. Однако она не удалась. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отвергло уже подписанный всеми участниками ЕОУС, включая французское правительство, Договор о Европейском оборонительном сообществе. Это поставило крест на плане Европейского политического сообщества, договор о нем так и не был подготовлен. Летом 1955 г. на встрече в Мессине министры иностранных дел «Шестёрки» приняли решение вернуться на путь экономической интеграции. Началась подготовка двух новых договоров – об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии. Оба были подписаны в марте 1957 г. в Риме, с этого времени развитие ЕЭС стало магистральным направлением европейской интеграции.

¹ ЕПС может быть неудобным для летописцев Евросоюза по ряду причин. Во-первых, Евросоюз, отождествляя себя с Европой, «выпалывает» из истории европейской интеграции «посторонние» явления, такие как Европейская ассоциация свободной торговли, Совет экономической взаимопомощи, деятельность Совета Европы и даже интеграционные проекты в Северной Европе. Без них, как и без ЕПС, он выглядит магистральным трендом с ясной эволюционной логикой: восхождение от простых форм к сложным сопровождается пространственным расширением. Вторая и, вероятно, главная причина – ведущая роль, которую сыграли США при формировании ЕПС, фактически принудив страны ОЕЭС встать на путь интеграции. Третья причина – наличие в ЕПС колониального компонента в виде де-факто подключившихся к нему колоний, протекторатов и иных зависимых территорий метрополий Старого Света. В современной политической риторике этот факт выглядит особенно неуместным.

Осмысление феномена

Система профессиональных взглядов на региональную интеграцию складывалась по мере становления и развития самого феномена. Первые исследовательские усилия направлялись на то, чтобы очертить предметное поле и выработать дефиниции.

В 1950 г. увидела свет книга Якоба Винера о последствиях формирования таможенного союза. Описанные в ней эффекты создания и отклонения торговых потоков (вследствие снятия таможенных барьеров между участниками объединения при сохранении таковых в отношении третьих стран) сохраняют научную ценность по сей день. Книга была написана в русле теории свободной торговли, что не помешало автору поставить вопрос о потенциальной роли таможенных союзов в решении более широкой проблемы – повышения уровня благосостояния народов мира. По признанию Винера, таможенный союз является весьма сомнительным и несовершенным средством в сравнении с недискриминационным снижением торговых барьеров в масштабах всего мира [Viner, 1950: 135]. Указание на недискриминационное снижение барьеров не было случайным, поскольку либерализация внутри замкнутой группы стран означала фактическую дискриминацию аутсайдеров. При этом в одних случаях таможенный союз мог содействовать либерализации международной торговли, а в других – противодействовать ей. Общий результат, по мнению Винера, зависел от ряда специфических факторов, и его нельзя было вычислить заранее [Viner, 1950: 51].

Джеймс Мид стремился развить экономические взгляды Винера, освободив их от узких рамок теории свободной торговли и переведя на обширное поле теории благосостояния. Высоко ценя труд Винера, Мид высказал важное критическое замечание: проведенный анализ не позволяет сравнить экономические выгоды от создания торговли с потерями от отклонения торговли [Meade, 1955: 34]. Чтобы восполнить этот пробел, автор построил модель, где эластичность спроса равна нулю, а эластичность предложения стремится к бесконечности. Применив ее в разных вариантах, Мид пришел к выводу о невозможности вынести итоговое суждение относительно воздействия таможенных союзов на благосостояние. В одних случаях они способствуют более рациональному использованию ресурсов, а в других нет, что зависит от сочетания конкретных обстоятельств [Meade, 1955: 107].

Ричард Липси из Лондонской школы экономики усомнился, что создание торговли всегда положительно влияет на благосостояние, а отклонение торговли – отрицательно [Lipsey, 1957: 41]. Разработанная им модель позволила более точно оценить последствия таможенного союза, вследствие которого возникающее отклонение торговых потоков преобладает над их созданием (то есть весь объем международной торговли сокращается). Теоретически было обосновано наличие ситуаций, когда подобный союз приводит к общему росту благосостояния. Что, конечно, не отменяло ситуаций с обратным исходом [Lipsey, 1957: 44, 46]. Позже Джагдиш Бхагвати уточнил аргументацию Липси и подтвердил его общий вывод [Bhagwati, 1971].

Ян Тинберген понимал интеграцию как создание наиболее желательной структуры международной экономики, устранение искусственных препятствий для ее оптимального функционирования при целенаправленном введении всех желательных элементов координации и унификации. Значительное внимание он уделял проблеме

централизации и децентрализации, определения адекватной меры регулирования международных обменов. В целом же он рассматривал интеграцию как часть более широкой проблемы выработки оптимальной политики в международных экономических отношениях между независимыми государствами [Tinbergen, 1954: 15–16, 95].

Тинберген предложил ставшее хрестоматийным разделение интеграции на негативную и позитивную. Негативная интеграция устраняет препятствия к взаимодействию, например, путем отмены таможенных пошлин. Позитивная интеграция создает новое качество пространства, например, за счет введения общего таможенного тарифа [Tinbergen, 1954: 76–79]. Автор не изучал возможное влияние интеграции на уровень жизни. О благосостоянии он говорил лишь в контексте общих целей экономической политики, концентрируясь на вопросах эффективного использования ресурсов, обеспечения равномерности производства и справедливого распределения доходов [Tinbergen, 1954: 104].

Герберт Гирш первым теоретически обосновал существование пространственных эффектов создания экономического союза между несколькими странами. На убедительных примерах он показал возникновение гравитационного движения факторов производства от периферии, то есть от внешних границ объединения к его центральным областям. Таможенные границы, согласно Гиршу, сдерживают силы, способствующие агломерации промышленности в рамках всего мира и Западной Европы, в частности. Устранение таких барьеров внутри западноевропейского союза усилило бы концентрацию производства и населения в его промышленном центре. В целом образование обширных зон свободной торговли могло повышать дискриминацию отдельных регионов. Отсюда возникал вопрос о мерах экономической политики, которые могли бы нейтрализовать появление необоснованных привилегий у центральных районов и дополнительного бремени у окраинных [Giersch, 1949: 93–97].

Морис Бийе исследовал, как таможенный союз может влиять на систему международного разделения труда. Он показал, что устранение торговых барьеров приведет к изменению профилей специализации стран-участниц под давлением конкуренции. Наиболее благоприятным является союз между странами с комплементарными (дополняющими друг друга) профилями специализации. Трудности возникнут у объединения стран с однотипными направлениями специализации. В одних случаях решением станет переход стран-партнеров к более глубокой специализации в рамках конкурирующих отраслей. В других случаях могут возникнуть предпосылки к деградации промышленности относительно бедных и плохо наделенных ресурсами стран [Буэ, 1950: 135, 148].

Оба ученых анализировали сдвиги в организации хозяйственной жизни региона в результате формирования таможенного союза. Примечательно, что еще до создания ЕОУС и ЕЭС им удалось сформировать общее, позже подтвердившееся на практике представление о преимуществах и издержках интеграции. Опыт ЕС показал, что консолидация экономического пространства может усиливать региональные диспропорции. Для их сглаживания начиная с 1970-х гг. в ЕС создавались различные инструменты и фонды региональной и структурной политики. Однако и на сегодня не существует единой, общепринятой методики подсчета экономических выгод и издержек интеграции [Кондратьева, 2020: 23–28].

Крупной вехой на пути исследования региональной интеграции стали работы американского экономиста венгерского происхождения Белы Балаши [Balassa 1961a, 1961b]. По признанию автора, даже в 1961 г., то есть через десять лет после подписания Парижского договора о ЕОУС, понятие экономической интеграции не имело в научной литературе ясных очертаний. Одни ученые понимали под ней устранение любых барьеров на пути экономической активности, в том числе внутри национального хозяйства, тогда как другие относили ее только к сфере международных отношений. Сам Балаша приветствовал понимание Тинбергена, который увязывал снятие барьеров на пути движения факторов производства с необходимостью проведения эффективной экономической политики [Balassa, 1961b: 1–3].

Находясь в русле общественной дискуссии того времени, Балаша размышлял о взаимодействии рыночных сил и государственной политики. Интеграция, как он полагал, требовала активной государственной политики – для поддержания полной занятости, для сглаживания отрицательных пространственных эффектов интеграции, для регулирования деятельности картелей, а также для гармонизации национальных политик государств-членов объединения. Данная позиция не мешала ему критически относиться к интеграционным рецептам французских «дирижистов» [Balassa, 1961b: 9–10].

Автор классической концепции стадий региональной интеграции не мог уклониться от вопроса о ее вкладе в общественное благосостояние. Однако научная заслуга Балаши состоит не в решении проблемы, а в комплексном исследовании экономических эффектов интеграции, которые в итоге могут влиять на уровень благосостояния [Balassa, 1961a: 10–14]. Именно он дополнил обнаруженные Винером статические эффекты интеграции еще двумя категориями: динамическими эффектами роста (благодаря эффекту масштаба и возрастающей конкуренции), а также эффектам географического распределения производства и доходов внутри регионального объединения [Sapir, 2011: 1207–1208].

Хотя книга Балаши ознаменовала поворот в развитии теории экономической интеграции, её идеи не скоро проникли в политический дискурс. Например, Жан Монне в статье 1963 г. вообще не упоминает об экономических выгодах интеграции. Отец-основатель Европейских сообществ напоминает, что в ходе войны западноевропейские страны понесли колоссальный урон, ее окончание они встретили разделенными, а через полтора десятка лет некоторые из них потеряли свои империи. Но «утрата былого величия и престижа» не заставила их сдаться, напротив, они вместе создают Общий рынок, который в будущем может привести к созданию Европейской федерации [Monnet, 1963: 204, 208]. Ценность ЕЭС, по словам Монне, заключается в том, что на континенте возникает рынок, сравнимый по масштабам с американским [Monnet, 1963: 205]. Если сейчас ни одна из европейских стран не может реально воздействовать на международные процессы, то, объединившись, они обретут необходимое политическое влияние и возможность на равных взаимодействовать с Соединенными Штатами. Европейское объединение, заключает Ж. Монне, – это не теория, это уже начавшийся процесс соединения народов и стран, с тем чтобы они могли вместе адаптироваться к меняющимся обстоятельствам [Monnet, 1963: 209–211]. Таким образом, смысл интеграции Монне видел в том, что она служит инструментом коллективного встраивания в новую геополитическую реальность.

Концепция выгод в практике интеграции

За 70 лет своего существования европейская интеграция миновала несколько этапов или стадий. Их цели, содержание и результаты обстоятельно изложены в зарубежной и российской научной литературе. Задача данной статьи – выяснить, как постулируемые теорией выгоды экономической интеграции проявляли себя на различных этапах развития ЕС.

Первый период (с образования ЕОУС до конца 1960-х гг.) прошел под знаком восстановительного роста, низкой безработицы и наращивания социальных функций государства. Динамично развивался и интеграционный проект. В 1962 г. внутри ЕЭС была введена в действие Общая аграрная политика с единым рынком сельскохозяйственных товаров. С лета 1968 г. заработал таможенный союз, упразднивший пошлины и квоты на торговлю промышленными товарами. То есть главные достижения происходили в сфере негативной интеграции. Получаемые экономические выгоды вытекали из устранения барьеров, при этом эффекты и отклонения торговли часто сопровождалась ее общим расширением, что отвечало мировому тренду.

Второй этап (с начала 1970-х гг. и до середины 1980-х гг.) отличался низкой интеграционной динамикой. Сообщество переживало период застоя и «евросклероза». Руководящие органы ЕЭС стремились не допустить дезинтеграции, основные силы уходили на поддержание проекта в жизнеспособном состоянии. Отдельные позитивные сдвиги никак не касались эффектов благосостояния. В это время был создан Европейский совет, возникла Европейская валютная система, началась реализация региональной и научно-технической политики.

Тематика экономических выгод стала центральной на третьем этапе, после как в 1985 г. Европейскую комиссию возглавил Жак Делор. Реализованная к 1992 г. программа Единого внутреннего рынка (ЕВР) базировалась на представлениях о преимуществах большого экономического пространства. Создав его, страны ЕС ожидали получить долгосрочные выгоды: ускорить экономический рост и повысить конкурентоспособность за счет усиления конкуренции, эффекта масштаба и более эффективного использования ресурсов. Речь шла уже не о статических, а о динамических эффектах интеграции. Построение Экономического и валютного союза должно было в полной мере раскрыть потенциал ЕВР. Введение в 1999 г. единой европейской валюты избавляло участников рынка от расходов на конвертирование, повышало прозрачность цен, снижало процентные ставки и повышало предсказуемость хозяйственной конъюнктуры.

Четвертый этап ознаменовался расширением Евросоюза на восток, когда в 2004–2007 г. его пополнили 12 государств¹, десять из которых обычно относят к региону Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). От стран, вступавших в ЕС раньше, их отличали менее развитая экономика и почти полувековой опыт социализма советского образца. Экономические последствия столь масштабного расширения трактовались по-разному как в его преддверии, так и теперь, почти два десятилетия спустя.

¹ Болгария, Венгрия, Кипр, Мальта, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

Важная деталь: имеющаяся на эту тему избыточная научная литература состоит из двух четко обособленных частей. В одной исследуются экономические проблемы вступавших (восточных) стран, в другой – последствия для основного (западного) состава Евросоюза. Первым предстояли трудный переход от плановой экономики к рыночной, либерализация внешних связей, адаптация к высокой конкуренции на едином внутреннем рынке ЕС. В награду ожидался приток западных инвестиций и технологий, гарантии экономических свобод, снижение инфляции, рост благосостояния. Вторые получали приращение на 100 млн потребителей внутреннего рынка ЕС, распространение нормативной силы и ценностей Евросоюза на бывшую буферную зону между Западом и Россией. Издержки касались общей управляемости союзом, механизмов принятия решений, финансовых затрат, риска притока трудовых мигрантов из стран-новичков. При этом авторам не известны работы, в которых взвешивались бы экономические выгоды и издержки расширения для всего Евросоюза. К исключениям с натяжкой можно отнести исследования о меняющейся роли увеличенного ЕС в мировом хозяйстве и о его торгово-экономических связях с третьими странами, например, с Россией [Иванов, 2006].

Каков итог пребывания новых участников в Евросоюзе – для них и для него? Что получилось и что не оправдалось?

С одной стороны, страны ЦВЕ явно выиграли в части прироста благосостояния. Если в «девятке» ЕС¹ ВВП на душу населения в 2019 г. составлял 103–160% от показателя 2005 г. (а в среднем 126%), то в странах ЦВЕ темпы оказались разительно выше. В шести государствах: Болгарии, Латвии, Литве, Румынии, Словакии и Эстонии душевой ВВП вырос более чем вдвое, составив от 212% в Словакии до 280% в Румынии. Для Словении, Чехии, Венгрии и Польши душевой доход 2019 г. находился в диапазоне 144–197% от уровня 2005 г.² Страны ЦВЕ глубоко интегрированы во внутрирегиональную торговлю, у многих из них на партнеров по ЕС-27 приходится 70 и более процентов общего внешнеторгового оборота. Однако процесс переориентации их торговых потоков с партнеров по бывшему СЭВ на страны ЕС произошёл еще в 1990-е гг. и в основном завершился к моменту официального присоединения к группировке. Причем эффект отклонения торговли почти всегда сочетался с эффектом ее создания [Фейт, 2002: 309, 316; Хесин, 2003: 45].

Между тем хозяйственная связанность самого региона ЦВЕ поныне остается сравнительно невысокой. Так, инвестиционному сотрудничеству стран Вишеградской группы препятствует то, что основу национальных хозяйств составляют малые и средние предприятия, которым трудно соперничать с западноевропейскими ТНК [Габарта, Дрыночкин, 2017: 73]. Некоторые исследователи, включая западных, указывают на устойчивые отличия в моделях рыночной экономики, существующих в западной и восточной частях Европы. Будучи обусловленными национальной

¹ Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, а также Великобритания, Ирландия и Дания.

² Данные в долларах США в текущих ценах. Источник: электронная база данных UNCTAD-Stat: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 28.09.2021)

спецификой, эти различия могут нарастать в условиях глобализации, закрепляя подчиненное положение стран ЦВЕ по отношению к ядру ЕС [Лобанов, Глинкина, 2020; Буторина, 2017: 39]. Вопрос о соотношении выгод и издержек экономической интеграции в данном контексте приобретает новое измерение.

Мировой финансовый кризис 2009 г., а затем долговой кризис еврозоны выявили многие прежде незаметные риски единой валюты. С этого времени представление о выгодах и издержках экономической интеграции расширилось и сдвинулось в сторону последних. Одновременно стал очевидным провал двух долгосрочных программ социально-экономического и технологического развития Евросоюза – Лиссабонской стратегии и стратегии «Европа 2020». Ресурсы интеграции как стимулятора экономического развития, видимо, оказались к этому времени исчерпанными.

Многие исследователи отмечают, что главный вызов, перед которым сегодня находится Европейский союз – это вызов геополитический и геоэкономический. Доля ЕС в населении и ВВП мира неуклонно снижается, основной центр глобального развития перемещается в Азию при ослабевающей роли США. Децентрализация глобализации, политическая и финансовая нестабильность вкупе с подвижностью идеологических рамок требуют от Евросоюза переосмысления его интеграционной стратегии [Кавешников, 2021: 346; Lavery, Schmid, 2021: 1322]. В последние годы ЕС сделал решительный шаг в сторону от экономической повестки. Главными стали универсальные направления: цифровизация, «Европейский зеленый курс», обеспечение внешней устойчивости Евросоюза и борьба с пандемией COVID-19. Конечно, каждый из названных четырех векторов имеет мощное экономическое содержание. Цифровые и зеленые технологии призваны вывести общество и хозяйственную систему на новую, более прогрессивную модель производства и потребления благ. Вопрос о соотношении издержек и будущих выгод такого перехода является ныне предметом широкой дискуссии и в средствах массовой информации, и среди профессионалов. Купных вложений требует борьба с пандемией.

Здесь следует сделать важное уточнение. Конечно, интеграционные проекты современного ЕС могут и должны оцениваться с точки зрения баланса экономических выгод и издержек. Однако следует понимать, что они нацелены не на получение немедленного прироста благосостояния (как при создании таможенного союза), а на решение более комплексной задачи, к которой неприменимы критерии бухучета. Сегодня на кону стоит наличие или отсутствие у Евросоюза стратегической перспективы, его выживание в новой геополитической ситуации. Речь идет не столько о будущих благах, сколько об отведении внешних угроз и минимизации неизбежного ущерба, что характерно и для других региональных группировок мира [Буторина, 2021]. Похожая ситуация существовала в 1950-е гг., когда страны ЕЭС объединялись ради того, чтобы вписаться в новые условия биполярного противостояния и крушения колониальной системы, о чем прямо заявлял Жан Монне.

Выводы

Изначальные мотивы, которыми руководствовались отцы-основатели ЕЭС, лежали в основном в области геополитики и были обусловлены новой ситуацией, возникшей в мире и в Европе после Второй мировой войны. Получение экономиче-

ских выгод от интеграции составляло их малую часть, а в пределах этой части вписывалось в либеральную идеологию и общемировую борьбу с протекционизмом.

Концепция экономических выгод интеграции была сформирована в 1950–1960-е гг. преимущественно как часть теории таможенного союза. Устранение таможенных барьеров содействует развитию внутрирегиональной торговли с положительными последствиями для благосостояния. Согласно теории, общий итог создания и отклонения торговли не поддается оценке *ex ante*. Тем не менее в рамках существующего консенсуса общий положительный итог от мер негативной интеграции, то есть от ее статических эффектов, был получен в ЕС в 1960-е гг. благодаря созданию таможенного союза.

Динамические эффекты интеграции – от увеличения емкости общего рынка, усиления конкуренции и лучшего использования пространства – были положены в основу стратегии создания Единого внутреннего рынка и Экономического и валютного союза. Меры негативной интеграции (снятие барьеров на пути движения услуг, капиталов и лиц, устранение административных и технических препон) сочетались с мерами позитивной интеграции, включая введение единой валюты. Однако по мере продвижения интеграции обнаружились многие ее неизвестные ранее издержки, в том числе связанные со структурными особенностями национальных экономик. Поэтому соотношение материальных выгод и издержек интеграции остается более вопросом веры, нежели убедительного подсчета.

На всем протяжении европейской интеграции она преследовала важные геополитические цели, мало связанные с концепцией выгод и издержек. На сегодня экономическая проблематика в целом, задачи поддержания устойчивого роста, повышения благосостояния и социального сплочения не находятся в числе стратегических приоритетов Евросоюза. Поэтому использование оценки чистого выигрыша от интеграции в качестве единственного и главного мерила ее эффективности применительно к интеграционным процессам за пределами Европы представляется необоснованным и не отвечающим реальности.

Сказанное вовсе не отрицает получение экономического выигрыша странами-участницами многочисленных международных соглашений о зонах свободной торговли, подавляющее большинство из которых являются двусторонними. Многосторонние и более сложно устроенные интеграционные объединения ставят и решают комплексные стратегические задачи. Предметом их деятельности (в разной мере) является глобальное позиционирование региона, что бессмысленно анализировать при помощи измерения прибылей и убытков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андропова И.В. (2016) Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального глобального лидерства. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, № 2. С. 7–23.

Борко Ю.А. (2001) От Европейской идеи – к единой Европе. Деловая литература, Москва.

Буторина О.В. (2017) Экономическая интеграция и конвергенция. *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Под ред. Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова. Нестор-История, Москва. С. 25–42.

Буторина О. (2021) Цели региональной интеграции: современное понимание. *Мировая экономика и международные отношения*, Том 65, № 10. С. 5–14.

Габарта А.А. Дрыночкин А.В. (2017) Экономика региона за годы членства в ЕС. *Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. Под ред. Л.Н. Шишелиной. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 48–81.

Кавешников Н.Ю. (2021) Европейский союз: история, институты, деятельность. Аспект Пресс, Москва.

Кондратьева Н.Б. (2020) Европейская модель интеграции рынков: становление и перспективы. РАН, Москва.

Лобанов М.М., Глинкина С.П. (2020) Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Экономика*. Том 36, № 1. С. 7–26.

Фейт Н.В. (2002) Проблемы и перспективы включения стран Центральной и Восточной Европы в систему европейской экономической интеграции. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. Том третий. Трансформации 90-х годов. Часть I. Наука, Москва. С. 319–345.

Хесин Е.С. (2003) Расширение европейского хозяйственного комплекса. *Расширение ЕС на восток: предпосылки, проблемы, последствия*. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. Наука, Москва. С. 27–58.

Шишков Ю.В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? НП «III Тысячелетие», Москва.

Auriol E., Biancini S. (2013) Powering up Developing Countries through Integration? *The World Bank Economic Review*, 29(1), pp. 1–40. Doi: 10.1093/wber/lht021

Balassa, Bela (1961a) The Theory of Economic Integration. Homewood Ill.: Richard D. Irwin, Inc.

Balassa, Bela (1961b) Towards a Theory of Economic Integration, *Kyklos*, 14(1), pp. 1–14.

Bhagwati, Jagdish (1971) Trade-Diverting Customs Unions and Welfare-Improvement: A Clarification. *The Economic Journal*, Vol. 81, No. 323 (Sept., 1971), pp. 580–587.

Burk, Marian and Leuffen, Dirk (2019) On the Methodology of Studying Differentiated (Des)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 57, Issue 6, pp. 1395-1406. <https://doi.org/10.1111/jcms.12958>

Bulmer, Simon (2007) History and Institutions. In: Artis M., Nixson F. (Eds.) *The Economics of the European Union: Policy and Analysis*, Fourth edition, Oxford: Oxford University Press.

Byé M. (1950) Unions Douanières et données nationales. *Economie Appliquée*, 3, pp. 121–158.

Giersch, Herbert (1949) Economic Union between Nations and the Location of Industries. *Review of Economic Studies*, 17(2), pp. 87–97.

Haas, Ernst B. (1967) The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 5, No. 4, pp. 315–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>

Kaplan, Jacob J., Schleiminger, Günther (1989) *The European Payments Union: Financial diplomacy in the 1950s*. Oxford: Clarendon Press.

Krapohl, Sebastian and Vasileva-Dienes, Alexandra (2019) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*, pp. 347–366. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>

Lavery, Scott and Schmid, Davide (2021) European Integration and the New Global Disorder. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 59, No. 5, pp. 1322–1338. DOI: 10.1111/jcms.13184.

Lipsey, R.G. (1957) The Theory of Customs Union: Trade Diversion and Welfare. *Economica*, Vol. 24, No. 93, pp. 40–46.

Meade, J.E. (1955) *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam: North Holland Publishing Company.

Monnet, Jean (1963) A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*, No. 1, pp. 203–211.

Palankai, Tibor and Miklos, Gabor (2017) Integration Profiles for Central Europe and Hungary. In: De Lombaerde Ph., Saucedo A., Edgar J. (Eds.) *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration*. Springer, pp. 95–137.

Pelkmans, Jacques (2013) The Economics of Single Market Regulation. In: Verdun A., Tobias A. (Eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 79–104.

Taghizadeh-Hesary (2019) Comparison of Regional Economic Integration in Asia and Europe: Policy Implications for the CAREC Region. *CAREC Institute Policy Brief*, Dec 2019. Central Asian Regional Economic Cooperation Institute.

Tinbergen, Jan (1954) *International Economic Integration*, Amsterdam, Elsevier.

Triffin, Robert (1965) Convertibilité monétaire et intégration économique. *Economie Appliquée*, October-December, pp. 618–658.

Viner, Jacob (1950) *The Customs Union Issue*, New York, Carnegie Endowment for International Peace.

Yoo-Duk Kang (2016) Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, No. 2 (June 2016), pp. 234–227.

Benefits of Regional Integration: towards Redefining the Concept

O.V. Butorina*

*Corresponding Member of RAS, Doctor of Science (Economics)
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str.,
Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** butorina@ieras.ru

Yu.A. Borko*

*Doctor of Science (Economics)
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street,
Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** yborko@mail.ru

Abstract. Over decades, scholars have been considering the rationale of regionalism and regional integration through the lens of its economic benefits. The classical theories of customs union and optimum currency area, along with, to a lesser extent, the new regionalism approach is built on the evaluation of potential costs and benefits that such unions bring to their member countries. In conventional terms: regional integration encourages intraregional trade flows, contributes to a more efficient allocation of resources by stimulating competition and productivity through achieving a deep and efficient internal market. As a result, there is a positive effect on the growth rate and, consequently, on the level of per capita income. The 70-year legacy of the European Communities provides sufficient historic evidence for assessing the role of economic gains as the main driving force of regional integration. With this aim we at first sum up the major incentives for the post-war unification of Western Europe, then explore the position of cost-benefit analysis in the theory of economic integration, and finally identify the impact of welfare effects on the EU strategic decisions. We argue that economic gain is not an immanent property of regional integration. Member counties neither necessarily reap net benefits going through every particular integration phase, no they regard the pro-

spect of economic gain as a principal attraction to enter into arrangements for integration. In sum, regional integration aims to respond to the changing global order, helping the region to enhance its international standing and to better insulate it from external influences. Economic benefits are important, but they are not predominantly decisive.

Key words: regional integration, European Union, customs union, common market, economic and monetary union.

DOI: 10.31857/S0201708322010016

REFERENCES

- Andronova I.V. (2016) Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potencial i ograni-cheniya dlya regional'nogo global'nogo liderstva [Eurasian Economic Union: Its Potential and Constraints for the Regional Global Leadership], *Vestnik mezhdunarodnyh organi-zacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, New Economy. No 2, pp. 7–23. (in Russian).
- Borko Yu.A. (2001) Ot Evropejskoj idei – k edinoj Evrope [From the European Idea to a United Europe], *Delovaya literatura*, Moscow. (in Russian).
- Butorina O.V. (2017) Ekonomicheskaya integraciya i konvergenciya [Economic Integration and Convergence]. *Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski*. Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. Nestor-Istoriya, Moscow, pp. 25–42. (in Russian).
- Butorina O. (2021) Celi regional'noj integracii: sovremennoe ponimanie. [Goals of Regional Integration: A Modern Understanding]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65, No. 10, pp. 5–14. (in Russian).
- Gabarta A.A. Drynochkin A.V. (2017) Ekonomika regiona za gody chlenstva v ES. [Economy of the Region During the Years of EU membership]. *Vishegradskaya chetyvorka v Evropejskom soyuze: dilemmy konvergencii*. Pod red. L.N. Shishelinoj. Institute of Europe RAS, Moscow, pp. 48–81. (in Russian).
- Kaveshnikov N.Yu. (2021) Evropejskij soyuz: istoriya, instituty, deyatel'nost' [The European Union: History, Institutions, Activities]. Aspekt Press, Moscow. (in Russian).
- Kondrat'eva N.B. (2020) Evropejskaya model' integracii rynkov: stanovlenie i perspektiva [European Model of Market Integration: Formation and Prospects]. RAS, Moscow. (in Russian).
- Lobanov M.M., Glinkina S.P. (2020) Raznovidnosti kapitalisticheskikh otnoshenij v zarubezhnyh stranah s formiruyushchimisya rynkami: problemy tipologiza-cii i metodologii issledovaniya. [Varieties of Capitalist Relations in Foreign Countries with Emerging Markets: Problems of Typology and Research Methodology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Ekonomika*. Vol. 36, No. 1. pp. 7–26. (in Russian).
- Fejt N.V. (2002) Problemy i perspektivy vklucheniya stran Central'noj i Vostochnoj Evropy v sistemu evropejskoj ekonomicheskoy integracii. [Problems and Prospects for the Inclusion of Central and Eastern European Countries in the System of European Economic Integration]. *Central'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka. Tom tretij. Transformacii 90-h godov*. Chast' I. Nauka, Part I. Moscow, pp. 319–345. (in Russian).
- Hesin E.S. (2003) Rasshirenie evropejskogo hozyajstvennogo kompleksa. [Expansion of the European Economic Complex]. *Rasshirenie ES na vostok: predposylki, problemy, posledstviya. In-t mirovoj ekonomiki i mezhdunar. otnoshenij*. Nauka, Moscow, pp. 27–58. (in Russian).
- Shishkov Yu.V. (2001) Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG? [Integration Processes on the Threshold of the XXI century. Why the CIS countries do not Integrate?]. NP «III Tysacheletie», Moscow. (in Russian).
- Auriol E., Biancini S. (2013) Powering up Developing Countries through Integration? *The World Bank Economic Review*, 29(1), pp. 1–40. Doi: 10.1093/wber/lht021

- Balassa, Bela (1961a) *The Theory of Economic Integration*. Homewood Ill.: Richard D. Irwin, Inc.
- Balassa, Bela (1961b) Towards a Theory of Economic Integration, *Kyklos*, 14(1), pp. 1–14.
- Bhagwati, Jagdish (1971) Trade-Diverting Customs Unions and Welfare-Improvement: A Clarification. *The Economic Journal*, Vol. 81, No. 323 (Sept., 1971), pp. 580–587.
- Burk, Marian and Leuffen, Dirk (2019) On the Methodology of Studying Differentiated (Des)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 57, Issue 6, pp. 1395-1406. <https://doi.org/10.1111/jcms.12958>
- Bulmer, Simon (2007) History and Institutions. In: Artis M., Nixson F. (Eds.) *The Economics of the European Union: Policy and Analysis*, Fourth edition, Oxford: Oxford University Press.
- Byé M. (1950) Unions Douanières et données nationales. *Economie Appliquée*, 3, pp. 121–158.
- Giersch, Herbert (1949) Economic Union between Nations and the Location of Industries. *Review of Economic Studies*, 17(2), pp. 87–97.
- Haas, Ernst B. (1967) The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 5, No. 4, pp. 315–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>
- Kaplan, Jacob J., Schleiminger, Günther (1989) *The European Payments Union: Financial diplomacy in the 1950s*. Oxford: Clarendon Press.
- Krapohl, Sebastian and Vasileva-Dienes, Alexandra (2019) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*, pp. 347–366. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>
- Lavery, Scott and Schmid, Davide (2021) European Integration and the New Global Disorder. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 59, No. 5, pp. 1322–1338. DOI: 10.1111/jcms.13184.
- Lipsey, R.G. (1957) The Theory of Customs Union: Trade Diversion and Welfare. *Economica*, Vol. 24, No. 93, pp. 40–46.
- Meade, J.E. (1955) *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam: North Holland Publishing Company.
- Monnet, Jean (1963) A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*, No. 1, pp. 203–211.
- Palankai, Tibor and Miklos, Gabor (2017) Integration Profiles for Central Europe and Hungary. In: De Lombaerde Ph., Saucedo A., Edgar J. (Eds.) *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration*. Fourth World Report on Regional Integration. Springer, pp. 95–137.
- Pelkmans, Jacques (2013) The Economics of Single Market Regulation. In: Verdun A., Tobias A. (Eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 79–104.
- Taghizadeh-Hesary (2019) Comparison of Regional Economic Integration in Asia and Europe: Policy Implications for the CAREC Region. *CAREC Institute Policy Brief*, Dec 2019. Central Asian Regional Economic Cooperation Institute.
- Tinbergen, Jan (1954) *International Economic Integration*, Amsterdam, Elsevier.
- Triffin, Robert (1965) Convertibilité monétaire et intégration économique. *Economie Appliquée*, October-December, pp. 618–658.
- Viner, Jacob (1950) *The Customs Union Issue*, New York, Carnegie Endowment for International Peace.
- Yoo-Duk Kang (2016) Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, No. 2 (June 2016), pp. 234–227.

УДК 327.7, 341.1

КОНФЕРЕНЦИЯ О БУДУЩЕМ ЕВРОПЫ КАК НОВЕЙШАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНТЕГРАЦИИ

© 2022 **Е.Г. Энтина***

Доктор политических наук

*НИУ «Высшая школа экономики», Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.*

***E-mail:** *e.entina@hse.ru* ORCID: 0000-0003-4198-4870.

© 2022 **М.Л. Энтин***

Доктор юридических наук

МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

***E-mail:** *entinmark@gmail.com* ORCID: 0000-0001-9562-8340.

Поступила в редакцию 17.11.2021

После доработки 11.12.2021

Принята к публикации 25.12.2021

Аннотация. Институты Европейского союза, ведущие государства-члены, политические элиты региона, разделяющие подходы евроэнтузиастов, сделали ставку на Конференцию о будущем Европы. Они рассчитывают, что она запустит глубинную трансформацию ЕС, даст импульс его консолидации и углублению интеграции, усилению международных позиций интеграционного объединения и его конкурентоспособности. Для таких надежд есть основания. Конференция о будущем Европы вобрала в себя всё лучшее, что было опробовано ЕС при организации подобных форумов в прошлом. Вместе с тем она выгодно отличается от них, поскольку построена по сетевому принципу с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и тем самым предоставляет широкие возможности участия в ее работе. Это позволяет Брюсселю утверждать, что судьба ЕС теперь определяется не кем-то, а самими гражданами ЕС. Кроме того, решается вопрос о том, как заранее легитимизировать конкретные шаги по перестройке Евросоюза, согласно рекомендациям, которые подготовит Конференция. Проевропейский триумvirат в составе Германии, Италии и Франции, сложившийся к началу 2022 г., придает большое значение Конференции о будущем ЕС, особенно с учетом председательства Франции в Совете ЕС и параллельно идущей в стране избирательной кампании.

Ключевые слова: Европейский союз, Конференция о будущем Европы, политические, институциональные, регулятивные реформы ЕС, углубление интеграции.

DOI: 10.31857/S0201708322010028

На всех этапах реализации европейского интеграционного проекта политические элиты Европейского союза и его государств-членов стремились придать максимальную легитимность наднациональному строительству и всё более тесному межнациональному сближению [Sternberg 2013]. Для этого им требовалось взаимосвязанное решение комплекса задач:

(1) создании институциональных сдержек и противовесов на наднациональном уровне, близких по духу сформированным на уровне современного демократического государства;

(2) оснащении интеграционного процесса, осуществляемого сверху-вниз, такими процедурами и механизмами, которые бы дополняли и частично замещали его процессом, осуществляемым снизу-вверх [Bellamy, Kröger 2016];

(3) накоплении интеграционным объединением свойств, консолидирующих единое политическое, правовое, экономическое и социокультурное пространство таким образом, чтобы оно всё больше функционировало в виде федерации в большинстве областей своей деятельности [Craig, De Búrca, 2020; Kuijper, 2018].

Новейшим инструментом продвижения по пути, ведущему к такому результату, является Конференция о будущем Европы 2021–2022 гг. В ее организационной структуре, порядке функционирования и предоставленном мандате учтен уже имеющийся у ЕС опыт проведения подобных конвентов и конференций со схожим целеполаганием. В то же время ее отличительными чертами являются инновационный сетевой характер и последовательное использование гораздо более продвинутых современных медийных, информационных и политических технологий.

Конференция спланирована так, чтобы вовлечь в обсуждение европейского интеграционного проекта, его сильных и слабых сторон самые широкие слои населения государств-членов. Благодаря ее новаторскому выигрышному дизайну политические силы, ратующие за всемерное укрепление ЕС, его консолидацию и углубление интеграции, рассчитывают преодолеть отчуждение населения от наднационального институционально-правового и партийно-политического строительства; продемонстрировать прежде всего своим собственным гражданам, но также и всему миру, что ЕС – это во многом прямая демократия в действии; заранее заручиться мощной социальной поддержкой уже осуществляемой и еще только задуманной трансформации ЕС и всех аспектов жизнедеятельности панъевропейского социума; и тем самым превратить политически и экономически активную часть населения интеграционного объединения в реальный двигатель ведущихся и предстоящих масштабных преобразований.

В связи с этим анализ того, как организована Конференция о будущем Европы, как она протекает, в чем ее отличие от предыдущих, какие идеи и инициативы на ней обсуждаются, что от нее ждут евроэнтузиасты, позволяет лучше понять, чем живет сегодня Евросоюз и что от него можно ожидать завтра. В статье последовательно

рассматриваются: предыстория созыва Конференции; расстановка сил в ЕС в ее отношении; специфика Конференции в сопоставлении с имеющимся у ЕС опытом проведения аналогичных политических кампаний; промежуточные итоги Конференции и прогнозируемые результаты.

Позитивный и негативный опыт

На всех этапах осуществления европейского интеграционного проекта, несмотря на все повороты и отступления, определяющими тенденциями развития ЕС являлись укрепление системы институтов наднационального управления и координации, расширение их компетенции и наращивание делегируемых им суверенных полномочий, упрощение процедуры принятия политических, законодательных и административных решений, а также усиление контроля за соблюдением совместно вырабатываемых нормативных предписаний.

Любое продвижение по намеченному пути фиксировалось государствами-членами в учредительных договорах, которые шаг за шагом обновлялись, дополнялись и актуализировались в рамках принимаемых на их основе законодательных актов и заключаемых международных соглашениях [Craig, De Búrca, 2020; Kuijper, 2018]. Соответственно, ключевую роль в перестройке, реформировании и модернизации ЕС играли межправительственные конференции (МПК) по пересмотру учредительных договоров.

В какой-то степени МПК давали ожидаемый от них результат, но не всегда и не во всем. С годами в их отношении высказывалось всё больше претензий.

Во-первых, по методу своей работы конференции тянут ЕС в прошлое. Господствующим в ЕС давно уже стал коммунитарный метод, всё больше приближающийся к внутригосударственному, в то время как МПК – межправительственная форма.

Во-вторых, работа МПК не соответствует современным представлениям об открытости и транспарентности политического процесса и его подконтрольности обществу. Когда президент Франции Жак Ширак «отчитывался» перед Европарламентом о Ниццком заседании Европейского совета, его попросили объяснить, как получилось, что Польша получила так много голосов в рамках механизма взвешенного голосования при принятии решений. Он уклонился от ответа. На тех же слушаниях европарламентарии из Франции обвинили его в предательстве национальных интересов.

Дело же было в том, что одним из столпов послевоенного устройства Европы было полное равенство между главными европейскими державами – Британией, Германией, Италией и Францией. Они повсеместно имели равное количество голосов и равное представительство. После воссоединения Германия потребовала большего объема прав, поскольку по параметру народонаселения теперь намного превосходила всех остальных. В Ницце Жак Ширак дал согласие на увеличение числа депутатов Европарламента от Германии. Почему ему пришлось уступить, он не сумел объяснить.

В-третьих, сколько-нибудь весомого влияния на исход МПК не оказывают ни граждане ЕС, ни социальные партнеры. МПК особенно выпукло демонстрирует, насколько изолированно политические структуры ЕС отстоят от общества.

В-четвертых, в силу целого ряда обстоятельств эффективность МПК оставляет желать лучшего. Так, Ниццкий договор должен был подготовить ЕС к масштабному расширению, но этого не произошло. До того Маастрихтский договор не справился с задачей учреждения Союза. Получилось лишь добавить к Европейскому сообществу новые области сотрудничества. Международная правосубъектность осталась за Сообществом. Лиссабонский договор стал таким масштабным, удачным и перспективным лишь потому, что на 95% состоял из ранее тщательно проработанного и одобренного текста [Laurson 2012].

Все эти изъяны межправительственного согласования учредительных договоров, обновляющих каркас европейского интеграционного проекта и закрепляющих правовое регулирование под каждый последующий виток реформ, подвигли политические элиты ЕС и государств-членов к поиску альтернативной процедуры.

Впервые она была опробована в 2000 г. при работе над Хартией ЕС о фундаментальных правах. Международный форум, конституировавший себя в Конвент, по всем параметрам отличался от МПК. Ему был придан образцово представительный характер. За его работой могли следить даже страны, не входившие в ЕС, в том числе Россия: включенные в состав Конвента заместитель Генерального секретаря Совета Европы и один из судей Европейского суда по правам человека регулярно докладывали Комитету министров СЕ о прогрессе в согласовании документа. Система управления Конвентом получилась простой и в то же время эффективной. Порядок принятых решений не вызывал возражений.

Главное – Конвент блестяще справился с поставленной перед ним задачей [Braibant 2001]. Хартия ЕС о фундаментальных правах на сегодня является наиболее системным международным обязывающим актом в области прав человека. Она вобрала в себя все лучшее, что имелось на тот момент в нормативной практике континента. Она сняла коренное противоречие в обеспечении соблюдения прав человека четырех поколений, нивелировала различия, существующие между ними. В то же время авторы Хартии предпочли не трогать формулировки, заимствованные из Европейской конвенции по правам человека. Тем самым они сумели сохранить целостность европейской системы защиты прав человека. В целом текст Хартии получился настолько удачным, что последовавшая МПК утвердила ее в том виде, в каком она была предложена.

Логично, что в преддверии скачкообразного расширения ЕС и в свете необходимости радикально переписать учредительные договоры, политические элиты ЕС и государств-членов обратились к опыту Конвента [Laurson 2012: 217–243]. Созванная ими Конференция о будущем Европы, занявшаяся составлением проекта Конституции ЕС, была построена по лекалам Конвента. Все черты, которые хорошо себя зарекомендовали в работе Конвента, были усилены. Это касалось параметров представительности, транспарентности и др. Так, заседания пленумов Конференции транслировались. На сайте Конференции были вывешены все подготовительные документы. Все желающие, включая отдельных ученых и политических

деятелей, неправительственные организации, политические и властные структуры, могли направлять ей свои предложения.

Результат, на который удалость выйти Конференции, тоже получился выше всяких похвал. Составленный Конференцией проект Конституции должен был заменить, а не модернизировать действующие учредительные договоры. Он выводил ЕС на принципиально новый уровень интеграции, наделяя Союз атрибутикой префедерального супергосударства. О качестве получившегося текста свидетельствует то, что в содержательном плане Лиссабонский договор мало чем от него отличается. Однако проект Конституции опередил свое время, и, как следствие, был заменен на менее амбициозный договор о внесении изменений в уже действующие договоры [Laurson 2012: 244-268; Phinnemore 2013].

Предпосылки и мотивация созыва новой Конференции о будущем Европы

Лиссабонский договор, принятый государствами-членами взамен провалившейся Конституции ЕС, был подписан в 2007 г. (вступил в силу в 2009 г.). Последующее десятилетие в ЕС не без оснований называют потерянными по аналогии с тем, что случилось с целым поколением тысяч итальянцев, хорватов и многих других молодых женщин и мужчин, у которых первый глобальный финансово-экономический кризис и асоциальная политика ЕС отобрали хорошую работу, сломали карьерные ожидания и обрекли на эмиграцию. Не имело значения то, что опыт написания Хартии фундаментальных прав и проекта Конституции, полученный ЕС, оценивался сугубо позитивно. Это можно объяснить рядом причин.

Прежде всего интеграционному объединению, вынужденному преодолевать кризисы, было не до стратегического планирования. Первый глобальный финансово-экономический кризис, кризис суверенной задолженности и кризис евро, затем миграционный стали настоящим вызовом для ЕС [Riddervold, Trondal, Newsome 2021]. В Брюсселе, как это сделал тогдашний председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер, заговорили даже об экзистенциальном кризисе ЕС и кризисе доверия [Falkner 2018; Patel 2020]. Перед ЕС встала перспектива выбора в пользу дифференцированного развития, означающего фактически возникновение в рамках ЕС нескольких обособленных союзов [Bellamy, Kröger, Lorimer 2022]. Только брекзит, показавший степень недовольства политикой Брюсселя, позволил Жан-Клоду Юнкеру и лагерю евроэнтузиастов заявить, что магистральным вектором развития ЕС должно оставаться фронтальное углубление интеграции.

В-вторых, от событий, связанных с провалом Конституции ЕС, у евроэнтузиастов и в целом у политических элит региона остался тяжелый осадок. Работа по внесению изменений в действующие учредительные договоры ЕС сложная, трудоемкая, неблагодарная, а результат всегда может быть поставлен под сомнение любой страной ЕС [Mendez F., Mendez M., Triga 2016].

В-третьих, единство интеграционного объединения оказалось под вопросом [Chalmers, Davies, Monti 2019]. Брексит продемонстрировал его хрупкость. Он заставил все политические силы внутри ЕС посмотреть, как будет развиваться ситуа-

ция и не окажется ли пример Британии заразительным. К тому же постоянным явлением стали противоречия между центром и периферией ЕС, Севером и Югом, Западом и Востоком, теми, кто за политику жесткой экономии, и теми, кто против, кому нужны иммигранты, и кто их не приемлет.

В-четвертых, в ЕС возник вакуум лидерства. С одной стороны, отдельные государства-члены пошли по пути ренационализации политик. С другой – никто из политических лидеров не смог предложить по-настоящему объединительную повестку дня. В этом плане бывшая канцлер Германии Ангела Меркель оставила ЕС тяжелое наследие.

В-пятых, предпосылки для качественной трансформации ЕС отсутствовали. Любые выдвигавшиеся инициативы по дальнейшей институализации еврозоны, стратегической автономии, военному строительству, перераспределению полномочий между государствами-членами и институтами ЕС страдали фрагментарностью и встречали неоднозначную реакцию. Кроме того, в Лиссабонском договоре содержались многочисленные элементы дальнейших преобразований и предлагались паллиативные средства совершенствования первичного права ЕС, не требующие внесения фундаментальных изменений и дополнений в действующие учредительные договоры.

Такие предпосылки возникли к началу нынешнего десятилетия [Coman, Crespy, Schmidt, 2020]. Состояние, в котором оказался ЕС, перестало устраивать политические элиты Союза и ведущие государства. Возник ярко выраженный социальный запрос на большее единство, слаженность, динамизм в функционировании ЕС, возвращение ему лидирующих позиций в мире, превращение в такую силу, которую бы не только уважали, но и были бы готовы повиноваться.

Сформировался также запрос на новую объединительную идеологию и стратегию развития. В прошлом это означало преодоление вековой вражды народов региона, построение общего рынка, воссоединение западной и восточной частей континента, исправление исторической несправедливости. Такие идеологии и стратегии задавали вектор развития интеграционного объединения. Они служили главным драйвером движения вперед. Теперь была запущена новая дискуссия. Даже евроскептики перестали настаивать на возвращении национальному государству утраченных им прерогатив. Они скорректировали свои подходы. Теперь и Марин Ле Пен, и Маттео Сальвини ставят вопрос совсем иначе: они выступают за усиление ЕС и расширение его возможностей активно и самостоятельно действовать на международной арене и одновременно – за предоставление национальному государству всего необходимого, чтобы самостоятельно справляться с проблемами, возникающими на национальном уровне.

Первыми о целесообразности созыва новой Конференции о будущем Европы и запуске процесса системной трансформации интеграционного объединения заговорили в Европарламенте. Резолюции, посвященные ее проведению и тому, что она могла бы дать ЕС, начали прорабатываться уже с начала 2019 г. Главную ценность и предназначение Конференции коалиционное большинство проевропейских фракций Европарламента неизменно видело в возможности подтолкнуть преобразование ЕС в супердемократию, работающую столь же эффективно, что и парламент-

ская демократия на национальном уровне, и владеющую политическим и силовым инструментарием, который есть в распоряжении последней¹.

В дополнение к тем соображениям, которым руководствовался Европарламент, Париж и Берлин увидели в созыве Конференции также возможность укрепить свое лидерство в ЕС, направить его развитие в направлении, которое они считали оптимальным, получить в результате весомые политические дивиденды, необходимые для решения острейших текущих проблем внутренней повестки.

В конце 2019 г. франко-германский тандем перехватил инициативу и выступил со своим видением того, как быстро, каким образом и во имя чего следует создать Конференцию. Стержнем короткого энергичного нон-пейпера², с которым выступили Париж и Берлин, стал предложенный ими график проведения мероприятия³. Тандем высказался за то, чтобы запустить работу Конференции как можно быстрее, уже с начала 2020 г. Это позволило бы Германии, заступающей на капитанский мостик Совета ЕС, отладить ее механизмы, сформировать повестку, задать динамику. Конференция под эгидой Берлина могла бы послужить укреплению позиций христианских демократов и европейской народной партии и предотвратила бы дальнейшую эрозии их электоральной базы.

Завершающий этап Конференции тандем хотел назначить на первую половину 2022 г., когда председательство в Совете ЕС переходило к Франции. Тогда именно Париж смог бы оказать решающее влияние на подведение итогов Конференции и определение последующих шагов и приписать себе заслугу в ее успешном проведении. Успех же естественным образом сыграл на руку партии власти Эмманюэля Макрона, что было бы очень кстати с учетом президентских выборов весной 2022 года.

В сроки, которые обозначил франко-германский тандем, созвать Конференцию не получилось. Ему не удалось убедить остальные государства-члены действовать без промедления. Затем помешали пандемия и последовавшая неразбериха в ЕС, вызванная тем, что интеграционному объединению не удалось сразу приступить к скоординированным действиям по борьбе с COVID-19, спасению национальных экономик и общего рынка труда.

Открытие Конференции состоялось лишь 9 мая 2021 г. Тем не менее сроки ее завершения франко-германскому тандему удалось сохранить неизменными. Пик активности Конференции происходит параллельно с идущей полным ходом изби-

¹ European Parliament resolution of 15 January 2020 on the European Parliament's position on the Conference on the Future of Europe (2019/2990(RSP) // European Parliament Adopted Texts. 15.01.2020. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0010_EN.html (дата обращения: 20.12.2021)

² Нон-пейпер (от англ. "non-paper") – применяемый в дипломатической и политической практике тип документа, краткой записки или меморандума с отдельными формулировками и предложениями.

³ Conference on the Future of Europe Franco-German non-paper on key questions and guidelines. 2019. 2 p. <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2019/11/Conference-on-the-Future-of-Europe.pdf> (дата обращения: 20.12.2021)

рательной кампании во Франции. Подведение итогов и оглашение рекомендаций отнесены на апрель-май 2022 года.

Первоначально отношение к Конференции о будущем Европы со стороны общественного мнения, было скептическим. Отмечалось, что в условиях пандемии запускать ее несвоевременно, ее невозможно провести в нормальном режиме и для государств-членов в такой ситуации она не может стать приоритетом. Кроме того, Португалия и Словения, председательствующие в Совете ЕС в 2021 г., не расценивались как страны, которые способны «раскрутить» Конференцию.

Однако оказалось, что Париж и Берлин предусмотрели всё как нельзя лучше. К началу председательства Франции в Совете ЕС политический ландшафт изменился в пользу Конференции благоприятным образом. В ЕС возникла во многом уникальная ситуация: во главе ведущей тройки стран встали евроэнтузиасты. Они поспешили создать мини-союз в поддержку Конференции и ее использования для глубокой трансформации интеграционного объединения.

Оплотом Конференции стала «светофорная» правительственная коалиция в Германии, сформированная по итогам парламентских выборов осенью 2021 г. При Ангеле Меркель в Германии считали, что условия для серьезной перестройки ЕС пока не сложились, и что переговоры о внесении изменений в учредительные договоры бесперспективны. Новое правительство заняло более инициативную и определенно проевропейскую позицию. В коалиционной программе записано, что Германия будет продвигать превращение ЕС в «европейское федеративное государство», то есть в супергосударство¹.

Вторым столпом преобразований интеграционного объединения через механизмы Конференции выступила Италия. Во-первых, согласно программе возрождения экономики региона «ЕС следующего поколения», Рим должен получить гранты (трансфер средств) в более чем сотню миллиардов евро. Во-вторых, премьер-министром Италии стал Марио Драги – один из самых авторитетных политиков континента, убежденный евроэнтузиаст, сумевший в бытность председателем Европейского центрального банка спасти не только финансы, но и экономику интеграционного объединения. В-третьих, во главе Италии ему удалось добиться многого: объединить вокруг себя представителей самых различных политических сил, провести первоначальную санацию национальной экономики и придать ее восстановлению ощутимое ускорение, вернуть страну в разряд ведущих игроков в ЕС.

Третьим столпом является Франция. Париж отнесся к своему председательству в Совете ЕС очень серьезно. Заранее в Брюсселе высадился многочисленный десант чиновников, которые познакомились с внутренней кухней ЕС и мобилизовались на всестороннюю подготовку председательства. С тем чтобы обеспечить согласованную работу и предотвратить появление раздражителей, которые бы отвлекли от концентрации усилий на главных направлениях, президент страны лично провел

¹ Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/die Grünen und FDP. 2021. 177 p. https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (дата обращения: 20.12.2021)

двусторонние переговоры со всеми членами Европейского совета. Франции сыграло на руку даже то, что председательство в Совете ЕС Португалии и Словении прошло относительно блекло. В результате у Парижа появились дополнительные возможности проявить себя, в том числе путем выдвижения Конференции на авансцену политической жизни.

Для того чтобы активизировать европейский проект, Париж и Рим пошли еще дальше: они подписали двустороннее соглашение, в котором нашли отражение как приоритеты двух стран, так и вопросы, вызывающие у них озабоченность. Соглашение получило высокую оценку со стороны политических кругов и экспертного сообщества, в частности, что оно является чистым выигрышем для ЕС и в его нынешнем состоянии, и под углом зрения его возможного реформирования [L'accord, 2021].

Отличительные черты и особенности Конференции о будущем Европы

Большое внимание, уделяемое Германией, Италией и Францией, институтами ЕС, всеми проевропейскими политическими силами Конференции о будущем Европы, указывает на то, что она спроектирована выгодным им образом. Она обладает целым набором черт, делающих ее беспроблемным политическим и медийным мероприятием.

Во-первых, по сравнению со всеми предыдущими подобными мероприятиями, Конференция о будущем Европы 2021–2022 гг. является намного более представительной, открытой и демократичной; она построена по сетевому принципу.

Как иные конференции ЕС, она обладает четкой организационной структурой вертикального типа, состоящей из Пленума и Исполнительного совета. В состав руководящих органов включены представители институтов ЕС, законодательных и правительственных инстанций, социальных партнеров и т.д. Важное новшество – состав этих органов расширен за счет прямого представительства молодежи и гражданского общества.

Главное, что помимо вертикального Конференции придано горизонтальное измерение, которое позволяет вовлечь в работу Конференции огромное количество людей. Фактически Конференция – не столько форум, сколько кампания. Она складывается из сотен и тысяч небольших встреч и обсуждений, тематических, специализированных. На них дискутируются проблемы, с которыми сталкиваются ЕС и его государства-члены, предлагаются варианты решений. Высказанные идеи и предложения передаются для дальнейшего обсуждения в вертикальные структуры.

Такая организация дает право институтам ЕС и всем стоящим за их спиной евроэнтузиастам объявлять Конференцию олицетворением прямой демократии, инструментом проведения прямых консультаций с народом. На практике это означает, что институты ЕС и государства-члены получают возможность квалифицировать шаги, которые они собираются предпринять или предпримут после завершения Конференции, в качестве поддержанных народом.

Во-вторых, в дизайне Конференции использованы новейшие информационно-коммуникационные технологии. Основу ее горизонтального измерения образует цифровая платформа. Всем зарегистрировавшимся она дает возможность подключаться ко всем мероприятиям, проводить свои и приглашать в них неограниченный круг лиц.

Кроме того, цифровая платформа служит агрегатором. С ее помощью можно прослушивать и просматривать любую информацию, касающуюся хода работы Конференции, внесенных идей и предложений и последовавшей на них реакции. Она позволяет препарировать и анализировать информацию самостоятельно или знакомиться с уже обобщенными данными [Multilingual, 2021; Plateforme intermédiaire, 2021; Plateforme Deuxième, 2021]. Таким образом, обеспечивается полная свобода участия в Конференции всех желающих вне зависимости от их статуса, положения, убеждений. Точно так же гарантируется транспарентность ее работы и открытый доступ ко всей документации.

В-третьих, институты ЕС и государства-члены могут не бояться непредсказуемых итогов Конференции. Ее мандат сформулирован очень осторожно и не представляет реальную власть. Вертикальные структуры Конференции лишь отбирают, обобщают и формулируют внесенные предложения, которые они передают Европарламенту, Совету ЕС и Европейской комиссии, а те уже сами определяют, каким из них дать ход и в какой последовательности. Дополнительной защитой от нежелательных или преждевременных идей служит то, что в рамках Конференции представители этих институтов обладают правом вето.

В-четвертых, у институтов ЕС, ведущих государств-членов и евроэнтузиастов есть возможность запрограммировать исход Конференции. Это предопределено тем политическим контекстом, в котором она проводится. Согласно социологическим опросам, Конференцией интересуется меньше половины населения ЕС. Значит, реально к ее проведению подключаются лишь политически и экономически активные представители европейского социума. Каких позиций они придерживаются, четко видно по комментариям к проходящим мероприятиям, высказываемым идеям и предложениям.

Открытию Конференции предшествовали два года предварительной подготовки. За это время те силы, неправительственные организации и ассоциации гражданского общества, которые выступают за консолидацию ЕС и углубление интеграции, имели возможность отработать идеи, которые они затем озвучили в рамках Конференции. На предыдущих форумах со сходным целеполаганием политические элиты региона сумели отточить механизмы и процедуры, с помощью которых для итоговых документов Конференции они оставят только то, что им нужно.

В-пятых, все вопросы, обсуждаемые на Конференции, тесно связаны с политическими процессами, протекающими в ЕС, мировой политике и экономике; непроницаемых барьеров между ними нет. Всё, что предлагается, коррелирует с теми инициативами, которые уже выдвигались лидерами ЕС и ведущих государств-членов: приоритеты председательства Франции в Совете ЕС; работа Европейской комиссии по реализации программы «ЕС следующего поколения»; осуществление зеленого курса и климатической повестки и др.

Основные направления планируемой трансформации ЕС

Работа Конференции о будущем Европы разбита в соответствии с заранее утвержденным рубрикатом. По каждой из областей сформулированы самые разнообразные и относительно детальные идеи и предложения. Попробуем суммировать важнейшие из них.

В первую очередь, они касаются интеграционных инициатив в области здравоохранения, энергетики, безопасности, цифровизации, завершения строительства бюджетного, фискального, финансового, банковского союза и общего рынка капиталов. Хорошие перспективы у предложений об унификации процедуры выборов в Европарламент и проведении голосования по спискам европейских политических партий, что должно привести к дальнейшей концентрации политической власти на наднациональном уровне.

Особенно энергично происходит лоббирование инициатив, направленных на реформирование порядка принятия решений в Европейском совете и Совете ЕС. Их суть заключается в поэтапном завершении перехода от единогласия к принятию законодательных и иных решений квалифицированными большинством голосов и лишению государств-членов права вето. Широкой поддержкой пользуются предложения об ужесточении механизма контроля за соблюдением государствами-членами принципа господства права и его использовании во всех соответствующих случаях.

Безусловный приоритет – системное осуществление зеленого перехода и климатической повестки, достижение климатической нейтральности и утверждение нулевой терпимости по отношению ко всему, что мешает реализации этих установок.

В области внешней политики и обороны Конференция о будущем Европы гарантированно выступит за укрепление силового потенциала ЕС, его превращение в полноценный военно-политический союз, позиционирование ЕС в качестве ключевого игрока в мировой политике.

* * *

С помощью Конференции о будущем Европы ЕС и государства-члены апробируют новые формы политического процесса, которые позволяют им расширять социальную базу проводимой внутренней и внешней политики. Они добиваются кулуарного решения двуединой задачи, которая состоит в вовлечении активной части населения в реализацию больших политических, экономических и социальных проектов и одновременной легитимизации этих проектов и курса на глубокую трансформацию интеграционного объединения.

То, что обсуждается и продвигается на Конференции о будущем Европы, показывает, в каком направлении будет эволюционировать ЕС.

России как его соседу, партнеру и сопернику в мировых делах важно быть готовой к прогнозируемой трансформации Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

L'accord entre Paris et Rome viserait à assurer la souveraineté de l'Union européenne (2021) Euractiv. 30.11. URL: <https://www.euractiv.fr/section/lactu-en-capitales/news/laccord-entre-paris-et-rome-viserait-a-assurer-la-souverainete-de-lunion-europeenne/> (accessed: 20.12.2021)

Bellamy Richard, Kröger Sandra (eds.) (2016) Representation and Democracy in the EU: Does one come at the expense of the other? / Journal of European Integration Special Issues (27 books). 1st ed. Kindle Edition. Apr. 175 p.

Bellamy Richard, Kröger Sandra, Lorimer Marta. (2022) Flexible Europe: Differentiated Integration, Fairness, and Democracy. Kindle Edition. Jan. 200 p.

Braibant Guy. (2001) La Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne. P.: Points. Novembre. 336 p.

Chalmers Damian, Davies Gareth, Monti Giorgio. (2019) European union Law. Text and Materials. Cambridge University Press. 4th ed. September. 1000 p.

Coman Ramona, Crespy Amandine, Schmidt Vivien A. (2020) Governance and Politics in the Post-Crisis European Union. Cambridge University Press. August. 652 p.

Contributions per Member State on the Multilingual Digital Platform of the Conference on the Future of Europe September 2021. Conference of the Future of Europe. Kantar Public 2021. 65 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/v64hscrc6w9ihdawj8umt9m9lup1> (accessed: 20.12.2021)

Falkner Gerda (ed.) (2018) EU Policies in Times of Crisis / Journal of European Integration Special Issues (27 books). Kindle Edition. Oct. 178 p.

Craig Paul, De Búrca Gráinne. (2020) EU law: text, cases, and materials. 7th ed. Oxford Univ. Press. cxxiii, 1219 p.

Kuijper Pieter Jan (Ed.) (2018) The Law of the European Union and the European Communities. 5th ed. Wolters Kluwer. 1600 p.

Laursen Finn (ed.) (2012) Designing the European Union. From Paris to Lisbon. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. XV, 317 p.

Mendez Fernando, Mendez Mario, Triga Vasiliki. (2016) Referendums and the European Union: A Comparative Inquiry. Cambridge University Press. June. 282 p.

Multilingual Digital Platform of the Conference on the Future of Europe Interim Report August (2021) Kantar Public. September 2021. 65 p. URL: <https://conference-observatory.eu/wp-content/uploads/2021/09/Cofoe-Zwischenbericht.pdf> (accessed: 20.12.2021)

Patel Kiran Klaus. (2020) Project Europe: A History. Cambridge University Press. April. 388 p.

Phinnemore David. (2013) The Treaty of Lisbon. Origins and Negotiation. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. X, 306 p.

Plateforme numérique multilingue de la conférence sur l'avenir de l'Europe: Rapport intermédiaire août (2021). Kantar Public 2021. 65 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/hhhzqdvjde3v0c1gq8qmju09ocp> (accessed: 20.12.2021)

Plateforme numérique multilingue de la conférence sur l'avenir de l'Europe: Deuxième rapport intermédiaire septembre 2021. Kantar Public 2021. 81 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/mjlqt4e99t7mqq8c2tllw29ub2rr> (accessed: 20.12.2021)

Riddervold Marianne, Trondal Jarle, Newsome Aksemi (eds.) (2021) *The Palgrave Handbook of EU Crises*. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. XXI, 796 p.

Sternberg Claudia Schrag. (2013) *The Struggle for EU Legitimacy. Public Contestation; 1950–2005*. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. X, 290 p.

Conference on the Future of Europe as the Novel Form of Social Support for Integration

E.G. Entina*

Doctor of Science (Politics)

*National Research University "Higher School of Economics", Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** *e.entina@hse.ru* ORCID: 0000-0003-4198-4870.

M.L. Entin*

Doctor of Science (Law)

MGIMO-University. 76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** *entinmark@gmail.com* ORCID: 0000-0001-9562-8340.

Abstract. Institutions of the European Union, leading Member States, political elites of the region, who share the approaches of Euro-enthusiasts, put hope on the Conference on the Future of Europe. They expect that it will launch a deep transformation of the EU, give an impetus to its consolidation and deepening of integration, strengthening the international positions and its competitiveness. The Conference on the Future of Europe has absorbed the best that the EU has tried in organizing similar forums. At the same time, it compares favorably with them, since it is built on a network principle using modern information and communication technologies and thereby opens free access to its work. This allows Brussels to assert that the fate of the EU is now determined not by someone else, but by the EU citizens. In addition, it makes it possible to legitimize in advance steps to restructure the European Union, on recommendations that the Conference will prepare. The authors conclude that the pro-European triumvirate of Germany, Italy and France, formed by the beginning of 2022, will not fail in its intentions taking into account the French presidency of the EU Council and the parallel election campaign in the country.

Keywords: European Union, Conference on the Future of Europe, political, institutional, regulatory reforms of the EU, deepening integration.

DOI: 10.31857/S0201708322010028

REFERENCES

L'accord entre Paris et Rome viserait à assurer la souveraineté de l'Union européenne (2021) Euractiv. 30.11. URL: <https://www.euractiv.fr/section/lactu-en-capitales/news/laccord-entre-paris-et-rome-viserait-a-assurer-la-souverainete-de-lunion-europeenne/> (accessed: 20.12.2021)

Bellamy Richard, Kröger Sandra (eds.) (2016) Representation and Democracy in the EU: Does one come at the expense of the other? / Journal of European Integration Special Issues (27 books). 1st ed. Kindle Edition. Apr. 175 p.

Bellamy Richard, Kröger Sandra, Lorimer Marta. (2022) Flexible Europe: Differentiated Integration, Fairness, and Democracy. Kindle Edition. Jan. 200 p.

Braibant Guy. (2001) La Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne. P.: Points. Novembre. 336 p.

Chalmers Damian, Davies Gareth, Monti Giorgio. (2019) European union Law. Text and Materials. Cambridge University Press. 4th ed. September. 1000 p.

Coman Ramona, Crespy Amandine, Schmidt Vivien A. (2020) Governance and Politics in the Post-Crisis European Union. Cambridge University Press. August. 652 p.

Contributions per Member State on the Multilingual Digital Platform of the Conference on the Future of Europe September 2021. Conference of the Future of Europe. Kantar Public 2021. 65 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/v64hscsr6w9ihdawj8umt9m9lup1> (accessed: 20.12.2021)

Falkner Gerda (ed.) (2018) EU Policies in Times of Crisis / Journal of European Integration Special Issues (27 books). Kindle Edition. Oct. 178 p.

Craig Paul, De Búrca Gráinne. (2020) EU law: text, cases, and materials. 7th ed. Oxford Univ. Press. cxxiii, 1219 p.

Kuijper Pieter Jan (Ed.) (2018) The Law of the European Union and the European Communities. 5th ed. Wolters Kluwer. 1600 p.

Laursen Finn (ed.) (2012) Designing the European Union. From Paris to Lisbon. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. XV, 317 p.

Mendez Fernando, Mendez Mario, Triga Vasiliki. (2016) Referendums and the European Union: A Comparative Inquiry. Cambridge University Press. June. 282 p.

Multilingual Digital Platform of the Conference on the Future of Europe Interim Report August (2021) Kantar Public. September 2021. 65 p. URL: <https://conference-observatory.eu/wp-content/uploads/2021/09/Cofoe-Zwischenbericht.pdf> (accessed: 20.12.2021)

Patel Kiran Klaus. (2020) Project Europe: A History. Cambridge University Press. April. 388 p.

Phinnemore David. (2013) The Treaty of Lisbon. Origins and Negotiation. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. X, 306 p.

Plateforme numérique multilingue de la conférence sur l'avenir de l'Europe: Rapport intermédiaire août (2021). Kantar Public 2021. 65 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/hhhzqdvjde3v0c1gq8qmjju09ocp> (accessed: 20.12.2021)

Plateforme numérique multilingue de la conférence sur l'avenir de l'Europe: Deuxième rapport intermédiaire septembre 2021. Kantar Public 2021. 81 p. URL: <https://prod-cofe-platform.s3.eu-central-1.amazonaws.com/mjlqt4e99t7mqg8c2llw29ub2rr> (accessed: 20.12.2021)

Riddervold Marianne, Trondal Jarle, Newsome Aksemi (eds.) (2021) The Palgrave Handbook of EU Crises. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. XXI, 796 p.

Sternberg Claudia Schrag. (2013) The Struggle for EU Legitimacy. Public Contestation; 1950–2005. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan. X, 290 p.

УДК: 327.8

США КАК ФАКТОР ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2022 Е.А. Маслова*

Кандидат политических наук

ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** e.maslova@inno.mgimo.ru

© 2022 Е.О. Шебалина*

Кандидат исторических наук

ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

Институт Всеобщей истории РАН, 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а

***E-mail:** shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Поступила в редакцию 16.10.2021

После доработки 18.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В статье проанализировано значение и степень вовлеченности США в итальянскую политику, выстроена хронологическая цепочка участия Америки в политической жизни страны. Методологической призмой служит концепция национального архетипа Италии. Представлены актуальные позиции основных итальянских партий в отношении американской администрации. Рассмотрены ее отношения с итальянским премьер-министром, их отличительные особенности. Показано, что через трансатлантическую связку Италия стремится утвердить свою роль на региональном и глобальном уровнях, сочетая принципы атлантизма и европеизма в проведении политического курса. При этом важной стала категория доверия и лояльности. Для США на нынешнем этапе Италия является надежным партнером по основным военно-политическим вопросам. Авторы заключают, что в политическом поле Италии всегда присутствовали проамериканские силы, вне зависимости от смены кабинета министров. Несмотря на то что отношения двух стран в краткосрочной и среднесрочной перспективах определяются политическим раскладом в конкретный момент, не вызывает сомнений намерение Рима поддержать курс стратегического партнерства с США, которые воспринимаются в качестве внешнеполитического ориентира.

Ключевые слова: Италия, Итальянская республика, итало-американские отношения, США, НАТО, внешнеполитический архетип.

DOI: 10.31857/S020170832201003X

Внешняя политика Итальянской республики характеризуется преемственностью (несмотря на частую смену кабинетов министров) и наличием магистральных направлений. Одним из ключевых партнеров страны являются Соединенные Штаты Америки – доминирующая держава в мировой политике, обладающая лидерством, ресурсами и внешнеполитическими интересами. Италия при этом стремится по-своему «разыгрывать американскую карту». В 2021 г. страны торжественно отметили 160-летие дипломатических отношений. В статье предпринята попытка проанализировать роль США как фактора итальянской политики. Для этого будут рассмотрены основные вехи республиканской истории Италии сквозь призму внешнеполитического архетипа страны.

Внешиполитический архетип

Внешиполитическая традиция Италии и её самоидентификация опосредованы историей, прежде всего итогами мировых войн. По выражению Антонио Варсори, Италия является «Золушкой» среди других стран Европы [Varsori, 2020]. В основе внешней политики лежит чувство неполноценности, которое переплетается с дискурсом о национальном достоинстве. Именно эти два сентимента стали движущей идеей и формируют внешнеполитический архетип, определяя логику поведения на международной арене [Истомин, 2018].

В этой связи в послевоенной политике параллельно реализуются два подхода: «средней державы» и так называемой «самости». Основную суть концепции средней державы можно свести к следующему: располагая ограниченными ресурсами, страна стремится усилить своё влияние на международной арене за счёт установления особых связей с крупными (великими) державами [Valigi, 2017; Santoro, 1991; Siddi, 2019]. Концепцию «самости», которая изначально разрабатывалась психоаналитической школой, в области международных отношений можно представить как самореализацию внешнеполитического интереса через отстаивание своей позиции (так, ярким современным примером является совранизм М. Сальвини).

При реализации внешнеполитического курса государство исходит из собственных интересов и ресурсов, которые впоследствии формируют цели и образ действий [Хрусталева, 2008]. Италия обладает ограниченным набором ресурсов, которые не достаточны для продвижения всех ее интересов. Политический истеблишмент адаптируется к таким обстоятельствам, при этом чувство национальной гордости («самости») также культивируется в национальном дискурсе, что может приводить к отстаиванию собственной позиции по конкретным вопросам. Зачастую эти вопросы носят символический (второстепенный) характер. Таким образом, можно говорить о том, что внешняя политика Италии – это политика средней державы с глобальными интересами. Являясь региональной державой, страна стремится активно участвовать в политике и на глобальном уровне (через многосторонние институты, а также в рамках миротворческой деятельности) [Шибкова, 2019; Маслова, 2019].

Фактор США: от Первой Республики ко Второй

Крепкая связь с США казалась итальянскому правительству тем самым рычагом, который можно использовать для укрепления послевоенного статуса. Поиск особых отношений с Вашингтоном начался ещё до окончания войны, по мере того, как нарастал страх перед советским влиянием. Ф. Рузвельт, чтобы предотвратить победу коммунистов, поддержал партию христианских демократов [Nuti, 2003]. Одним из результатов войны стало вовлечение США в итальянскую политику и усиление их роли в качестве ориентира для итальянского правящего класса [Nuti, 2003; [Гансер, 2017]. США взяли на себя роль гаранта безопасности, при этом советский фактор только усиливал внутривнутриполитический консенсус о важности американской защиты.

Образование НАТО позволило Италии существенно сократить расходы на оборону, а по сути – делегировать безопасность; при этом экономия ресурсов позволила «шестёрке» запустить проект европейской интеграции, от которого Италия также ждала того, что наднациональность нивелирует неполноценность. Подобное обретение «статусных маркеров» расширяет стратегические возможности страны [Истомин и др., 2019].

Тесная связь с США обеспечивала и своего рода международную легитимацию политических партий, вокруг которых создавались правительственные коалиции. Христианско-демократическая и социалистическая партии заручились американской поддержкой и приняли американское лидерство в вопросах безопасности и обороны. Как отмечает О. Крочи, это не просто усилило доверие между двумя странами, но и создавало для итальянского правительства некое пространство для независимого манёвра, пусть и ограниченное периферийными вопросами – с точки зрения американских интересов, но важными для Италии [Crosi, 2005].

В 1958 г. Италия под руководством правительства А. Фанфани стала первым государством НАТО, согласившимся на размещение на своей территории ядерных баллистических ракет средней дальности «Юпитер». В основе этого решения лежало желание продемонстрировать идеологическую верность трансатлантическому партнёру.

Разрабатывая новые инструменты глобального управления, в том числе «группу семи», западные лидеры ввели специальный мониторинг итальянского досье для того, чтобы вылечить «больного человека Европы». Так, Италия в ещё большей степени стала объектом политики других государств, прежде всего – США [Nuti, 2003]. Итальянские учёные [Romero, 2016] пишут о том, что именно внутривнутриполитический консенсус итальянских элит того времени о необходимости раз и навсегда похоронить представление об Италии как *enfant terrible* способствовал в 1979 г. решению председателя Совета министров Ф. Коссиги о размещении на территории Италии крылатых ракет «Першинг II». Это решение было принято в контексте кризиса «евроракет» и обострения отношений Запада с СССР, когда итальянское правительство увидело для себя шанс сыграть значимую роль в разрешении политического тупика в НАТО, даже если это решение вступало в конфронтацию с внутренней идеологией пацифизма.

«Свинцовые семидесятые» проложили путь к новому этапу конструирования национального самовосприятия Италии как великой страны (т.н. концепция “*grande paese*”). После политического кризиса, усугубленного экономическим, Италия остро нуждалась в оптимистической риторике, а общество ожидало динамизма и позитивной повестки. На таком фоне привлекательность традиционных идеологий ослабевала как на правом, так и на левом фланге. Правительство Б. Кракси (1983–1987) стало проводником идеи “*grande paese*” и апеллировало к национальной гордости. Придя к власти, Б. Кракси принял решение о дислокации новых ракет, получив взамен пространство для построения независимого от США внешнеполитического курса [Romero, 2016]. Представление о «самости» достигло апогея в 1985 г. при так называемом противостоянии на Сигонелле. Кризис чуть не привел к вооруженному столкновению между Италией и США. Тогда правительство Б. Кракси заявило о своем суверенитете и политической автономии, что вызвало всплеск патриотизма, объединившего на какое-то время все политические силы страны под знаменем восстановления национального достоинства.

В целом же противостояние с коммунистами оставило глубокий отпечаток в политическом сознании правящей элиты Италии [Romero, 2016]. Истеблишмент сознавал, что страна больше не может быть обузой для союзников, она должна стать «активом» в построении объединенной Европы, в обеспечении единства Запада. Интеграция Италии в западные институты и размещение евро ракет стали ключевыми событиями для внешней политики того времени, обеспечив становление Италии как надежного партнера США. Итальянский истеблишмент полагал, что если страна предоставляет ресурсы международным коалициям, то взамен она обретает влияние и дополнительные ресурсы.

Таким образом, во внешней политике параллельно развивались два дискурса и два подхода – «среднедержавности» и «самости». С одной стороны, страна стремилась к повышению своего статуса в региональном и глобальном контексте, получая при этом «кредит доверия» со стороны своих западных союзников; с другой – преследовала свои национальные интересы и стремилась их реализовывать.

Ось Рим – Вашингтон во времена Второй Республики

Окончание холодной войны, распад биполярной системы привели к существенному изменению международных балансов. В ряде государств Европы восприятие значимости США как гаранта безопасности ослабло, но не в Италии. Географическое расположение страны, ее близость к «дуге нестабильности» и недостаточность собственных ресурсов побуждали правительство укреплять трансатлантическую связь.

Даже приход к власти бывших коммунистов не привел к ухудшению отношений с Вашингтоном. В 1990-е гг. итальянское правительство поддержало целый ряд операций НАТО (по сути, являясь для американцев «логистической площадкой»), причем даже тогда, когда изначально выступало категорически против, принимая во внимание отсутствие санкций СБ ООН. Оказавшись в кресле председателя Совета министров, Массимо Д’Алема почувствовал необходимость доказать свою бла-

гонадежность. В своих воспоминаниях он пишет: «Моей самой большой проблемой были отношения с США, то, как американцы будут оценивать меня» [D'Alema, 1990]. Другими словами, он чувствовал необходимость доказать США свой личный авторитет лояльного партнера и свою полную надежность как члена прозападной, умеренной левой партии. Об отношениях с США Д'Алема также пишет: «Они гораздо сильнее нас, но относятся к нам с уважением <...> главное не потерять их *доверие*». По словам бывшего госсекретаря США К. Райс, «Д'Алема – бывший коммунист, но мы очень хорошо с ним работали»¹.

Освальдо Кроче отмечает [Crosi, 2005], что во времена биполярности итальянские правительства, продемонстрировав атлантическую солидарность, могли себе позволить поддерживать отношения со странами советского блока (СССР, Кубой). Позднее Италия вела диалог с «государствами-изгоями» (Ливией, Ираном). Для внутривластного потребления такие сюжеты обычно преподносились как доказательство автономности. Зачастую Италия играла центральную роль в материально-техническом обеспечении операций НАТО в обмен на возможность усилить свою значимость в региональном контексте.

Особенно прочной связка Рим – Вашингтон стала при правительствах С. Берлускони (2001–2006; 2008–2011). В противовес Франции и Германии итальянский премьер поддержал администрацию президента Дж. Буша и ввел в Ирак итальянский контингент (2003–2006), который по численности уступал только американскому и британскому. В этот же период Рим, разделяя позицию Вашингтона, развивал отношения с Израилем, отходя от поддержки арабских и палестинских политиков. Заняв кресло председателя Совета министров, С. Берлускони установил дружеские контакты с президентами США и РФ Дж. Бушем и В. Путиным, взяв в качестве посредника курс на укрепление «оси» Москва – Вашингтон.

В 2006 г. у власти в стране оказались левоцентристы. Посол США в Италии Р. Спольи (2005–2009) отмечает: «не то чтобы отношения с Италией при Р. Проди стали хуже, но с новым премьером стало сложнее взаимодействовать, чем с С. Берлускони. Вашингтон может и будет работать с Римом, но дни, когда Италия инициативно следовала нашим интересам, закончатся тогда, когда Проди решительно подчинит итальянскую внешнюю политику Европейскому союзу. И здесь нам предстоит работать жёстче и ожидать препятствий на нашем пути, если мы хотим видеть Италию в роли нашего главного союзника в Европе» [De Pizzo, 2021].

Учитывая этот контекст, США начинают укреплять связи с политической элитой Апеннин. Так, в 2006 г., когда миланская прокуратура начала расследование в отношении сотрудников ЦРУ, подозревавшихся в похищении исламского проповедника Абу Омара, администрация США обратилась не к правительству, а к одному из лидеров Демпартии Э. Летте, который взялся решить вопрос, используя свои личные контакты с министром юстиции К. Мастеллой.

Довольно ровно складывались отношения с Вашингтоном у правительства М. Монти (2011–2013). Политика его кабинета была направлена в первую очередь на «интернационализацию» Италии, повышение ее роли на международной арене.

¹ D'Alema parla con Condi Rice, *La Repubblica*. 22.03.2007.

Это было обусловлено в том числе тем, что М. Монти был более известен в европейской политике, нежели на национальном уровне. Для Вашингтона в отношениях с Римом первоочередной задачей стало добиться поворота в итальянской экономической политике для превращения Италии в двигатель европейской политики. М. Монти являлся для США таким гарантом через привилегированный диалог с Вашингтоном. Это подтверждал и выбор его команды: назначение адмирала Дж. Ди Паола (экс-председатель Военного комитета НАТО) министром обороны и Дж. Терци ди Сант'Агата (экс-посол Италии в США) министром иностранных дел.

Правительство Э. Летты (2013–2014) имело в своем составе мощное проамериканское лобби. Семья Летты на протяжении многих лет является связующим звеном американского истеблишмента с итальянской элитой. Через Э. Летту и его дядю Джанни (оба – руководящие члены американской НПО «Институт Аспена») осуществлялся негласный контроль над политической ситуацией. Так, Дж. Летта являлся доверенным лицом и советником С. Берлускони, что позволяло Вашингтону быть в курсе ситуации в правоцентристской коалиции. Э. Летта, в свою очередь, будучи активным политиком левого центра, проявлял не меньшую лояльность американским партнерам.

Яркими примерами влияния американцев на итальянскую политику вне зависимости от политических деклараций Рима были ситуации со сменой правительств С. Берлускони (2001–2006; 2008–2011) и Р. Проди (2006–2008). При Берлускони, помимо личных связей премьера с Вашингтоном, американским доверенным лицом в правительстве Италии являлся секретарь Совета министров Дж. Летта, которого в кабинете Р. Проди (открытого противника своего предшественника) сменил Э. Летта. Данная комбинация свидетельствует о том, что премьер-министры меняются, а проамериканские силы, вне зависимости от политических программ правящих партий, остаются на контрольных позициях.

Получивший в 2014 г. кресло премьер-министра М. Ренци (2014–2016), продолжая линию своих предшественников, также работал на укрепление связи Рим – Вашингтон. Он видел в этом союзе не только межгосударственный диалог, но и межпартийный альянс, пытаясь укрепить свои позиции в итальянской политике через поддержку американских демократов. Именно поэтому он с первых дней своего мандата взял курс на выстраивание привилегированного диалога с администрацией демократа Б. Обамы. По словам премьера: «Для меня было важно сразу подчеркнуть особые отношения с Вашингтоном, те связи, которые имели все мои предшественники... Моя работа в первую очередь концентрировалась на отношениях лично с Б. Обамой» [De Pizzo, 2021].

П. Джентилони (2016–2018) не изменил подходы к развитию контактов с США, поддержание которых и ранее входило в его обязанности председателя итало-американской секции межпарламентского союза. Последовательный атлантист, на посту министра иностранных дел (2014–2016) он выступал за большую вовлеченность Италии в средиземноморские проблемы, ливийское урегулирование, контроль над миграционными потоками и усиление борьбы с терроризмом [De Pizzo, 2021].

Приход к власти в США в 2017 г. Д. Трампа переформатировал американскую внешнюю политику, сместив фокус с евроатлантизма и Средиземноморья на обес-

печение национальных интересов [Воротников и др., 2020]. Но это не оказало существенного влияния на итало-американский диалог. В 2018 г. со сменой правительства (приход к власти коалиции «Лиги» и «ДПЗ») антиевропеистская риторика американского лидера нашла поддержку у итальянского руководства. При этом Рим становится более открытым к сотрудничеству со странами-конкурентами США на международной арене – Китаем и Россией. Именно поэтому Д. Трамп отводил особое место Италии в своей внешней политике, стремясь понизить влияние Пекина в Европе. Для Рима все обернулось позитивно: США отказались от участия в процессе ливийского урегулирования, предоставив Италии карт-бланш. Кроме того, Рим поддержал бомбардировки американскими ВВС сирийских военных баз. При ослаблении оси ЕС – США Италия благодаря своему статусу привилегированного партнера вновь стала проводником американских интересов в Европе.

Первое правительство Дж. Конте (2018–2019) в целом поддерживало ровные отношения с США. Обе партии коалиционного правительства («Лига» и «ДПЗ») стремились выстроить собственные отношения с Вашингтоном, разыграть карту союзника США в решении внутривнутриполитических проблем.

Анализ контактов обеих партий с американским истеблишментом свидетельствует, что декларативные заявления партийных лидеров зачастую не соответствовали их действиям, направленным на укрепление прочных связей с США. «ДПЗ», являвшееся когда-то апологетом евроскептицизма и не выступавшее в поддержку атлантизма, последовательно развивало контакты с американским диппредставительством. Уже в 2008 г. состоялась встреча посла США в Италии Р. Сполди с Б. Грилло, которого американский дипломат охарактеризовал как «политика, которому можно доверять»¹. В преддверии парламентских выборов в Италии в 2013 г. посол США Д. Торн на встрече с римскими студентами призвал молодых людей «взять в руки свою судьбу, как это сделали активисты ДПЗ».

На встрече с президентом С. Маттареллой Д. Трамп определил Италию в качестве партнера по НАТО, с которым можно работать по самым серьезным вопросам, представляющим взаимный интерес, например, борьба с терроризмом и оборона стратегических объектов НАТО. В ходе той же встречи С. Маттарелла охарактеризовал американо-итальянские отношения как глубоко дружественные, имеющие единые интересы. Ему вторил Д. Трамп, заявивший, что США и Италия связаны культурным и политическим наследием, «насчитывающим тысячелетия». Фраза стала мемом, но в целом верно отражает американский подход – внушить Италии, что США являются историческим, естественным партнером.

М. Сальвини же открыто заявлял о приоритете российско-итальянских связей во внешней политике Рима, что заставило Вашингтон поставить под вопрос лояльность «зелено-желтого» правительства. Лидерам обеих партий пришлось последовательно приезжать в США, чтобы прояснить, что их связи с Кремлем обусловлены исключительно экономическими интересами. При этом Сальвини стремился представить свою партию в качестве главной проатлантической силы в правительстве.

¹ Il fascino dell'ambasciatore Usa per Grillo: "Interlocutore credibile". Il Fatto Quotidiano. 13.02.2013. URL: <https://tinyurl.com/mr3usu5t> (дата обращения: 01.07.2021)

Позиции «Лиги», «ДПЗ», «Братьев Италии» и новая американская администрация

В составе первого правительства Дж. Конте наметились серьезные расхождения двух партий коалиции. Как только политики ДПЗ начали активно продвигать укрепление экономической связки Италия – КНР и реализацию проекта «Пояс и путь», лидеры «Лиги» взяли курс на усиление связки с Вашингтоном. В марте 2019 г. заместитель секретаря партии Дж. Джорджетти (занимавший на тот момент должность секретаря аппарата правительства) посетил США и провел ряд встреч с представителями политических и экономических элит. По итогам визита он отметил, что прибыл за океан, чтобы «разъяснить лично, что мы делаем в правительстве»¹. Фактически, Дж. Джорджетти «сверил часы» соответствует ли выбранный итальянским правительством курс ожиданиям Вашингтона. Показательно, что все установки, которые американцы обозначили на переговорах с Дж. Джорджетти, «Лига» поддержала, что сделало ее главным союзником Вашингтона в Италии. В частности, Джорджетти подтвердил намерение Рима выступать «за» правительство Х. Гуайдо в Венесуэле, а также отказаться от предложения Пекина развивать сети 5G на территории Италии. Говоря о торгово-экономической сфере, которая тесно связывает стороны, вкратце лишь упомянем, что США являются главным торговым партнером Италии вне ЕС по объему итальянского экспорта, на который приходится около 10%.

Вопрос об отношениях с Россией представители «Лиги» в диалоге с США старались избегать. «Лиге» выгодно пользоваться поддержкой обоих субъектов мировой политики. На переговорах с американцами Дж. Джорджетти аккуратно сменил тему, указав на то, что «настоящая угроза – это Китай, а не Россия» [De Pizzo, 2021].

В период президентства Д. Трампа «Лига» в лице М. Сальвини оказывала поддержку традиционалистской линии американского президента, претендуя на роль одного из его главных последователей в Европе. После победы демократов в США популистская риторика лидеров «Лиги» изменилась. М. Сальвини обрушился с критикой на своего бывшего политического кумира за организацию беспорядков в здании Конгресса. Одновременно с этим умеренное крыло «Лиги» в лице Дж. Джорджетти (который отвечает за внешние отношения партии) подтверждает нацеленность на евроатлантизм и направляет поздравления новоизбранному президенту. Эти факты свидетельствуют о прагматичном отношении «Лиги» к заокеанским союзникам, которые нужны им в первую очередь для укрепления собственного политического веса в стране.

В контексте рассмотрения связей между «Лигой» (а в данном случае и лидером партии «Братья Италии» Дж. Мелони) и политическими элитами США примечателен эпизод с возможной передачей крупной суммы денег «Лиге» в лице ее бывшего секретаря А. Сири со стороны экс-стратега Белого дома С. Бэннона в качестве поддержки партии накануне выборов в 2018 г. Этот сюжет, скорее, связан с личными политическими пристрастиями С. Бэннона, однако явился очередным свидетель-

¹ "Governo: il viaggio di Giorgetti negli Usa per smarcarsi dal M5S". *Qui Finanza*. 05.03.2019. URL: <https://tinyurl.com/8xnth8zk> (дата обращения: 03.09.2021)

ством тесных связей итальянских партий и американских политиков. Стоит заметить, что арест С. Бэннона в августе 2020 г. ни М. Сальвини, ни Дж. Мелони никак не прокомментировали, что вновь указывает на прагматизм в отношениях, в том числе с итальянской стороны.

Было бы ошибочно утверждать, что ДПЗ занимает некую отличную от «Лиги» позицию в диалоге с США. Еще в 2008 г. тогдашний лидер ДПЗ Б. Грилло был удостоен приема в американском посольстве в Риме, по итогам которого Р. Спольи охарактеризовал его как «лицо, которому можно *доверять*». По оценкам итальянского журналиста и лоббиста Л. Бизиньяни, именно в этот момент начало формироваться тесное сотрудничество ДПЗ с США. Не случайно первым авторитетным научным трудом, в котором была дана положительная оценка ДПЗ, стала публикация британского «мозгового центра» Demos. Проект был реализован по гранту фонда «Открытое общество», что помогло движению набрать популярность.

Не менее показателен визит лидера ДПЗ Л. Ди Майо в преддверии парламентских выборов 2017 г. в США, в ходе которого он заверил американских партнеров в поддержке идей атлантизма. Он отмечал, что итальянцы – «западники и их главный союзник – Соединенные Штаты». При этом Ди Майо подчеркнул, что отношения Рима с Москвой и выступление его партии против антироссийских санкций обусловлены исключительно экономическими интересами. Политически Италия является, по выражению ДПЗ, строгим приверженцем атлантизма.

Анализ взаимоотношений и «Лиги», и ДПЗ с американским истеблишментом показывает, что каждая из партий стремится уйти от неудобных тем, перекладывая ответственность на своих партнеров-конкурентов. Так, представители «Лиги» на переговорах с американцами обвиняют ДПЗ в укреплении итало-китайских торговых отношений, в то время как «пятизвездочники» указывают на пророссийскую позицию М. Сальвини. Иными словами, каждый стремится подтвердить свою *лояльность* за счет демонстрации ненадежности оппонента.

Говоря о партии Дж. Мелони «Братья Италии», следует отметить, что в последние годы она работала над формированием международных контактов, которые придали бы значимость за рубежом. Работа выстраивалась по двум векторам: европейскому (стремление создать новую традиционалистскую политическую силу, которая будет далека от популистов) и американскому (последовательное укрепление отношений сначала с Республиканской партией США, а затем и с новой администрацией). Дж. Мелони лично продвигала инициативу диалога «Братьев Италии» с американскими коллегами: в феврале 2020 г. она приняла участие в Национальном молитвенном завтраке, на котором присутствовал Д. Трамп, и в Национальной конференции консерваторов 2020 г. в Риме. Таким образом, Дж. Мелони сделала попытку стать связующим звеном американских республиканцев с итальянскими консерваторами. Главной ее задачей, как представляется, является создание более прочных связей своей партии с традиционалистскими силами в Европе и США, чем удалось установить Дж. Джорджетти. Для достижения этой цели не так уже важно, что в 2021 г. в Белый дом пришла новая администрация демократа Дж. Байдена. Показано, что новый президент не снизил противоречия между США и Европой по многим направлениям, об этом свидетельствует соглашение AUKUS [Громыко, 2021].

«Братья Италии», не желая терять установленные контакты с США, пытаются подстроиться под новые реалии.

Так, Дж. Мелони под лозунгами национальной идентичности, укрепления Западного блока и противодействия глобализации публично поддерживает предложение американского президента ввести всеобщий минимальный глобальный порог корпоративных налогов, что по своей сути далеко от традиционалистских идей ее партии. Большинство политических сил страны, вне зависимости от декларируемых ими установок, так или иначе связаны с союзниками в США и имеют своих «доверенных лиц» в американских структурах, через которые ведется прагматичное взаимодействие.

Новая администрация США и палатца Киджу

Смена администрации в Вашингтоне знаменовала собой «глубокий выдох» европейских политиков, которые связывали фигуру Дж. Байдена с возвращением стабильности в трансатлантических отношениях. Новый хозяин Белого дома казался убежденным атлантистом, который поставил возрождение альянсов в центр внешней политики.

Приход к власти правительства национального единства во главе с М. Драги открывало очередную главу в итало-американских отношениях. Новый премьер окончил Массачусетский технологический институт; по словам биографа М. Драги М. Чеккини, он «никогда не скрывал своих связей с представителями американских финансовых элит: Б. Бернанке, Л. Саммерсом, Р. Дорнбушем и С. Фишером. С точки зрения его культурного формирования и подхода к экономической политике Драги скорее американец, чем немец, потому что от итальянца в нем мало» [De Pizzo, 2021].

В программной речи перед парламентом М. Драги четко определил приоритеты своего мандата – в международных отношениях правительство будет единогласно придерживаться европеизма (ЕС), атлантизма (НАТО) и мультилатерализма (ООН).

Приход к власти Дж. Байдена ознаменовал возврат американо-итальянских отношений к своеобразному *status quo ante*, существовавшему до Д. Трампа. По сути, администрация Дж. Байдена запросила у европейских коллег четкий ответ на вопрос об их позиции по отношению к России и Китаю – вопрос, на который Италия не дала бы столь охотный и однозначный ответ, не случись назначения М. Драги. Вашингтон продолжает напоминать Риму о необходимости с особой осторожностью относиться к Пекину, в частности проводить более тщательный скрининг китайских инвестиций и задуматься о прекращении сотрудничества с компанией «Хуавэй» в деле разработки высокоскоростной сети 5G.

Принципиальным отличием нынешней американской администрации от администрации Д. Трампа является желание США увидеть в итальянской политике ужесточение отношений с Россией. При довольно тесных экономических и культурных связях с Россией было бы непросто найти оптимальный баланс, если бы опять же не фигура М. Драги, который четко выразил позицию Италии по этому вопросу.

К наиболее актуальным общим вызовам и угрозам, с которыми США и Италия намерены бороться сообща в ближайшей перспективе, можно отнести следующие: коронавирус и вакцинация (в т.ч. поставка американских вакцин); климат (этому способствует итальянское сопредседательство в COP26, председательство в «двадцатке»),

а также включение США в «климатическую гонку»); восстановление экономики в русле устойчивого развития и развитие торгово-экономического сотрудничества (при особом внимании к технологическому сотрудничеству, в том числе в сферах искусственного интеллекта и космоса); безопасность и стабилизация обстановки в Большом Средиземноморье (от Афганистана до Сахеля). Среди традиционных тем – борьба с терроризмом (Coalizione Globale anti-ISIS).

«Права и свободы, гарантированные Биллем о правах и Конституцией Италии, представляют собой моральный и правовой “архитрав”, который поддерживает наши общества и позволяет им процветать» – постулируют лидеры двух стран во время конференции *ISPI* – «Атлантический совет», приуроченной к 160-летию установления дипотношений. В этой связи общими внешними вызовами на международной арене им представляются «авторитарные режимы», «преимущественно азиатские». Общая задача – сдерживание влияния Китая, которое по обеим берегам Атлантики воспринимается как угроза национальной безопасности. В рамках этой конференции Дж. Амато также указал на то, что Италия должна стать «лидером» в Европе за возрождение «коллективного Запада».

Заключение

Итальянская политика имеет национальный архетип и политическую традицию, в основании которых лежит ощущение неполноценности и чувство национальной гордости. Эти два синдрома определяют два столпа внешней политики – атлантизм и европеизм. Через связь с США Италия в первую очередь стремится укрепить свой статус в региональном и глобальном контекстах; через европейскую интеграцию – нивелировать нечто, что воспринимается ею как неполноценность.

Отсюда вырастают концепция средней державы и стремление реализовывать национальные интересы через установление особых отношений с другими государствами, иногда даже с несколько «девиантными», с точки зрения ЕС и США. Такая политика и такое само моделирование основаны на представлении о том, что Италии следует не столько преследовать свои национальные интересы, сколько расширять влияние на международной арене.

С одной стороны, итальянцы хотят выглядеть достойно и в глазах Брюсселя, и в глазах Вашингтона (“*paese normale*”); итальянский истеблишмент не хочет, чтобы Италию воспринимали как обузу. С другой – являясь долгое время объектом политики других стран, государство пытается бороться за субъектность. Итальянская внешняя политика стремится к новому равновесию между многосторонностью и двусторонностью. В значительной степени она продолжает преследовать свои традиционные цели как в Европе, так и в Атлантике, поддерживая центральную роль НАТО и в то же время придерживаясь европеистской линии члена группы стран-основателей ЕС.

США видят в Италии удобного партнера, при этом М. Драги является гарантом «адекватности» (предсказуемости и надежности) Италии на международной арене, преемственности ее внешней политики. Приверженность премьер-министра атлантизму и четкое следование курсу на выполнение Италией своих обязательств в рам-

ках НАТО и ЕС существенно укрепили ось Рим – Вашингтон. В связи с этим М. Драги готов жертвовать особыми отношениями с отдельными странами (в том числе с Россией) в подтверждение лояльности. Именно с приходом М. Драги национальная политика в меньшей степени проявляет ту долю автономии, которая раньше заходила за границы дозволенного (например, ситуация с подписанием Меморандума о взаимопонимании между Италией и КНР).

Для Рима демонстрация идеологической верности Вашингтону традиционно является карт-бланшем на действия по второстепенным для США трекам. Реализация собственной политики по определенным сюжетам работает на внутривнутриполитическое потребление и запросы итальянского общества (дискурс “*grande paese*”).

Характерно, что в Италии новые правительства не заменяют высшие эшелоны государственной службы политическими друзьями или союзниками, что, несомненно, усиливает роль профессиональных государственных служащих. Это приводит к накоплению «институциональной памяти», мешающей новым правительствам принимать радикально новый курс действий. При этом политические элиты США через своих лояльных коллег имеют мощное присутствие в государственном аппарате Италии.

Отдельную роль в отношениях с истеблишментом США играют итальянские партии. Между политическими силами двух стран наличествуют ощутимые, но на первый взгляд далеко не очевидные связи. Драйвером, определяющим направление развития двусторонних отношений, нередко выступает политическая конъюнктура. Итальянский вектор внешней политики США достаточно стабилен и определяется наличием военных баз, финансовым сектором, крупнейшей диаспорой выходцев с Апеннин. Как бы не менялись правящие партии, в политических элитах Италии всегда присутствуют проамериканские силы. Практика взаимодействия может определяться текущей конъюнктурой в Риме и Вашингтоне, но развитие итало-американского сотрудничества являются лейтмотивом послевоенной истории Италии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воротников В.В., Грибин Н.П., Пименова Е.В., Петляева Д.А., Якутова У.В. (2020) НАТО versus PESCO: экономические аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 40–50. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50.

Гансер Д. (2017) *Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе*. Кучково поле, Москва. 336 с.

Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*. № 4. С. 10–25.

Истомин И.А. (2018) *Логика поведения государств в международной политике*. МГИМО МИД России, Москва. 296 с.

Истомин И.А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. (2019) «Знак качества» или «черная метка»? НАТО как маркер статуса государств. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 57–85. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85.

Маслова Е.А. (2019) *Италия – средняя держава с глобальными интересами*. Европа между трёх океанов. Под общей ред. Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова. ИЕ РАН: Нестор-История, Москва. С. 174–192.

Хрусталёв М.А. (2008) *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. Очерки теории и методологии. МГИМО-НОФМО, Москва. 232 с.

Шибкова М.О. (2021) Альянсы Ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии. *Международные процессы*. № 1 (64). С. 139–154. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.4.

Croci O. (2005) *The 'Americanization' of Italian foreign policy?* Journal of Modern Italian Studies, 10:1, pp. 10–26, DOI: 10.1080/1354571042000333342.

De Pizzo M. (2021) *L'America per noi*. Luiss University Press.

Nuti L. (2003) The role of the US in Italy's foreign policy. *The International Spectator*. No 1, pp. 91–101.

Romero F. (2016) Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena. *The International Spectator*. No 1, pp. 1–12.

Santoro C.M. (1991) *La politica estera di una media potenza: L'Italia dall'Unità ad oggi*. Il Mulino.

Siddi M. (2019) Italy's 'Middle Power' Approach to Russia. *The International Spectator*. No 2, pp. 123–138.

Valigi M. (2017) *Le Medie Potenze. Teoria e prassi in politica estera*. Vita e pensiero.

Varsori A. (2010) *La Cenerentola d'Europa. L'Italia e l'integrazione europea del 1946 ad oggi*. Rubbettino.

USA as a Factor of Italian Politics

E.A. Maslova*

Candidate of Science (Politics)

*MGIMO University, 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454.
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street,
Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** e.maslova@inno.mgimo.ru

E.O. Shebalina*

Candidate of Science (History)

*MGIMO University, 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454.
Institute of World History, Russian Academy of Sciences. 32A, Leninsky Prospekt,
Moscow, Russia. 119334.*

***E-mail:** shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the significance and degree of the US involvement in Italian politics, the chronological logic of America's role in the country's political life through the prism of the national Italy's archetype. The authors chose foreign policy and military components as the base for the research because they clearly demonstrate the nature of the US influence in Italy. The article provides a contemporary picture of the positions of the main Italian parties in relation to the American administration. The study examines the relationship between the US administrations and Italian prime ministers and their differences from previous periods. The authors argue that, through the United States, Italy is trying to assert its role at the regional and global levels, combining the principles of loyalty to both EU and U.S. For the United States Italy with its current political configuration represents a comfortable and reliable partner. The authors conclude that pro-American forces have always been present on the political Italy's scene and despite the fact that relations between the two countries in the short and medium term are determined by the political situation at a particular moment. There is no doubt about Ita-

ly's intention to maintain of strategic partnership with the United States, whis is perceived as a foreign policy benchmark.

Key words: Italy, Italian Republic, Italy-U.S. relations, U.S., First Republic, Second Republic, NATO, foreign policy archetype.

DOI: 10.31857/S020170832201003X

REFERENCES

- Croci O. (2005) *The 'Americanization' of Italian foreign policy?* Journal of Modern Italian Studies, 10:1, pp. 10–26. DOI: 10.1080/1354571042000333342.
- De Pizzo M. (2021) *L'America per noi*. Luiss University Press.
- Ganser D. (2017) *Sekretny`e armii NATO: Operaciya "Gladio" i terrorizm v Zapadnoj Evrope [NATO's secret armies: Operation Gladio and terrorism in Western Europe]*. Kuchkovo pole, Moscow. 336 p. (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2021) Sub`ektnost` Evrosoyuza – mezhdru atlantizmom i evropocentrizmom [The subjectivity of the European Union is between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 10–25, (in Russian).
- Istomin I.A. (2018) *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike [Behaviour Logic of States in the International Politics]* MGIMO MID Rossii, Moscow. 296 p. (in Russian).
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov V.A. (2019) "Znak kachestva" ili "chernaya metka"? NATO kak marker statusa gosudarstv [A "Badge of Honour" or a "Stamp of Infamy"? NATO As A Marker of Status in International Politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No 2. pp. 57–85. (in Russian).
- Khrustalyov M.A. (2008) *Analiz mezhdunarodny`x situacij i politicheskaya e`kspertiza [Analysis of International Situations and Political Expertise]*. MGIMO, Moscow, 232 p. (in Russian).
- Maslova E.A. (2019) *Italiya – srednyaya derzhava s global`ny`mi interesami [Italy – Medium Power with Global Interests]*. *Evropa mezhdru tryokh okeanov [Europe Between Three Oceans]*. Eds. A.A. Gromyko, V.P. Fyodorov. Nestor-Istoriya, Moscow, pp. 174–192, (in Russian).
- Nuti L. (2003) The role of the US in Italy's foreign policy. *The International Spectator*. No 1. pp. 91–101.
- Romero F. (2016) Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena. *The International Spectator*. No 1, pp. 1–12.
- Santoro C.M. (1991) *La politica estera di una media potenza: L'Italia dall'Unità ad oggi*. Il Mulino.
- Shibkova M. (2021) Ad hoc alliances as Italian key statecraft tool. *International trends*. No 1e. (in Russian).
- Siddi M. (2019) Italy's 'Middle Power' Approach to Russia. *The International Spectator*. No 2. pp. 123–138.
- Valigi M. (2017) *Le Medie Potenze. Teoria e prassi in politica estera*. Vita e pensiero.
- Varsori A. (2010) *La Cenerentola d'Europa. L'Italia e l'integrazione europea del 1946 ad oggi*. Rubbettino.
- Vorotnikov V.V., Gribin N.P., Pimenova E.V., Petlyayeva D.A., Yakutova U.V. (2020) NATO versus PESCO: ekonomicheskie aspekty [NATO versus PESCO: Economic Aspects]. *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya*. No 6. pp. 40–50. (in Russian).

УДК: 329.13

Статья подготовлена в рамках проекта "ГРАНТ ЯрГУ VIP-018".

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕВЫЕ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЭЛЕКТОРАТА

© 2022 Р.В. Костюк*

Доктор исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений СПбГУ. 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8 подъезд.

***E-mail:** rouslan_k@mail.ru

© 2022 Г.Н. Канинская*

Доктор исторических наук

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, исторический факультет. 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

***E-mail:** kaninsk6@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2021

После доработки 04.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Статья посвящена состоянию левого движения Франции накануне президентских и парламентских выборов 2022 г. Несмотря на достойные результаты французских левых и зелёных на муниципальных и региональных выборах сделан вывод, что в целом французская левая не вышла из системного кризиса, в котором она оказалась по итогам национальных выборов 2017 г. В статье показано, что левые сохранили свою электоральную базу, но она не растёт. Авторы пришли к выводу о наличии состояния раскола как внутри всего левого движения Франции, так и в его умеренном и радикальном спектрах. В статье анализируется состояние ведущих левых партий Франции на конец 2021 г. и показана специфика их подходов к единству левых сил. Авторы подчеркивают, что без единой кандидатуры в президенты левые гарантированно проиграют в 2022 г., и делают вывод, что на данный момент единство французской левой практически невозможно.

Ключевые слова: Франция, французские левые, партийные движения, президентские выборы, региональные выборы.

DOI: 10.31857/S0201708322010041

Президентские, а вслед за ними парламентские выборы во Франции в 2022 г. грозят французским левым политическим партиям невиданным поражением. По своим масштабам оно вполне может быть сравнимо с крахом Федерации демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС) в 1969 г., вскоре после которого под руководством Ф. Миттерана возникла ныне существующая Социалистическая партия (СП), впервые вставшая во главе Пятой республики в 1981 г. В настоящий момент не только серьёзно ослаблены позиции СП, но остаётся сильно расколотой вся «политическая семья левых». Итоги последних выборов во Франции (региональных в 2021 г.) позволяют оценить шансы «французской левой» в предстоящих кампаниях 2022 г.

Общий итог региональных выборов: статус-кво в левом лагере

После поражения на президентских и парламентских выборах в 2017 г., завершившего пятилетний президентский срок Франсуа Олланда, складывалось впечатление, что левые силы Французской республики растеряли свою социальную и электоральную базу. Однако уже муниципальные выборы 2020 г. показали, что на местном уровне левые и экологи могут одерживать убедительную победу. Париж, Марсель, Лион и большая часть самых крупных городов Франции оказалась после муниципальных выборов под управлением левых сил.

Анализ результатов региональных и департаментских выборов в июне 2021 г. демонстрирует, что левые силы Франции даже нарастили свой электорат. Как правило, региональные выборы дают относительную возможность говорить о силе той или иной партии. Однако если на президентских и парламентских выборах 2017 г. левые в целом имели поддержку менее 30% избирателей, то на региональных выборах 2021 г. за левых и экологов голосовали 35,0% в первом и 32,7% избирателей во втором турах, что принесло левым 681 мандат в региональных советах¹. Левые силы сумели сохранить большинство в пяти внутрифранцузских региональных советах, а также добиться победы в ряде заморских территорий – на Мартинике, в Гвиане и на Реюньоне.

Выборы также показали, что если в целом на департаментском уровне во Франции продолжают доминировать правые силы, то левые, потеряв контроль лишь над двумя советами, продолжают возглавлять советы в 26 департаментах; левые во главе с Социалистической партией (СП) в 2021 г. завоевали Шарант и Кот-д'Армор². В целом же итоги июньских выборов продемонстрировали как стабильность собственного левого политического лагеря, так и подтвердили в целом сохранение статус-кво внутри французской левой.

¹ Résultats des élections régionales 2021 nationales. (2021) URL: <http://elections.bfmtv.com/?p=tour1> (дата обращения: 02.08.2021)

² Résultats des élections départementales 2021: la liste des départements qui ont bousculé. (2021) // *L'Espresso*, 28. 06. 2021, p. 10–11.

Социалистическая партия: сопротивление продолжается

Главной политической жертвой «феномена Макрона» с 2017 г. выступает самая влиятельная левая партия Франции – СП. Потеряв в 2017 г. в Национальном собрании почти 9/10 депутатской группы, соцпартия после окончания президентства Ф. Олланда заметно ослабла. Ее покинули многие бывшие депутаты и сенаторы, известные фигуры, принадлежавшие в прошлом к социал-либеральному течению СП (Манюэль Вальс, Жан-Ив Лё Дриан). С другой стороны, и ряд видных политиков левого течения СП (Бенуа Амон, Эмманюэль Морель) также вышли из нее. Продолжает сокращаться общая численность СП. На европейских выборах 2019 г. список социалистов, набрав чуть более 6%, получил самый худший результат в истории.

Однако, несмотря на заметное падение популярности, социалисты сумели сохранить статус «первой левой партии Франции» на разных уровнях. На муниципальных выборах 2020 г. «СП добивается большого успеха – при конфигурации, когда ЕЭЗ выступает в состоянии поддержки, как в Париже, Нанте, Ренне, Клермон-Ферране или Виллербане. Два основных социалистических завоевания – Монпелье и Нанси – равным образом являются плодом альянса с экологистами»¹.

В свою очередь, на недавних выборах соцпартия подтвердила свои лидирующие позиции на уровне регионов и департаментов. Все пять выигранных левыми в «метрополии» регионов (Бургундия – Франш-Конте, Бретань, Центр – долина Луары, Новая Аквитания и Окситания) будут, как и в прошлом, возглавлять представители СП. Из 26 департаментов, контролируемых левыми силами, 21 возглавляют члены соцпартии². Отметим также, что в двух палатах парламента, если говорить о левом спектре, именно социалисты представлены наиболее внушительно.

Таким образом, во Франции СП продолжает оставаться самой влиятельной левой силой. Социалисты, как и другие левые партии, заявляют о своей оппозиции Э. Макрону и его политике. Оценивая современные реалии Франции, они констатируют: «Ещё никогда вызов неравноправия не проявлялся столь широко, а республиканский идеал эмансипации не был столь отдалён...»³.

После региональных выборов в СП усилились дебаты по выработке стратегии в преддверии национальных выборов 2022 г. Защищаемая руководством партии во главе с О. Фором точка зрения состоит в том, что необходимо создать прочную социал-экологистскую коалицию с единым кандидатом в президенты и общей программой к парламентским выборам: «Нет более доминирующей силы слева; те, кто отстаивают гегемонию, ошибаются и ставят нас в тупик. Нет другого возможного

¹ Mestre A., Zappi S. (2020) Les leçons des municipales pour la gauche: alliances victorieuses PS-EELV, érosion du PCF, LFI invisible // Le Monde, 01. 07. 2020, p. 4.

² Résultats des élections départementales 2021...

³ Il est temps de vivre mieux. (2021) Septembre 2021. Paris: Parti Socialiste, 2021, p. 7. – 98 p.

пути, кроме пути сотрудничества»¹. Данную точку зрения разделяют преимущественно представители левого и центристского направлений социалистического движения.

Вместе с тем, представители более умеренных течений в партии предостерегают, что подобная коалиционная стратегия может привести к «стиранию» СП и ослаблению левого реформизма как такового. По мнению одного из ведущих представителей этого направления мэра Манса Стефана Лё Фоля, необходимо «глубоко переосмыслить условия завоевания и осуществления власти» и «вновь обратиться к тем слоям, чьи интересы левые намерены представлять – народным и средним классам»².

Тема альянсов стала предметом обсуждения на состоявшемся в сентябре 2021 г. съезде СП. О. Фор был без труда переизбран на пост 1-го секретаря соцпартии и вскоре члены партии одобрили выдвижение на пост президента кандидатуры, переизбранной в 2020 г. на пост мэра Парижа члена Национального бюро СП Анн Идальго. Поддерживающие её социалисты полагают, что «Анн Идальго может воплотить то, чего ждут многие левые избиратели: примирить экологические... но также социальные проблемы, такие как заработная плата, жильё, работа»³. Однако на данный момент президентский рейтинг этого кандидата от СП не превышает 6–7%.

Меланшон снова кандидат

Итоги президентских и парламентских выборов 2017 г. обозначили не только глубокую неудачу левых во Франции; они привели к существенному изменению соотношения сил внутри французской левой. Если более 40 лет во Франции по полученным голосам в левом лагере на всех выборах доминировали социалисты, то 2017 г. внес изменения. Лидер левопопулистского движения «Непокорённая Франция» (НФ) Жан-Люк Меланшон намного обошёл других левых кандидатов в президенты (хотя сам и занял только четвёртое место), а НФ по полученным голосам на парламентских выборах также опередила СП.

Однако последующее развитие событий показало, что Ж.-Л. Меланшон и его движение не сумели усилить свой потенциал. На европейских выборах 2019 г. список НФ набрал всего 6,3% голосов; движение Меланшона практически никак не проявило себя на муниципальных выборах, а на региональных выборах НФ почти нигде не выставила самостоятельные списки. Изначально Ж.-Л. Меланшон свою организацию «активно рекламировал как непартийную, у которой даже нет чёткой

¹ Texte d'orientation B déposé par Olivier Faure, "De la renaissance à l'alternance: pour un printemps de la gauche et de l'écologie. (2021) Paris: Parti Socialiste, p. 18. – 25 p.

² Laïreche R. (2021). Interview Stéphane Le Foll: "Hidalgo ne peut pas s'imposer uniquement par des signatures" // Libération, 01. 07. 2021, p. 3.

³ Belaïch Ch. 2022 à l'horizon. Candidature d'Anne Hidalgo: quémandez le programme, p. 2. // Libération, 13. 07. 2021, p. 2–3.

инфраструктуры: большая часть её активности разворачивается на пространствах интернета» [Вершинин, 2018: 287]. Это импонировало многим молодым людям левых взглядов, но со временем череда скандалов и персоналистский стиль руководства Меланшона способствовали снижению его рейтинга и популярности «Непокорённой Франции».

Меланшон всё ещё остаётся самым популярным среди левых политиков-кандидатов в президенты и в 2022 г. намерен в третий раз выставить свою кандидатуру на выборах главы государства. Обращаясь к популистскому и суверенистскому дискурсу, Ж.-Л. Меланшон утверждает: «В моих глазах сегодня время не подходит более для «Союза левых сил» Франсуа Миттерана и Жоржа Марше... Для непокорённых, для меня настал час народного союза. То есть объединения, относящегося к большинству народа. Как? С программой, которая сделает возможным этот союз и, следовательно, это большинство»¹.

Как и в 2017 г., жёстко критикуя социально-экономическую линию действующей власти, «Непокорённая Франция», в отличие от умеренных левых, призывает к институциональной революции, предлагая созвать Учредительное собрание для выработки новой Конституции, «вычистить олигархию», отменить «привилегии касты», упразднить «президентскую монархию», двигаться к республике².

Коммунистическая партия возвращается?

Политическая эрозия некогда ведущей левой силы страны – Французской коммунистической партии (ФКП) – продолжается на протяжении многих десятилетий. Однако накопленный коммунистами политический и социальный потенциал частично сохраняется. ФКП впервые в истории в 2019 г. не сумела провести своих представителей в Европейский парламент (ЕП) и в 2020 г. в очередной раз потеряла на местном уровне контроль над многими своими историческими бастионами – «красными» муниципалитетами. Но представительство коммунистов в обеих палатах парламента в последние годы стабильно.

Благодаря их грамотной тактике, подразумевающей сотрудничество с другими левыми силами (прежде всего, СП) на выборах 2021 г., ФКП сумела увеличить число коммунистических советников в региональных советах с 29 до 62; советники от компартии вошли в составы 17 департаментских советов, где до этого представительство ФКП отсутствовало³. В то же время ФКП потеряла контроль за единственным сохранявшимся у неё департаментским советом – в Валь-де-Марне.

¹ Mélenchon J.-L. (2021) Après l'union de la gauche, vite l'union populaire! URL: <http://mellenchon.fr/2021/07/01/apres-lunion-de-la-gauche-vite-lunion-populaire/> (дата обращения: 08.08.2021)

² L'avenir en commun (2020). Version consolidée. Novembre 2020. Paris, 2020. p. 12–15. – 68 p.

³ Second tour des élections départementales et régionales. (2021) Déclaration nationale du PCF. URL: http://pcf.fr/second_tour_des_elections (дата обращения: 09.08.2021)

В отличие от 2012 и 2017 гг., когда коммунисты поддерживали на президентских выборах кандидатуру Ж.-Л. Меланшона, в 2022 г. ФКП сделала ставку на выдвижение собственного кандидата – Национального секретаря партии Фабьена Русселя, сторонника «политического возвращения» ФКП и её более чёткой самоидентификации внутри левого лагеря. Ф. Руссель выдвигает комплекс предложений по занятости, общественным службам и поддержке промышленности, «провозглашая повышение зарплат и возмущаясь тем, что во Франции доходы самых богатых повысились на 439%»¹.

На гребне «зелёной волны»

Получив 13,48% голосов на выборах в ЕП в 2019 г. и заняв третье место после крайне правой партии «Национальный фронт» (ныне – Национальное объединение) и партии президента страны Э. Макрона «Республика на марше», партия «Европа. Экология – Зелёные» (ЕЭЗ), избирательный список которой возглавлял Яник Жадо, праздновала победу. Успех на евровыборах вселил в «зелёных» надежду на его закрепление во время следующих выборов – муниципальных в 2020 г. Уверая соратников по партии в том, что «у левых завершается очередной цикл – социал-демократический, на смену которому должна прийти новая модель – политическая экология»², Я. Жадо поставил цель превратить экологию в первую политическую силу страны, получить на муниципальных выборах 20–25% голосов, завоевать мэрии Парижа, Нанта, Ренна, Тулузы. На заседании Федерального совета ЕЭЗ 22 июня он говорил: «Мы должны объединить всех экологов, без сепаратизма и гегемонизма ... тогда мы сумеем победить»³.

Второй тур муниципальных выборов принес экологистам историческую победу. Впервые представители «зелёных» возглавили мэрии 9 крупных городов с населением свыше 30 тыс. жителей, из которых в 6 городах: Аннеси, Безансоне, Бордо, Лионе, Страсбурге и Туре проживает свыше 100 тыс. человек. Следующим этапом проверки степени имплантации «политической экологии» на национальную политическую почву должны были стать региональные выборы 2021 г., на которых ЕЭЗ намеревалась завоевать один из 12 регионов. Избирательную кампанию «зелёные» вели с акцентом на то, что продолжают стратегический курс на объединение «прогрессистов и гуманистов», намеченный в 2019 г. [Nazaret, 2019]. Национальный секретарь партии Жюльен Байу предложил социалистам согласиться на такую избирательную тактику: в первом туре выступить автономно, а во втором – снимать

¹ Laurent C. Présidentielle 2022: Fabien Roussel veut représenter une “gauche des idées”. URL: <http://la-croix.com/France/Presidentielle-2022-Fabien-Roussel-veut-representer-gauche-idees-2021--5-07-1201154560> (дата обращения: 09.08.2021)

² Libération (2019), 23.01.2019.

³ EELV affiche les ambitions municipales pour la présidentielle (2019). URL: <https://fr.news.yahoo/eelv-affiche-ambitions-municipales-pr%C3%A9sidentielle-164642169.html> (дата обращения: 23.06.2019)

кандидатуру в пользу получившего наибольшее число голосов. «Выступить отдельно – не значит быть расколотыми», – уверял он¹. Причём на региональных выборах экологисты не только «открылись» другим левым партиям, но и впервые заявляли о возможности обсуждения электоральных соглашений с левоцентристами и разочарованными «маршёррами» в рамках «второго концентрического круга», то есть второго тура президентских выборов.

Заклучив соглашения с социалистами в 2/3 департаментов, ЕЭЗ увеличила своё представительство в генеральных советах департаментов и регионов в три раза по сравнению с 2015 г., но возглавить хотя бы один регион им не удалось². Несмотря на это, партийные лидеры на высокой ноте комментировали результаты региональных выборов. Ж. Байу заявил, что «экологисты – единственная динамичная сила»³. Успешно переизбранный на второй срок в 2020 г. мэр Гренобля Э. Пиоль заметил: «Мы единственная выросшая по числу голосов партия»⁴. 30 июня Я. Жадо объявил о намерении выдвинуться на пост президента и дал обширное интервью французскому журналу «Обс» [Jadot, 2021].

Проект свой он назвал «Открытая экология большинства», или «экологический, социальный, республиканский». Я. Жадо не преминул заметить, что социал-демократия много сделала, но в последние пять лет эта идеология показала свою ограниченность. Отзываясь позитивно об А. Идальго, заявляя, что готов протянуть руку Ж.-Л. Меланшону, хотя считает его слишком радикальным, Я. Жадо настаивал на том, что нужен один прогрессистский кандидат. Себя в этом интервью Я. Жадо охарактеризовал как сторонника диалога и компромиссов, подчеркнул, что собирается опираться на инноваторскую социальную базу тех ассоциаций, профсоюзов, предприятий, ферм, научных центров и всех тех мужчин и женщин, которые применяют экологический подход в своей практике.

При этом он подчеркнул, что не собирается заикливаться на экологии, а будет уделять внимание вопросам здравоохранения, покупательной способности, неравенству, реиндустриализации страны, перемещению рабочих мест. На летнем университете ЕЭЗ в августе 2021 Я. Жадо призывал соратников поддержать идею «самым широким образом открытой к объединению экологии»⁵. Обращение Я. Жадо

¹ Mestre A. (2021) Avec son appel à l'union Yannick Jadot enjambe la primaire écologiste et son propre parti. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2021/03/31/avec-son-appel-a-l-union-yannick-jadot-enjambe-la-primaire-ecologiste-et-son-propre-parti_6075051_823448.html (дата обращения: 20.06.2021)

² Régionales: “Bloc écolo-gauche sort renforcé”, estime Yannick Jadot, EELV. (2021) URL: <https://www.20minutes.fr/elections/3071911-20210627-regionales-bloc-ecologagauche-sort-renforce-estime-yannick-jadot-eelv> (дата обращения: 28.06.2021)

³ Ibid.

⁴ Régionales: l'heure de la déception pour Europe Écologie – Les Verts. (2021) URL: <https://www.msn.com/fr-fr/actualite/elections/t-c3-a9gionales-lheure-de-la-d-c3-a9ception-pour-europe-c3-a9cologie-les-verts/ar-AAwVxk> (дата обращения: 29.06.2021)

⁵ Carriat J. (2021) La gauche fait sa rentrée dans le brouillard. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2021/08/19/presidentielle-la-gauche-fait-sa-rentree-dans-le-brouillard_6091804_82344_8.html (дата обращения: 23.08.2021)

нацеливало партию на реализацию решения Федерального совета от 21–22 ноября 2020 г. о создании «экологического пула» для проведения праймериз по выбору единого кандидата для участия в первом туре голосования на президентских выборах в апреле 2022 г.

В число партнёров по «экологическому пулу», помимо ЕЭЗ, вошли ассоциации: «Поколение экология», «Гражданство, действие, участие за XXI век», «Независимый экологический альянс», «Движение прогрессистов». Исключение в этом чисто экологическом списке составило движение экс-социалиста Б. Амона «Поколения» (Génération). На региональных выборах в Иль-де-Франс, покинувший к тому времени лидерство в своём детище Б. Амон шёл вторым номером в списке «Союз за экологию и солидарность» во главе с Ж. Байу. Регион остался у правых, хотя Б. Амон и Ж. Байу, вошли в число региональных советников. Группа «Поколения» по призыву ЕЭЗ «объединить усилия в деле создания новой политической экологии, способной занять самые высокие государственные посты»¹ без колебаний решила поддержать кандидата зелёных.

Победу на экологических праймериз, проходивших в два тура 16 и 28 сентября 2021 г., одержал Я. Жадо, и в его лице прошла проверку на прочность прагматическая, или «жадоистская» идейно-политическая платформа партии. Её главный смысл сводится к достижению «прогрессистского консенсуса» в рамках социальной и политической экологии². В аналитических статьях Я. Жадо называют «либеральным экологом», чуждым идеям «анти-капитализма, анти-продуктивизма и карательной экологии», свойственной выразителям «гошистского», или левацкого толка, которых всегда немало в рядах активистов и электората экологистов. Характеризуя амбивалентность партийной структуры ЕЭЗ после победы Я. Жадо на праймериз, газета «Монд» писала: «Если он самый медийный и известный широкой публике кандидат среди экологистов, то в собственной партии и экологических кругах он испытывает большие затруднения, имея имидж слишком “умеренного” и “макронопоподобного”»³.

Французская левая: вместо союза – раздор?

В истории левого движения Франции неоднократно (Народный фронт, победа Франсуа Миттерана в 1981 г., правительство «множественной левой» Лионеля Жоспена) случалось, что объединение основных сил левого спектра приводило к важ-

¹ Le Monde avec AFP. (2020) EELV organisera sa primaire en vue de la présidentielle avant la fin septembre 2021. URL:

https://www.lemonde.fr/recherche/?search_keywords=EELV&start_at=19%2F12%2F1944&end_at=12%2F12%2F2020&search_sort=relevance_desc (дата обращения: 27.11.2020)

² Yannick Jadot, l'homme du consensus (2021). URL: http://www.lepoint.fr/politique/yannick-jadot-l-homme-du-consensus-28-09-2021-2445219_20.php (дата обращения: 30.09.2021)

³ Baromètre présidentielle, 2021: qui ferait meilleur président qu'Emmanuel Macron. (2021) URL: [Baromètre%20présidentielle%202022%C2%AO_%20qui%20ferait%20un%20meilleur%20président%20qu'Emmanuel%20Macron%C2%AO_.html](#) (дата обращения: 03.11.2021)

ным и историческим победам на национальном уровне [Histoire des gauches en France, 2004]. Однако следует иметь в виду, что все перечисленные случаи имели место в периоды, когда французская левая была на подъёме. Сегодня ситуация иная. В целом мы можем говорить о стагнации левого движения Франции и его ведущих партий.

В этой ситуации логично, что опросы общественного мнения говорят о достаточно посредственном уровне поддержки левых сил перед выборами 2022 г. К примеру, опрос избирателей в конце сентября 2021 г. показал, что все кандидаты от левого спектра на президентских выборах могут рассчитывать в первом туре голосования на поддержку лишь 29% избирателей; при этом наиболее известные из них, включая Ж.-Л. Меланшона, Я. Жадо и А. Идальго, имеют рейтинг ниже 10%¹.

Не удивительно, что многие в левом лагере в последние месяцы, особенно после региональных выборов, ставили вопрос о необходимости консолидации левых сил – создании единого союза, общей кандидатуры на президентских выборах и подготовки совместной правительственной программы. По мнению видного лево-социалистического деятеля Жерара Филоша, «81% левых избирателей – за такое единство» [Filoche, 2021: 7]. Эти круги выдвинули инициативу провести в конце января 2022 г. общие «народные первичные выборы» по выдвижению единой кандидатуры левых сил, но ни одна из ведущих левых партий Франции не согласилась на это предложение. Не только умеренные и радикальные в левом движении Французской республики не смогли найти к началу 2022 г общий язык; внутри этих направлений (СП – ЕЭЗ, «Непокорённая Франция» – ФКП, к примеру) существуют серьёзные противоречия, что в итоге и привело к ситуации, когда на январь 2022 г. о своём участии в президентских выборах объявили восемь крайне левых и левых политиков. По мнению 1-го секретаря парижской федерации СП и сенатора Давида Ассулина, «при актуальной политической конфигурации это почти гарантированный вариант отсутствия левого кандидата во втором туре президентских выборов»².

Оценивая в целом шансы левых сил на президентских и парламентских выборах, отметим, что пока они настолько незначительны, что не позволяют надеяться не только на выход их представителя во второй тур против Э. Макрона, но даже на формирование крупных парламентских фракций. Некоторые аналитики вскоре после региональных выборов задавались вопросом, не явились ли они уже доказательством того, что идея объединения левых провалилась.

У возникшей электоральной психодрамы французских левых можно выделить три главных источника. Один из них связан с парадигмальной эволюцией французского общества или поворотом вправо с точки зрения привлекательности идейных

¹ Roussel L. (2021) Sondage présidentiel 2022: tous les candidats de gauche en dessous de 10% // Les Echos, 01. 10. 2021, p. 5.

² Давид Ассулин: «Макрон смещается вправо» // URL: <http://conflictology.ru/index.php/conflictology/article/view/571/217> (дата обращения: 10.01.2022)

ценностей. Подтверждением служит недавнее интервью с профессором СЕВИПОФ П. Перрино, опубликованное в журнале «Обс» [La France se droitise-t-elle, 2021]. Он приводит следующие доказательства поправки электората: правые и крайне правые на выборах 2017 г. имели 46,9%, тогда как левые – 27,7%. Если в 1970-е гг. все крупные города управлялись левыми, то сегодня 61% городов с населением свыше 20 тыс. жителей в руках правых, 7 из 12 крупных регионов метрополии и более 2/3 департаментов в руках правых. На парламентских выборах 2017 г. левые и экологи получили 28,3% голосов, тогда как правые и НФ/НО – 35,8%. Согласно опросу, проведённому Французским институтом изучения общественного мнения (ИФОП) в 2020 г., сами французы по шкале левые-правые себя располагают следующим образом: 13% отнесли себя к левым; 32% – к центристам; 39% – к правым; 16% – затруднились ответить.

Вторым источником служит раскол левых и нежелание партийных лидеров пойти на компромисс в конкурентной борьбе. Очевидно, что Ж-Л. Меланшон, А. Идальго и Я. Жадо выступят в первом туре президентских выборов автономно, и перспектива заключения совместной программы на парламентских выборах не просматривается. Напротив, инициатива К. Тобира, бывшего министра юстиции в правительстве Ф. Олланда, провести в стране общие «народные праймериз» левых по выдвижению единого кандидата на пост президента ещё больше обострила личные амбиции претендентов. При этом, как показали результаты опроса 2 ноября 2021 г., всего 17% французов считают, что Ж-Л. Меланшон может быть лучшим президентом, 11% отдали предпочтение А. Идальго, 10% – Я. Жадо. Особенно в этом опросе бросается в глаза, что 18% граждан не слышали о Я. Жадо и 5% – об А. Идальго. Нельзя сбрасывать со счетов, что у крайне правых Марин Ле Пен и Эрика Земмура в этом опросе оказалось 27 и 23% симпатизантов¹. Наконец выдвижение 3 декабря на съезде кандидатом на президентский пост от «Республиканцев» Валери Пекрес, неоднократно занимавшей министерские посты в правительстве Н. Саркози, ещё больше обозначило перспективу «правых выборов».

Третий источник относится к более глубокому социокультурному контексту Франции, исчерпывающе проанализированному в книге известного французского социолога Ж. Фурке «Французский архипелаг» [Fourquet, 2019]. Резюмируя его анализ, согласимся с тем, что непопулярность левых партий начала зарождаться в 1983–1984 гг., когда, придя к власти, они, по сути, стали примиряться с рыночной экономикой. Окончательно эта тенденция проявилась на президентских выборах 2017 г. В современной Франции наблюдается завершение «миттерановского цикла» в истории социал-демократии, а идея создания новой «социальной и политической экологии» ещё недостаточно популярна у большинства левого электората, который в 1981 г. откликнулся на призыв Франсуа Миттерана «изменить жизнь». Французское общество расколото по трём важнейшим проблемам: социальной, иммиграционной и климатической, по которым левые партии пока не предложили конкретных и способных увлечь граждан решений.

¹ Baromètre présidentielle, 2021...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вершинин А. А. (2018) Прошлое, настоящее и будущее единой Европы глазами французских левых. *Вестник СПбГУ. Международные отношения*. С.-Петербург, Т. 11, вып. 3. С. 278–291.
- Berstein S. (2010) *Les cultures politiques en France*. Paris.
- Gauchet M. (2020) *Comprendre le malheur français*. Paris.
- Filoché G. (2021) Tambouille contre bonne cuisine. *Démocratie&Socialisme*, Paris, No 285, p. 7.
- Fourquet J. (2019) L’archipel français. Naissance d’une nation multiple et divisée. Paris.
- La France se droitise-t-elle ? (2021) *L’Obs*, No 2971, du 30 septembre au 6 octobre 2021, p. 65–67.
- La République recommencée. (2004) Vol. IV. L’Histoire de la France politique. Paris.
- Jadot Y. (2021) Je suis candidat. *L’Obs*, No 2957, du 1 à 7 juillet 2021, p. 29–32.
- Julliard J. (2013) *Les gauches françaises*. Paris.
- Histoire des gauches en France. (2004) Vol. 2. Paris.
- Nazaret A. (2019) *Une histoire de l’écologie politique*. Paris.
- Winock M. (2015) *François Mitterrand*. Paris.

*Research conducted with support from the Grant
of the Yaroslavl State University VIP-018*

French Left in Search of a Lost Electorate**R.V. Kostiuk****Doctor of Science (History)**Saint-Petersburg State University, School of International Relations.**191060, Saint-Petersburg, Smolny st., 1/3, entrance 8.****E-mail:** rouslan_k@mail.ru**G.N. Kaninskaya****Doctor of Science (History)**Yaroslavl’ State University “P. G. Demidov”, Faculty of History.**14, Sovetskaya st., Yaroslavl’, Russia, 150003.****E-mail:** kaninsk6@mail.ru

Abstract. The article provides insight into the state of the leftist movement in France on the eve of the presidential and parliamentary elections in 2022. It is focused on the leading left-wing parties in France (primarily the Socialist Party, Greens, “Unbowed France” and the French Communist Party) at the end of 2021 and shows the specificity of their approaches to the unity of the left forces. Despite the recent results of the French left and the Greens in municipal and regional elec-

tions, it is revealed that, in general, the French left did not get out of the systemic crisis in which it found itself following the results of the 2017 national elections. The analysis of public opinion showcases deeply rooted dissatisfaction with left ideas, that has been increasing since 80s, and that currently the left has generally retained its electoral base, but it has ceased to grow. The authors demonstrate that there is a state of schism both within the entire leftist movement in France, and in its moderate and radical directions. The conclusion is drawn that at the moment the unity of the French left is almost impossible. And without a single presidential candidate, the left is guaranteed to lose in 2022.

Keywords: France, left, party, politics, candidate, region, unity.

DOI: 10.31857/S0201708322010041

REFERENCES

- Berstein S. (2010) *Les cultures politiques en France*. Paris.
- Gauchet M. (2020) *Comprendre le malheur français*. Paris.
- Filoché G. (2021) *Tambouille contre bonne cuisine*. *Démocratie&Socialisme*, Paris, No 285, p. 7.
- Fourquet J. (2019) *L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée*. Paris.
- La France se droitise-t-elle ? (2021) *L'Obs*, No 2971, du 30 septembre au 6 octobre 2021, p. 65–67.
- La République recommencée. (2004) Vol. IV. *L'Histoire de la France politique*. Paris.
- Jadot Y. (2021) *Je suis candidat*. *L'Obs*, No 2957, du 1 à 7 juillet 2021, p. 29–32.
- Julliard J. (2013) *Les gauches françaises*. Paris.
- Histoire des gauches en France*. (2004) Vol. 2. Paris.
- Nazaret A. (2019) *Une histoire de l'écologie politique*. Paris.
- Winock M. (2015) *François Mitterrand*. Paris.
- Verchinin A. A. (2018) *Proshloe, nastoiaschee i budushee edinoj Evropy glazami francuzskih levyh* [The past, present and future of a united Europe through the eyes of the French left]. *Vestnik SPbGU. Mejdunarodnye otnosheniia*, S.-Petersburg, Russia, Vol. 11, Issue 3, pp. 278–291. (in Russian).
- Winock M. *François Mitterrand*. Paris, 2015.

УДК 94

БАЛКАНЫ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИНТЕРЕСОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ТУРЦИИ

© 2022 И.М. Мамедов*

Кандидат исторических наук

Институт славяноведения РАН. 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А.

*E-mail: ilgarmm@yandex.com

Поступила в редакцию 15.07.2021

После доработки 13.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В статье исследовано пересечение интересов и политики Европейского союза и Турции на Балканах. После принятия ряда балканских стран в ЕС в фокусе внимания Брюсселя оказались оставшиеся шесть стран региона Западные Балканы. Политика Турции охватывает весь полуостров, включая Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину (БиГ), Грецию, Северную Македонию, Румынию, Сербию, Словению, Хорватию и Черногорию. Свои интересы Анкара в 1990-е гг. реализовывала, опираясь на Североатлантический альянс, в 2000-е гг. – через сотрудничество с ЕС. В 2010-е гг. Турция начала действовать самостоятельно. Двусторонние экономические и гуманитарные вопросы вышли на первый план. Турецкая республика поддерживает также многосторонние балканские институты. Некоторые полагают, что на Балканах Брюссель и Анкара конкуренты, другие считают их партнерами, но на практике отношения между сторонами более сложные. В отличие от ЕС политика Турции выглядит противоречивой, поскольку предполагает поддержку европейской интеграции балканских стран и региональные инициативы, что обозначено, как «балканская дилемма». В данном регионе интересы Анкары вошли в противоречие с геополитическими целями Брюсселя.

Ключевые слова: Балканы, балканская дилемма, Европейский союз, стратегическая глубина, Турция.

DOI: 10.31857/S0201708322010053

Политика Евросоюза на Балканах как внешнего игрока и Турции в ее двойственном качестве балканского государства и страны-кандидата в ЕС представляет актуальную тему для исследования, которая за некоторыми исключениями [Энтина, 2020: 300–319; Энтина, 2016: 31–47] практически не разработана. Основываясь на методологии геополитики, регионализма и историко-культурного подхода, автор

попытался изучить интересы и политику ЕС и Турции на полуострове и проследить, насколько они совпадают и последовательны, являются ли они партнерами или соперниками.

Европейский союз и Балканы

С 2004 по 2013 гг. Словению, Болгарию, Румынию и Хорватию приняли в Евросоюз. Албания, Северная Македония, Сербия и Черногория являются странами-кандидатами в ЕС, Босния и Герцеговина (БиГ) и Косово – потенциальными кандидатами, которых Брюссель называет страны Западных Балкан. Турция признана страной-кандидатом в 1999 г., переговоры о вступлении начались в 2005 г., но вскоре были приостановлены, с 2018 г. они официально заморожены.

Брюссель рассматривает Балканы как часть Европы с общим историческим наследием. Перспектива европейского членства Западных Балкан отвечает интересам безопасности, политическим и экономическим интересам Союза. Брюссель считает это геостратегической инвестицией в стабильную, сильную и единую Европу, основанную на общих ценностях¹.

В 2014 г. Германия инициировала Берлинский процесс с целью «добиться дополнительного реального прогресса в реформах, урегулировании нерешенных двусторонних и внутренних вопросов и в достижении примирения внутри и между обществами в регионе», а также укрепить «региональное экономическое сотрудничество и заложить основы для устойчивого роста». Участниками процесса стали Австрия, Болгария, Греция, Франция, Германия, Италия, Польша, Словения, Хорватия и Соединенное Королевство, а также шесть западно-балканских государств². Комиссия 5 февраля 2020 г. подтвердила планы по расширению ЕС, и 25 марта 2020 г. было принято решение начать переговоры о вступлении с Албанией и Северной Македонией³.

ЕС оказывает экономическую и финансовую помощь кандидатам. На период 2007–2013 гг. бюджет составлял около 11,5 млрд евро, 2014–2020 гг. – 11,7 млрд евро⁴. На 2021–2027 гг. бюджет на сумму более 14 млрд евро был согласован 2

¹ Credible Enlargement Perspective and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/default/files/western_balkans_strategy_brochure.pdf (дата обращения: 25.06.2021)

² The Berlin Process. Information and Resource Centre. About. URL: <https://berlinprocess.info/about/#wbsummits> (дата обращения: 24.06.2021)

³ 2020 Communication on EU enlargement policy. European Union. European Commission. European Neighborhood Policy and Enlargement Negotiations. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/default/files/20201006-communication-on-eu-enlargement-policy_en.pdf (дата обращения: 27.06.2021)

⁴ Overview – Instrument for Pre-Accession Assistance. European Union. European Commission. European Neighborhood Policy and Enlargement Negotiations. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/instruments/overview_en (дата обращения: 27.06.2021)

июля 2020 г.¹ Финансовое содействие предоставляется также региональным организациям и проектам. Сообщество поддерживает инициативу Западных Балкан по установлению Региональной экономической зоны. Евросоюз поддержал создание Регионального рынка электроэнергии и подписал Соглашение о транспортном сообществе. На конкретные проекты выделено более 500 млн евро. В рамках ЕС начали действовать программы Erasmus+, Horizon 2020, Creative Europe и COSME, направленные на работу с молодежью. В 2016 г. более 5000 студентов с Западных Балкан воспользовались возможностями обмена по линии Erasmus+. Дополнительно около 7000 молодых людей приняли участие в юношеских обменах, 50 000 человек были вовлечены в различные мероприятия на местном уровне, организованные через Erasmus+. Программа исследований и инноваций Horizon 2020 предоставила более 125 млн евро финансирования с 2014 по 2020 гг.²

Еврокомиссия 6 октября 2020 г. приняла Пакет мер по расширению (*Enlargement package*) и Экономический и инвестиционный план для Западных Балкан (*Economic and Investment plan for the Western Balkans*)³. На основе этих решений на саммите ЕС со странами региона 10 ноября 2020 г. в Софии были подписаны декларации об Общем региональном рынке и Зеленой повестке для Западных Балкан⁴.

Евросоюз является основным торгово-экономическим партнером Западных Балкан, и на его долю приходится более двух третей прямых иностранных инвестиций. Объем торговли между ЕС и регионом в 2017 г. составил 49,5 млрд евро⁵. По данным 2020 г., импорт Албании из Евросоюза составил 58%, а экспорт – 76%

¹ European Commission welcomes political agreement on new €14, 2 billion Pre-Accession Assistance Instrument, 02.06.2021. European Union. European Commission. European Neighborhood Policy and Enlargement Negotiations. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/news_corner/news/european-commission-welcomes-political-agreement-new-€142-billion-pre-accession_en (дата обращения: 27.06.2021)

² Factsheet: EU Engagement in the Western Balkans, 28.05.2019. EEAS. Factsheets. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/29660/Factsheet:%20EU%20Engagement%20in%20the%20Western%20Balkans (дата обращения: 30.06.2021)

³ Josep Borrell: A credible enlargement policy is an investment in peace and security for the whole Europe, 6 October 2020. EEAS. EU Enlargement & Neighborhood. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-enlargement-and-neighbourhood-relations/87010/josep-borrell-credible-enlargement-policy-investment-peace-and-security-whole-europe_en (дата обращения: 01.06.2022)

⁴ Josep Borrell: regional cooperation in the Western Balkans is key for reconciliation and for a sustainable economic recovery, 10.11.2020. EEAS. EU Enlargement & Neighborhood. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-enlargement-and-neighbourhood-relations/88474/josep-borrell-regional-cooperation-western-balkans-key-reconciliation-and-sustainable-economic_en (дата обращения: 24.06.2021)

⁵ Factsheet: EU Engagement in the Western Balkans, 28.05.2019. EEAS. Factsheets. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/29660/Factsheet:%20EU%20Engagement%20in%20the%20Western%20Balkans (дата обращения: 30.06.2021)

всей торговли страны. Для БиГ эти цифры выглядят как 61 и 72%, для Северной Македонии – 51 и 78%, Сербии – 55 и 66% соответственно. Другими словами, более половины торговли приходится на ЕС. В Черногории и Косово эти показатели составляли менее половины всех объёмов торговли: в Черногории – 47 и 37%, в Косово – 49 и 33%¹. Западные Балканы, рынок с 18-миллионным населением, представляют, в свою очередь, экономический интерес для Евросоюза. Все страны подписали с ЕС Соглашение о стабилизации и ассоциации, включая Соглашение о свободной торговле. В 2014–2020 гг. Брюссель инвестировал 1 млрд евро для соединения транспортных и энергетических линий региона с ЕС. Темпы роста по внутреннему валовому продукту, оценка индекса глобальной конкурентоспособности по открытости торговли и доля образованной молодежи в возрасте 20–24 лет, за исключением Албании, выше, чем в среднем в ЕС. Корпоративный подоходный налог и цена на электричество значительно ниже, чем в Евросоюзе².

Турция и Балканы

А. Давутоглу, автор доктрины «стратегической глубины», отмечает, что в Турции пересекаются два важных сухопутных транзитных региона (Балканы и Кавказ), соединяющие Евразийское центральное сухопутное пространство с тёплыми морями и Африкой, а также морская транзитная зона (Проливы). Во внешнеполитической стратегии Турции особое значение приобретают три геополитических региона: (1) Ближний сухопутный бассейн: Балканы – Ближний Восток – Кавказ; (2) Ближний морской бассейн: Черное море – Адриатическое море – Восточное Средиземноморье – Красное море – Персидский залив – Каспийское море; (3) Ближний континентальный бассейн: Европа – Северная Африка – Южная Азия – Центральная и Восточная Азия [Davutoğlu, 2001: 116, 118]. Эти взаимосвязанные пояса, каждый из которых является продолжением другого, образуют спираль вокруг Турецкой республики и составляют её стратегическую глубину. Балканы в этом контексте являются одним из ключевых регионов.

Б. Демирташ, основываясь на новой концептуализации балканской политики, предлагает подходы, включающие геополитику, историю и культуру,

¹ Western Balkans in figures. European Union. European Commission. European Neighborhood Policy and Enlargement Negotiations. Enhanced EU engagement with the Western Balkans. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/eu-and-western-balkans_en (дата обращения: 25.06.2021)

² Western Balkans – economic benefits. European Union. European Commission. European Neighborhood Policy and Enlargement Negotiations. Enhanced EU engagement with the Western Balkans. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/default/files/western_balkans_economic_benefits_factographs.pdf (дата обращения: 27.06.2021)

изучает новые неправительственные инструменты политики¹. Турция географически и культурно-исторически считает себя балканской страной. Через регион проходит транспортный коридор в Европу. Османская империя возникла на Балканах, где шел процесс формирования турецкой нации. Выходцы с полуострова занимали высокие должности в империи. На Балканах остались памятники османской архитектуры и культуры и сохранилась историческая память. У Анкары существуют гуманитарные родственные связи с регионом, в Турции живут выходцы с Балкан, где, в свою очередь, проживают турки. Балканы имеют геостратегическое, геополитическое и культурно-историческое значение. Любой региональный кризис затрагивает Турцию, и поэтому для нее сохранение мира и стабильности на полуострове имеет жизненно важное значение.

В 1990-е гг. Турция следовала западной политике. Она участвовала в миссиях ООН и операциях НАТО, в 2000-е гг. – в операциях и миссиях ЕС². После приостановки переговоров с Брюсселем в 2006 г. ЕС перестал быть каналом для реализации интересов Турции. Анкара начала проводить самостоятельную политику в двустороннем и балканском форматах. Экономические и гуманитарные связи вышли на первый план.

В 2020 г. в общей торговле Турции на балканские страны приходилось 5,5%. Доля турецкого экспорта превышает импорт. Турция больше всех торговала с Румынией, далее следовали Болгария и Греция, а также Словения, Сербия, которые значительно опережали БиГ, Хорватию, Северную Македонию, Албанию и Черногорию³. Всего за 2002–2020 гг. Анкара вложила в Балканы 1,85 млн долл. США⁴.

Политика Турции охватывает также этно-конфессиональные меньшинства [Свистунова, 2020: 61–71]. В гуманитарной сфере Фонд и Институт им. Юнуса Эмре, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, Управление по делам религии и Фонд маариф восстанавливают османские культурно-исторические памятники, организуют образовательные и языковые курсы. В 2009 г. Анкара инициировала два трехсторонних формата с участием Сербии и БиГ, а также Хорватии и БиГ, которые в немалой степени стимулировали сотрудничество. Турция проявляет

¹ Demirtaş B. (2015) Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 17:2, P. 127, DOI: 10.1080/19448953.2014.994283

² Turkey's International Security Initiatives and Contributions to NATO and EU Operations. Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Foreign Policy. Main Issues. Turkey's Security (NATO). More Information about Turkey's Security (NATO). URL: http://www.mfa.gov.tr/iv_european-security-and-defence-identity_policy_esdi_p_en.mfa (дата обращения: 02.06.2021)

³ Foreign Trade Statistics (Special Trade System). Turkish Statistical Institute. Statistics. Foreign Trade. Databases. URL: https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret_ing.zul?param1=4¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5908 (дата обращения: 28.03.2021)

⁴ Residents Direct Investments Abroad by Geographical Breakdown. Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası. Statistics. Balance of Payment and Related Statistics. Balance of Payment Statistics. URL: <https://tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/2c897137-850e-4d15-9a2a-c0d4735d9986/bop.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-2c897137-850e-4d15-9a2a-c0d4735d9986-nzr7ZDz> (дата обращения: 02.05.2021)

большую активность в Процессе сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ) и Совете регионального сотрудничества (СРС), которые объединяют все балканские страны и являются единственными подлинно балканскими институтами. В заявлении МИДа Турецкой республики от 3 апреля 2003 г. отмечалось, что ПСЮВЕ, в создание и развитие которого Турция внесла наибольший вклад, является уникальным форумом балканского взаимодействия. Процесс, основная задача которого – урегулирование существующих проблем в рамках самого региона путем политического диалога и проявления единой воли, приобретает в данном качестве гораздо большее значение в нынешней международной обстановке с точки зрения упрочения мира и стабильности на Балканах¹. Турция председательствовала в ПСЮВЕ в 1998–1999 гг., 2009–2010 гг. и 2020–2021 гг.²

Выступая на встрече в верхах, состоявшейся под турецким председательством 17 июня 2021 г. в Анталье, президент Р.Т. Эрдоган сформулировал турецкую позицию: «Мы по-прежнему решительно поддерживаем усилия, направленные на интеграцию региона в евроатлантические организации». Критикуя искусственное разделение Западных Балкан и Турции, Эрдоган продолжил: «ЕС не может стать центром притяжения и силы без полного членства Турции. Мы хотим, чтобы усилия, которые мы терпеливо и настойчиво прилагали для обеспечения полноправного членства в течение полувека, несмотря на все несправедливости, с которыми мы сталкиваемся, увенчались успехом»³.

ЕС и Турция на Балканах: сотрудничество или конкуренция?

Часть аналитиков признает, что хотя Европа и Турция имеют разные приоритеты в регионе, Анкара не рассматривает ЕС как конкурента, ее активность не идет ни в какое сравнение с его влиянием. Реальной опасностью для европейских интересов на Балканах, предупреждает А. Айдынташбаш, старший научный сотрудник Европейского совета по внешним вопросам, является Турция, находящаяся вне Запада. Опасающимся ее влияния в регионе европейцам предлагается не выталкивать Анкару за пределы трансатлантических и европейских рамок в сторону России⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 194. Оп. 83. П. 261. Д. 9. Л. 116.

² О турецкой политике на Балканах см.: [Мамедов, 2021: 89–106].

³ “It is not possible for the EU to achieve its goal of becoming a center of attraction without Turkey’s full membership”, 17.06.2021. Presidency of the Republic of Turkey. Presidential Agenda. All News. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/128361/-it-is-not-possible-for-the-eu-to-achieve-its-goal-of-becoming-a-center-of-attraction-without-turkey-s-full-membership-> (дата обращения: 18.06.2021)

⁴ Aydıntaşbaş A. (2019) From myth to reality: How to understand Turkey’s role in the Western Balkans. Policy Brief, 13 March 2019. *European Council of Foreign Relations*. Programmes. Wider Europe. URL: https://ecfr.eu/publication/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans/ (дата обращения: 29.07.2021)

Сторонники противоположной точки зрения полагают, что на Балканах Турции приходится конкурировать с Евросоюзом, который рассматривает регион как естественную зону своих интересов¹. Третья группа авторов считает США и Россию соперниками Турции и ЕС. Приоритет отдают Брюсселю, который, приняв решение начать переговоры с Албанией и Северной Македонией, получил преимущество перед конкурентами².

Ситуация не так однозначна, как может показаться. Двойные стандарты, нарушение обещаний вызвали недоверие и раздражение Анкары и привели к появлению феномена, который мы окрестили как «туркопессимизм» [Мамедов, 2018b: 461–467]. Это побудило Турцию проводить независимую внешнюю политику на Балканах. Наряду с поддержкой евро-атлантического курса, Анкара считает, что балканские страны могут внести существенный вклад в собственное будущее, в том числе посредством балканских форматов. Данный подход является в определенной мере продолжением позиции Ататюрка, который выступал за добрососедские и дружественные отношения, единение Балкан не только для обеспечения своих интересов, но и для предотвращения угрозы доминирования внешних игроков.

Балканские страны вступают в ЕС, одновременно работают в региональных институтах. Они тем самым, возможно, пытаются сохранить свою самобытность и единство в многообразии, о чем писала болгарский ученый Д. Мишкова: «Именно в тот момент, когда восточная культура в ее исламской форме уступила место западной культуре, ...балканские ученые увидели источник крупного исторического регресса: все предыдущие цивилизации – эллинистическая, римская, византийская, османская – принесли единство региону, в то время как современная европейская культура... напротив, разделяла политически и морально жителей полуострова одновременно с тем, как она нивелировала их своим культурным влиянием. ...Новая балканская культура, основанная на давней традиции единства в многообразии, региональной самостоятельности и самодостаточности – вот ключевые понятия, на которые опиралась политика “новой балканской науки”»³. Неоднородная Европа углубила разделенность Юго-Восточной Европы даже в большей степени, чем это было раньше [Мамедов, 2018a: 171].

Поддержка евро-атлантической интеграции балканских стран, которая по своему делает их европейскими, и содействие сугубо региональным инициативам, что сохраняет их балканское самосознание, вызывает противоречие, которое мы назвали «балканской дилеммой» Турции. Будучи балканской страной и кандидатом

¹ Исаев А. (2020) Турция на Балканах: марш на Запад, 25.06.2020. *Международная жизнь*. Экспертная оценка. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26758> (дата обращения: 29.07.2021)

² Ирфан Кая Ульгер. (2020) Anadolu (Турция): новая цель в политике расширения ЕС — Западные Балканы, 04.04.2020. *Иносми.ру. Россия сегодня*. Политика. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200404/247197362.html> (дата обращения: 29.07.2021)

³ Mishkova D. D. (2012) The Balkans as an Idée—Force: Scholarly Projections of the Balkan Cultural Area. *Civilisations*, Vol. 60, No. 2. 2012. P. 59.

в ЕС, подобное положение делает двусмысленными роль Турецкой республики на Балканах. Относительно будущего Балканского полуострова, страны которого заявляют о приверженности европейским ценностям и стремятся стать частью европейского сообщества, Брюссель и Анкара, казалось бы, придерживаются единой позиции. При этом членство Турции в сообществе остаётся под вопросом. Политика Брюсселя по интеграции балканских стран и усилия Анкары по развитию балканского сотрудничества в рамках ПСЮВЕ и СРС приводят к тому, что две столицы используют разные средства для обеспечения своих интересов.

Возможно, это противоречие, и, как признают ученые, нестабильность, возникшая в непосредственной близости от Турции, а именно в Сирии и Ираке, а также кризис с беженцами отвлекают внимание турецких политиков от Балкан. Балканская стратегия хотя и продолжает оставаться важным направлением турецкой внешней политики, проводится в настоящее время не так активно, как это было в первое десятилетие правления Партии справедливости и развития¹.

Заключение

Средством реализации интересов Брюсселя является интеграция Балкан с ЕС. Анкара использует двусторонние связи и региональные организации. В вопросе членства Брюссель, применяя копенгагенские критерии, разделяет регион на стран-участниц, кандидатов и потенциальных кандидатов. Турция рассматривает Балканы как целостностный регион в совокупности его геостратегического, геополитического и культурно-исторического своеобразия. Двусторонние связи ЕС предусматривают трансформацию балканских стран с целью интеграции. Двусторонние отношения Турции основаны на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды. Евросоюз, применяя региональный подход, намеревается распространить европейские нормы в широком понимании этого слова на весь регион, пренебрегая местными традициями. Турция, применяя региональный подход, пытается сохранить самобытность полуострова и его народов. Брюссель предполагает включить страны региона в ЕС, где доминируют общие органы управления. Анкара, продвигая региональные организации, пытается создать рамки для равноправного диалога стран по интересующим их вопросам.

Таким образом, политика Брюсселя последовательна, растянута во времени и дифференцирована. Напротив, Анкара хотя и поддерживает евроинтеграцию, но в то же время предлагает региональное балканское партнерство. Эта двойственность ведёт к «балканской дилемме» Турции: интересы Анкары входят в противоречие с геостратегическими и геополитическими целями ЕС. Переориентация с европейского

¹ Иванова И. И. (2017) Балканская политика Турции в конце XX — начале XXI в. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России*. Отв. ред. В. Я. Белокриницкий, Н. Ю. Ульченко; сост. И. Г. Саетов. М.: ИВ РАН. С. 147; Оуа Dursun-Özkanca. (2016) Turkey and the European Union: Strategic Partners or Competitors in the Western Balkans? *Journal of Regional Security*, 11 (1). P. 39.

приоритета на балканский и сосредоточение усилий на региональном уровне за рамками евро-атлантической интеграции балканских стран, возможно, откроет больше перспектив для Турции. Однако возникает вопрос о ее потенциале и возможных партнерах. Москва является наиболее подходящей кандидатурой. Министры иностранных дел России и Турции С. Лавров и М. Чавушоглу 30 октября 2021 г. на полях саммита «Большой двадцатки» в Риме обсуждали вопрос координации усилий двух стран по дальнейшей стабилизации ситуации на Балканах¹, которые могут стать еще одним регионом, где Россия и Турция взаимодействуют между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 194. Оп. 83. П. 261. Д. 9.

Иванова И. И. (2017) Балканская политика Турции в конце XX — начале XXI в. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России*. Отв. ред. В. Я. Белокриницкий, Н. Ю. Ульченко: сост. И. Г. Саетов. ИВ РАН, Москва. С. 131–148.

Ирфан Кая Ульгер. (2020) Anadolu (Турция): новая цель в политике расширения ЕС — Западные Балканы, 04.04.2020. *Иносми.ру. Россия сегодня. Политика*. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200404/247197362.html> (дата обращения: 29.07.2021)

Исаев А. (2020) Турция на Балканах: марш на Запад, 25.06.2020. *Международная жизнь. Экспертная оценка*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26758> (дата обращения: 29.07.2021)

Мамедов И. М. (2021) Балканская политика Турции в конце XX – начале XXI в. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 1 (27). С. 89–106.

Мамедов И. М. (2018а) Европейскому союзу 60 лет: итоги и перспективы для Центральной и Юго-Восточной Европы. *Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2*. Под общ. ред. А. А. Слинько, отв. ред. О. Ю. Михалев, В. И. Сальников. Издательский дом ВГУ, Воронеж, Россия. С. 171–187.

Мамедов И. М. (2018b) Политика Турции в контексте евроскептицизма. *Европа. Евразия. XXI век начинается*. ИСл РАН; ПОЛИМЕДИА, Москва. С. 452–473. DOI: 10.31168/0409-1.4.5

Свистунова И.А. (2020) Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств. *Современная Европа*. № 4. С. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171>

Энтина Е.Г. (2020) Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постюгославского пространства). 23.00.04. Политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития. Дисс. на соис. уч. ст. док. полит. наук. Москва. С. 300–319.

¹ О беседе Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу, 30.10.2021 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Внешняя политика. Новости. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4920907 (дата обращения: 31.10.2021)

Энтина Е.Г. (2016) Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 31–47.

Aydıntaşbaş A. (2019) From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans. Policy Brief, 13 March 2019. *European Council of Foreign Relations. Programmes. Wider Europe.* URL: https://ecfr.eu/publication/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans/ (accessed: 29.07.2021)

Davutoğlu A. (2001) *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu.* İstanbul: Küre Yayınları. 582 p.

Demirtaş B. (2015) Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 17:2, pp. 123–140, DOI: 10.1080/19448953.2014.994283

Mishkova D.D. (2012) The Balkans as an Idée–Force: Scholarly Projections of the Balkan Cultural Area. *Civilisations*, Vol. 60, No. 2, pp. 39–64.

Oya Dursun-Özkanca. (2016) Turkey and the European Union: Strategic Partners or Competitors in the Western Balkans? *Journal of Regional Security*, 11 (1), pp. 33–54.

The Balkans at the Crossroads of Interests of the European Union and Turkey

I.M. Mamedov*

Candidate of Science (History)

Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences.

32-A. Leninsky ave., Moscow, Russia, 119334.

***E-mail:** ilgarmm@yandex.com

Abstract. The author examines the compatibility of the interests and policies of the European Union (EU) and Turkey in the Balkans. After the admission of several Balkan countries to the EU, Brussels focused on the remaining six countries termed as “Western Balkans”. Turkey's policy covers the entire peninsula, including Albania, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Greece, Macedonia, Romania, Serbia, Slovenia, Croatia and Montenegro. Ankara pursued its interests through NATO in the 1990s, and the EU in the 2000s. Brussels and Ankara worked jointly. In the 2010s, the EU and Turkey started to act in parallel. Economic and humanitarian issues turned out to be dominant, and Turkey actively promoted trilateral cooperation initiatives. In addition to bilateral relations, involving political, military, economic and humanitarian dimensions, Turkey supports the multilateral cooperation between different Balkan institutions. Some commentators consider the EU and Turkey to be partners, while others argue that they are rather competitors. However, the situation is more complicated. In the Balkans Ankara's and Brussels' priorities mostly diverge. Whilst EU's policy is coherent and long term, Turkey's Balkan policy looks contradictory due to the incompatibility between the support of the Euro-Atlantic integration of the

Balkan countries and purely regional initiatives. The author determines this situation as Turkey's Balkan dilemma. Yet, Turkey's European integration prospects are under question. In the Balkans, Turkey's national and regional interests have collided with the geopolitical goals of the EU, which barely includes a place for Turkey.

Keywords: The Balkans, Balkan Dilemma, European Union, Strategic Depth, Turkey.

DOI: 10.31857/S0201708322010053

REFERENCES

Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. F. 194. Op. 83. P. 261. D. 9. [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. F. 194. Op. 83. P. 261. D. 9]. (in Russian).

Aydıntaşbaş A. (2019) From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans. Policy Brief, 13 March 2019. *European Council of Foreign Relations. Programmes. Wider Europe.* URL: https://ecfr.eu/publication/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans/ (accessed: 29.07.2021)

Davutoğlu A. (2001) *Stratejik Derinlik. Türkiyenin Uluslararası Konumu.* İstanbul: Küre Yayınları. 582 p.

Demirtaş B. (2015) Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 17:2, pp. 123–140, DOI: 10.1080/19448953.2014.994283

Ivanova I. I. (2017) Balkanskaya politika Turcii v konce XX – nachale XXI v. [The Balkan policy of Turkey in the late XX – early XXI century]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vy p. 5: Musul'manskij mir na istoricheskix rubezhax Rossii.* Otv. red. V. Ya. Belokrinickij, N. Yu. Ul'chenko: sost. I. G. Saetov. IV RAN, Moscow, pp. 131–148. (in Russian).

Irfan Kaya Ul'ger. (2020) Anadolu (Turciya): novaya cel' v politike rasshireniya ES – Zapadnye Balkany [Anadolu (Turkey): a new goal in the EU enlargement policy – the Western Balkans], 04.04.2020. *Inosmi.ru. Rossiya segodnya.* Politika. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200404/247197362.html> (accessed: 29.07.2021) (in Russian).

Isaev A. (2020) Turciya na Balkanax: marsh na Zapad [Turkey in the Balkans: March to the West], 25.06.2020. *Mezhdunarodnaya zhizn'. E'kspertnaya ocenka.* URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26758> (accessed: 29.07.2021) (in Russian).

Mamedov I.M. (2021) Balkanskaya politika Turcii v konce XX – nachale XXI v. [Turkey's Balkan policy in the late XX – early XXI century] *Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir.* No 1 (27), pp. 89–106. (in Russian).

Mamedov I.M. (2018) Evropejskomu soyuzu 60 let: itogi i perspektivy` dlya Central`noj i Yugo-Vostochnoj Evropy` [The Sixty years of the European Union: Outcomes and outlook for the Central and South-East Europe]. *Problemy` stran postsovetskogo prostranstva, Central`noj i Yugo-Vostochnoj Evropy` : sbornik nauchny`x statej. Vy`p. 2.* Pod obshh. red. A. A. Slin`ko, otv. red. O. Yu. Mixalev, V. I. Sal`nikov. Izdatel'skij dom VGU, Voronezh, Russia, pp. 171–187. (in Russian).

Mamedov I.M. (2018) Politika Turcii v kontekste evroskepticizma [Turkey's policy in the context of Euroscepticism.]. *Evropa. Evraziya. XXI vek nachinaetsya*. ISl RAN; POLIMEDIA, Moscow, pp. 452–473. DOI: 10.31168/0409-1.4.5 (in Russian).

Mishkova D.D. (2012) The Balkans as an Idée–Force: Scholarly Projections of the Balkan Cultural Area. *Civilisations*, Vol. 60, No. 2, pp. 39–64.

Oya Dursun-Özkanca. (2016) Turkey and the European Union: Strategic Partners or Competitors in the Western Balkans? *Journal of Regional Security*, 11 (1), pp. 33–54.

Svistunova I.A. (2020) Balkanskaya politika Turcii: Rol' ètno-konfessional'ny`x men`shinstv [Turkey's Balkan policy: The role of ethnic and religious minorities]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171> (in Russian).

Entina E.G. (2020) Osobennosti i predely integracionnoj politiki Evropejskogo Soyuza v Yugo-Vostochnoj Evrope (na primere gosudarstv postjugoslavskogo prostranstva). [Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (case of the post-Yugoslav space states).] 23.00.04. Politicheskie problemy mezhdunarodnyh otnoshenij global'nogo i regional'nogo razvitiya. Diss. na sois. uch. st. dok. polit. nauk. Moscow, pp. 300–319. (in Russian).

Entina E.G. (2016) Mezhdunarodnyj kontekst evrointegracii Zapadnyh Balkan [European Integration of the Western Balkans: international background]. In-t Evropy RAN, Moscow, pp. 31–47. (in Russian).

УДК 327

KALININGRAD AND THE LITHUANIAN “GEOPOLITICAL CODE”

© 2022 S. Fernandes*

University of Minho. EEG Building, Campus de Gualtar, 4710 – 057 Braga, Portugal.

*E-mail: sfernandes@eeg.uminho.pt

© 2022 P. Viana*

University of Minho. EEG Building, Campus de Gualtar, 4710 – 057 Braga, Portugal.

*E-mail: sfernandes@eeg.uminho.pt

Received on 22.09.2021

Revised on 18.11.2021

Accepted on 21.12.2021

Abstract. The paper analyses the evolving role of Kaliningrad in shaping Lithuania’s security perceptions vis-à-vis Russia. Applying the framework of the “geopolitical code” designed by Flint, the authors question whether the exclave-enclave nexus in the Kaliningrad region – after the European Union (EU) and the Atlantic Alliance (NATO) enlargements – has been a relevant change in context that has affected Vilnius’ security perception of Moscow in its “geopolitical code”. The cooperative posture of Vilnius initialled in 1991 – and later reinforced through the EU programmes – tended to be based on achieving the country and EU’s own stability and development, in a regional perspective, with no strategy to spill over on global relations with Moscow. Vilnius’ understanding of Russian policies in Georgia and, mainly Ukraine, represented a change in context from 2008 onwards that brought a focus on military dimensions concerning the *Oblast*. This change was convergent with the same tendency in NATO. Membership in the EU and NATO has reinforced Lithuanian perceptions of Kaliningrad as a potential ally or enemy. At the bottom line, Vilnius’ key decisions towards militarization in detriment of cooperation result from a continued negative security perception of Russia. Although cooperative engagement exists, it has not been able to become a feature of the relation due to the rationale of this cooperation. Kaliningrad influenced the “geopolitical code” of Lithuania concerning Russia but it did not play a decisive role in changing Vilnius’ calculations on how to engage with Moscow.

Keywords: Lithuania, Kaliningrad, Russia, Geopolitical Code, European Union, NATO, Cooperation, Militarization, Security and Defence policies.

DOI: 10.31857/S0201708322010065

Introduction

The Kaliningrad region or *Oblast* occupies a peculiar geographical position and plays a significant role in European and Russian geopolitics. After the dissolution of the Soviet Union in 1991, the *Oblast* was separated from the territory of the Russian Federation and became an exclave or semi-exclave [Rozhkov-Yuryevsky, 2013; Gareev, 2013; Zieliński, 2020]. Although exclaves tend to be diminutive in territory and population, they often exercise disproportionate, and often divisive, roles in international relations [Vinokurov, 2007]. After the European Union (EU) and the North Atlantic Treaty Organisation (NATO) enlargements in 2004, with the Lithuanian and Polish accession, “Kaliningrad Oblast became a kind of an enclave” or a “semi-enclave” [Ivanauskas *et. al.*, 2017; Se-bentsov, Zotova, 2018]. As Berger [Berger, 2010: 313] underlines: “All enclaves are borderlands and as such they are characterised by their peripheral status. They act as barriers against potential ‘others’, and they filter influences both from the surrounding area and the mainland, but they are also contact zones and meeting points of different cultures, languages and political orders, which often facilitate exchange and cultural transfer”.

Taking into consideration that Russia has been considered an existential threat to Lithuania since its independence [Pavlovaite, 2003], this paper questions the role of Kaliningrad in shaping the evolution of Lithuanian security perspectives. We posit that – despite the fact that the *Oblast* is at the same geographical location since 1991 – changes have been operated in Vilnius’ security perceptions taking into consideration two main aspects. (a) The Oblast has become a semi-enclave after the 2004 enlargements and (b) the Lithuanian perception of the Russian threat since independence has endured despite signs of evolution.

In the aftermath of the reunification of Crimea with Russia, geostrategic significance of the *Oblast* has been reinforced in European security and in the Baltic region in particular [Veebel, Sliwa, 2019]. Should Moscow be successful in seizing a 104 km piece of land along the Polish-Lithuanian border – known as the Suwalki Gap – the three Baltic states would be completely cut off from their NATO allies¹.

The paper questions whether the evolution of Kaliningrad – as exclave and enclave – has been a relevant change in context that has affected Vilnius’ security perception of Moscow in its “geopolitical code”. In the first section, we expose the analytical framework that we apply in this research. The “geopolitical code” [Flint, 2017] of Lithuania is identified in the subsequent sections of the paper. Secondly, we unpack the contexts in which Kaliningrad is viewed cooperatively by Vilnius, and how these dynamics have contributed to frame the country’s geopolitical code. Thirdly, we identify negative security perceptions of the *Oblast* and how they contribute to redefine the Lithuanian code.

¹ Sytas (2017) ‘NATO war game defends Baltic weak spot for first time’, Reuters, 18 June. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-russia-suwalki-gap-idUSKBN1990L2> (accessed: 07.09.2021)

Geopolitical Codes: a framework of analysis

The concept of geopolitical codes was originally developed by Gaddis [Rae, 2007] in his analysis of U.S. post-war security policy. Rae observes that those codes are a relatively stable framework for understanding the world. However, they could change spatially depending on the assumption regarding the interests and threats of a given country. Flint and Taylor [Flint, Taylor, 2018] and Flint [Flint, 2017] have defined this concept as dynamic and in a framework which permits the identification of markers of change and the assessment of how changes in context might alter foreign policy calculations. Flint exemplifies with the Baltic countries’ NATO membership, a dramatic change in a geopolitical code as these countries were part of the Soviet Union. This geopolitical framework of analysis is suited to unpack political calculations and incorporates both classical and critical dimensions of the field¹.

Considering the geopolitical code as the way in which each country orientates itself towards the world, Flint considers five main calculations to define a code: “(a) Who are our current and potential allies? Who are our current and potential enemies? (b) How can we maintain our allies and nurture potential allies? (c) How can we counter our current enemies and emerging threats? (d) How do we justify the four abovementioned calculations to our public, and to the global community?” [Flint, 2017]. Thus, our paper aims at identifying Vilnius’ “geopolitical code” by addressing these questions.

A geopolitical code “is the product of state elites”² and is generally connected with national myths. “Visions of one’s country and its position in relation to other countries are formed within particular national myths. These myths form the basis for geopolitical codes and the means to represent and interpret these goals so that they obtain popular support.” [Flint, 2017: 311]. National myths include concepts of sovereignty, territory and state security, and threats are commonly originated by other nations. Thus, national myths require the construction of us/them and inside/outside identities. We explore below how Kaliningrad, as a Russian territory, has been incorporated in Vilnius’ geopolitical code that includes negative security perceptions of Russia.

This methodological choice needs to be understood in the agent-structure debate in geopolitics, as Flint himself underlines [Flint, 2017]. Firstly, agents cannot act freely, but they are able to make choices. Secondly, agents act within structures that limit, or constrain, the possible actions of the agent. Furthermore, structures provide opportunities for agents to attain their goals. Finally, an agent can also be a structure and vice versa [Flint, 2017; Peet, 1998]. Thus, we use this framework of analysis to explain the manner in

¹ Van Effrink, L. (2012) Colin Flint: structure agency, identity, peace networks, geopolitical codes/visions URL:

https://exploringgeopolitics.org/interview_flint_colin_structure_agency_identity_peace_networks_geopolitical_codes_visions_agents_actors_representations_practices_spaces_powers_environmental_geopolitics/ (accessed: 20.03.2021)

² Ibid.

which state elites have been taking decisions within the (geopolitical) context regarding Kaliningrad, which involves positioning towards Russia and the effects of EU and NATO integration. The framework of analysis suggests that the country's view about this question is tightly influenced by its "geopolitical code", which is by definition, a highly biased picture of the world [Flint, Taylor, 2018].

Finally, the "geopolitical code" framework can be put under the theoretical perspective of the "security dilemma" that offers a language to frame the empirical situation and ways of thinking about what is necessary to ameliorate tensions. In particular, the "security dilemma sensibility" [Booth, Wheeler, 2008] – referring broadly to the ability to understand the fear that one's own actions can generate in others – and the (in)capacity of States to exercise this "sensibility" pervades the security environment.

The "geopolitical code" framework allows us to grasp the complexity of agency in the sense that multiple identities and goals have an impact at the decision level on the course of external action [Flint, 2017]. Our paper focuses on the specific impact of the Kaliningrad region on Lithuanian positioning towards Russia in terms of security guarantee perceptions. We consider the effects of EU and NATO integration on this issue as a change in context since, parallelly, Kaliningrad became a semi-enclave and Vilnius reinforced its security perceptions towards Moscow. We apply below this framework to assess how changes in context might alter foreign policy calculations. In other words, we outline in what ways the Lithuanian "code" has been dynamic, considering the impact of the Kaliningrad exclave-enclave question in different contexts.

Kaliningrad as "another" Russia for Vilnius: dynamics of cooperation

After declaration of sovereignty, Lithuanian political elites had the ambition to maintain a certain neutrality regarding the tensions between East and West. The *Outline of the Concept of National Security* of 1990, drafted even before Lithuanian independency, highlights intentions on maintaining neutrality by becoming a zone of greater confidence between the East and the West. Despite the fact that the document doesn't contain clear reference to particular threats, Miniotaite [Miniotaite, 1999] identifies the Soviet Union as the implicit threat to the country's security. In June 2000, this perception of Russia as a threat was made explicit, for instance, in the editorial of the leading Lithuanian daily newspaper, as follows: "the spirit of militaristic and ideological communist revenge is alive in Russia...destabilizing Russian-Lithuanian relations and the whole world" [Pavlovaite, 2003: 199].

Although the USSR and later the Russian Federation were considered by Lithuanian public opinion¹ and elites² as a threat to the country's security, Vilnius' relations with Moscow seemed closer when compared to the other Baltic states. While Lithuania suc-

¹ Centre for Insights in Survey Research (2020) *Public Opinion Poll: Lithuania, 7-26 June 2020*. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/lithuania_slide_deck_ltu-to_be_published.pdf (accessed: 07.09. 2021)

² Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania and State Security Department of the Republic of Lithuania (2020) *National Threat Assessment 2020* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2020/02/2020-Gresmes-En.pdf> (accessed: 05.05.2021)

cessfully signed a border treaty prior to the former’s accession to the EU and NATO, Riga and Tallinn’s attempts to sign a similar treaty were fruitless. The absence of territorial disputes between Moscow and Vilnius played a key role in paving the way for the signature of the treaty [Fernandes, Correia, 2018]. Relations seemed closer when it came to cooperation through Kaliningrad. In fact, both countries successfully signed an Agreement on Illegal Migrant Readmission in the framework of Kaliningrad negotiations [Karabeshkin, 2015]. Cultural cooperation has also been developed, namely educational cooperation (Baltic University Programme and ERAMUS+ programme) and a cultural attaché in the Consulate General in Kaliningrad until a recent downsizing to one position for the entire Russian Federation¹.

Despite Russia being perceived as a threat in Lithuania’s political elite imaginary, from 1991 until 2008 relations between Vilnius and the Kaliningrad region were mainly grounded on cooperation. The key element was the natural, functional and political features of “cross border regions” [Kolosov, Sebentsov 2019: 76]. We develop below examples of cross-border cooperation that, according to Khudoley [Khudoley, 2019], are “functional” and practical relations with positive effects in the presence of a deteriorating international situation.

The cross-border agenda between the Baltic country and the *Oblast* is primarily grounded in two fields: regional economic cooperation and the transit of Russian citizens and military units through the Baltic country. Engagement in the New Hansa² organization (Kaunas and Kaliningrad are members) serves as a tool for cross-border cooperation through city diplomacy [Vasilyeva, Kosov, 2017]. The New Hansa is seen as the “incarnation” of the Hanseatic League referring to successful trade cooperation between the XIII and XIV centuries in the region. History, an essential aspect in the establishment of national myths, contributes positively to the perception of the Russian “other” through Kaliningrad.

From the very beginning of 1991, Moscow took action to alleviate the problem originating from Kaliningrad’s geographical position as “Lithuania and Russia soon reached a provisional arrangement allowing visa-free travel for Russian citizens across Lithuanian territory” [Diener, Hagen, 2011: 580]. Moreover, during Boris Yeltsin’s administration a regionalization of Russia could be noted while, at the time, Lithuania was able to develop direct relations with the *Oblast*. In 1994, a consulate of the Baltic country was opened in Kaliningrad, and in 1995, another agreement on visa-free travel for visits shorter than 30 days was signed to facilitate mobility of the residents of Kaliningrad and of the Lithuanian citizens entering the region [Ivanauskas *et al.*, 2017]. The 2002 National Security Strategy refers to Vilnius’ intention to maintain good economic, commercial, and cultural

¹ Ministry of Culture of the Republic of Lithuania (2021) *Office of Cultural Attaché has been established in Japan*. URL: <https://lrkm.lrv.lt/en/news/office-of-cultural-attache-has-been-established-in-japan> (accessed: 14.12.2021)

² Die Hanse (no date) *Die Hanse*. URL: <https://www.hanse.org/en/> (accessed: 13.12.2021)

relations with Kaliningrad¹ and highlights intentions to involve the region in European and regional cooperation. Concurrently, Lithuanian elites expressed a willingness to help solve the problems that Kaliningrad posed to the whole region [Pavlovaite, 2003]. Although Lithuania's relations with the *Oblast* are mooted to be the trial, test, and model for socializing the Russian 'other', they are also seen as a way of helping to develop a genuine strategic partnership between Europe and Russia [Vitunic, 2003; Ivanauskas *et al.*, 2017].

Before Lithuania's accession to the EU, mobility questions transformed as Kaliningrad would become a Russian enclave within the Union, raising concerns about citizens transit into the Schengen area and the visa regime that would be applied. "The priority objectives of the exclave region were to ensure transport accessibility and to reduce political tension brought about by the exclave being sandwiched between EU and NATO member-states" [Mikhaylova, 2019: 97]. The main issue regarding Lithuania's accession to the EU was the enlargement of the Schengen Area.

In the 2002 *Joint Statement on Transit between the Kaliningrad Region and the Rest of the Russian Federation*, the EU and Russia acknowledged the unique geographical situation of the Kaliningrad region². Both agreed to take comprehensive measures to facilitate border passage. Russia-Lithuania-EU tripartite negotiations resulted in the signing of the Facilitated Transit Document (FTD) and the Facilitated Railway Transit Document (FRTD), for transit by train, bus and car [Vinokurov, 2020: 67]. The search for a more open dialogue shows how the existing "geopolitical code" can be justified to the population, which at the same time, in practical terms, implied important changes in daily life.

An initial agreement on Local Border Traffic (LBT), also known as Small Border Traffic, was also reached in 2009 for transit issues but abandoned by Lithuania in 2012. The withdrawal resulted namely from a growing concern about Lithuania's territory openness [Anisiewicz, Palmowski, 2014: 80–81]. At the same time, probably as an attitude to preserve good relations regarding cross-border cooperation, Vilnius decided to build new border crossing points³.

After 2004, economic cooperation between Lithuania and Kaliningrad evolved. An enthusiastic vision towards enlargement and its consequential benefits in regard to EU-Russian relations and with the *Oblast* existed. The idea that Kaliningrad could be a testing ground, a bridge or pilot region for enhancing cooperation between Russia and the EU

¹ Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania (2002) *National Security Strategy*. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156892/Lithuania-2002.pdf> (accessed: 05.05.2021)

² Kremlin (2002) *Joint Statement of the European Union and the Russian Federation on Transit between the Kaliningrad Region and the Rest of the Russian Federation*. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/3537> (accessed: 18.12. 2021)

³ 15 Min (2012) *Lithuania to build new border crossing point at Kaliningrad*. URL: <https://www.15min.lt/en/article/society/lithuania-to-build-new-border-crossing-point-at-kaliningrad-528-281232> (accessed: 13.12. 2021)

LRT (2019) *Lithuania moves ahead with new checkpoint on Russian border*. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1124584/lithuania-moves-ahead-with-new-checkpoint-on-russian-border> (accessed: 13.12. 2021)

existed at the time, namely becoming a thriving area of liberalized free trade between the EU and Russia. Thus, becoming an enclave presented the opportunity for Kaliningrad to become a “region of cooperation” and the future Hong Kong of the Baltic Region [Sebentsov, Zotova, 2018; Jokubaitis, Lopata, 2010].

The status of Kaliningrad as a pilot project could have resulted in a “reciprocal and open strategic partnership” [Maass, 2020: 518] between Russia and the EU, namely under the Neighbourhood Programme «Lithuania, Poland, Kaliningrad region», 2004–2006. For the period, more than 44,5 million euros from the European funding were allocated to the Programme, resulting in 162 cross-border projects [Richard, Sebentsov, Zotova, 2015: 9]. Since 2007, the European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) finances cross-border cooperation, mainly involving cities located in the coastal region [Richard, Sebentsov, Zotova, 2015].

The Northern Dimension (ND) is another ongoing programme that was also seen as an opportunity for Kaliningrad to act as a “bridge to Moscow-Brussels relations”, namely in the successful areas of public health, social well-being, and culture. The programme embodied the principle of depoliticized cooperation and Europe’s ‘new regionalism, thus a model for cooperation and a platform for informal dialogue maintaining a positive interaction potential [Kolosov, Sebentsov, 2019].

These programmes directed towards diminishing the disparities between the countries of the EU and the *Oblast* reinforced the view that the EU has of the region as an external security problem with the view of guaranteeing the Union’s own security and to support the development of its own frontier regions [Browning, 2003; Richard, Sebentsov, Zotova, 2015]. Therefore, we can incur that Lithuania shared the same EU biased image of Kaliningrad. After accession, Vilnius’ actions were also delimited by its political and legal commitments towards the EU and the country’s cooperation with Kaliningrad has been happening mainly through European institutions. For instance, Vilnius had an active role in setting guidelines for transit programs between Kaliningrad and Russia, as well as in preparing its implementation measures [Ivanauskas *et al.*, 2017].

The choice of Lithuanian elites to join the EU and NATO was based on an Atlanticist and Brussels-focused geopolitical vision of the European continent [Sawka, 2015]. Thus, Russia would be outside Europe in Lithuania’s imaginary. Consequently, Lithuania has made a clear choice favouring cooperation with the EU over Russia, making the EU as its main partner in its “geopolitical code”. Kaliningrad occupied a more benign place in the code, as “another Russia”, allowing the *Oblast* to be considered as potential ally for Vilnius’ security interests. However, as we will demonstrate in the next section, recent context has provoked major changes in the role of Kaliningrad in the Lithuanian “geopolitical code” vis-à-vis Russia.

Kaliningrad’s role in “othering” Russia: the prevalence of security concerns

If cooperation was part of Vilnius-Moscow relations since 1991, 2008 and 2014 can be considered as turning points. The biased image of Kaliningrad evolved in the opinion of Lithuanian population and elites, as more of a threat instead of an opportunity to coop-

erate [Piotrowski, 2018]. Maass [Maass, 2020] indicates 2015 as another significant date for this recalibration after the deployment of Russian missiles in the *Oblast*. During the 1990's the apprehension regarding Kaliningrad's militarization was closely related to soft-security issues and the demilitarization of the territory [Lopata, 2004].

According to Lithuanian analysts, the conflict in Eastern Ukraine increased Lithuanian concerns about Russia's intentions and "calls for reconsideration (from the West) of the threats in the region, and, with Russia exerting pressure on the neighbouring states and even raising a military challenge to the security of the entire Baltic Sea Region, it is now critical to see Kaliningrad as Moscow's tool to deter NATO from greater visibility in the region" [Ivanauskas *et al.*, 2017: 148].

NATO became, thus, central in Vilnius's perception of Kaliningrad as – together with the adjacent corridor at Suwalki – it is well positioned to disable the Alliance's air and sea abilities [Frühling, Lasconjarias, 2016]. The *Oblast* is the only place where NATO needs to be able to neutralize Russia's A2/D2 (anti-access and area denial) capabilities if its collective defence guarantee is to remain credible. Therefore, "we (NATO) have to practice, we have to demonstrate that we can support allies in keeping (the Gap) open"¹.

The positions of Lithuanian elites are similar with NATO's stances on Kaliningrad, seeing the region as a threat, and thus as a common enemy, which bolsters in the Lithuanian imaginary the need to hold tight to its Alliance since militarization re-started in the last decade in the region. The 2020 *National Threat Assessment* articulates this understanding and underlines that the Russian increase of military potential and activity in the Western Military District calls for cautiousness regarding these hostile intentions². As compared to the 2002 *National Security Strategy*, above-mentioned, where the *Oblast* was seen as an opportunity for cooperation, the new document portrays Kaliningrad as a latent threat. This shift demonstrates how dynamic the "geopolitical code" of a country is, as Kaliningrad has evolved from a potential ally to a potential enemy.

A main concern for Vilnius is the installation of *Iskander* ballistic missiles in the *Oblast*, a high precision weapons system with a range of over 500 km, capable of carrying nuclear warheads [Oldberg, 2015]. As, in Vilnius views, Moscow had already acted aggressively in the post-Soviet space in Georgia and Ukraine, Russian military exercises of considerable dimensions during the same period near the Suwalki Gap were interpreted as a warning of Moscow's intentions. The missiles and Russia's most extensive military exercises carried out since the end of the Cold War (in Kaliningrad and Belarus) ultimately posed a direct threat to NATO and the EU [Maass, 2020].

¹ Sytas (2017) 'NATO war game defends Baltic weak spot for first time', Reuters, 18 June. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-russia-suwalki-gap-idUSKBN1990L2> (accessed: 07.09.2021)

² Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania and State Security Department of the Republic of Lithuania (2020) *National Threat Assessment 2020*, p.4. URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2020/02/2020-Gresmes-En.pdf> (accessed: 05.05.2021)

From 2015 onwards, additional Russian combat capabilities in the region (and Crimea and the Arctic) such as modern Su-30SM / FLANKER-H multi-role fighter jets¹ have increased the capability of the *Oblast*'s forces to conduct military operations without reinforcements from mainland Russia². Further militarization of Kaliningrad transformed Vilnius's understanding of the *Oblast* from a vulnerable and exposed territory (a semi-enclave sandwiched between NATO and the EU) to a potential threat to the Baltic countries, resulting in a change of “geopolitical code” tailored to the need of containing this (new) potential enemy.

In practice, the change is observable in Vilnius' growing defence spending since 2014. The defence budget has grown from approximately 0,8% to over 2,1% of the country's GDP, above the NATO 2% goal. Moreover, there is a political commitment to increase this figure to 2,5% by 2030³, in contrast with the previous era of disinvestment.⁴ Additionally, after 2014 all the Baltic countries started to erect fences at their borders with Russia. Lithuania justified this decision by alluding to a potential (military) threat posed by Russia⁵. The expansion of training areas in Western Lithuania in Rukla, Kazlų Rūda and Pabradė is also meant to accommodate exercises of Lithuanian and NATO soldiers⁶. NATO and Lithuania's positions have, thus, converged on Russia's continued military build-up in Kaliningrad and the Alliance acknowledges Lithuania's active political and military role in NATO⁷.

The convergence of official positions on Russia's security challenge (militarization of the *Oblast* and the regional instability after the Georgian and Ukrainian crises) is shared by the Lithuanian public opinion. In a 2020 poll, only 14% of the respondents strongly agreed with the following: “Lithuania's interests are best served by maintaining strong relations with Russia”. Among those who strongly agreed that Lithuania should maintain

¹ Heritage, T. (2015) ‘Russia to step up combat capabilities in Crimea’, Reuters, 13 January. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN0KM10320150113> (accessed: 07.03. 2021)

² Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania and State Security Department of the Republic of Lithuania (2020) *National Threat Assessment 2020*, p.24. URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2020/02/2020-Gresmes-En.pdf> (accessed: 05.05. 2021)

³ Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania (2020) *Lithuanian Defence System: Facts and Figures 2020*. URL: https://kam.lt/en/defence_policy_1053/important_documents/lithuanian_defence_system_facts_and_trends.html (accessed: 05.05.2021)

⁴ Trading Economics (no date) *Lithuania Military Expenditure*. URL: <https://tradingeconomics.com/lithuania/military-expenditure> (accessed: 05.05.2021)

⁵ Day, M. (2017) ‘Lithuania to build fence along its border with Russia to protect itself from 'provocations'’, The Telegraph, 17 January. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/17/lithuania-build-fence-along-border-russia-protect-provocations/.2017> (accessed: 07.09.2021)

⁶ Jankauskas, K. (2020) ‘Lithuania to Endorse Building Foreign Military Base – OpEd’, EurasiaReview, 16 September. URL: <https://www.eurasiareview.com/16092020-lithuania-to-endorse-building-foreign-military-base-oped/> (accessed: 10.03.2021)

⁷ NATO News (2021) *NATO Secretary General and the Lithuanian Foreign Minister shared views on NATO's future*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180848.htm (accessed: 08.03.2021)

strong relations with Moscow, 34% thought that “Russia is close and dangerous – we must keep on good terms to protect ourselves”; and only 2% believed that “Russia is our true ally and guarantor of national borders and sovereignty”. On the other hand, 64% of the respondents strongly agreed that the national interests are best served by maintaining strong relations with the EU, and 51% strongly agreed that their country’s interests are best served by maintaining strong relations with NATO¹.

In another poll, 71% of Lithuanians trusted the Lithuanian Armed Forces, confirming the public support that the Minister of Defence, Raimundas Karoblis, wanted to gather². Moreover, 65% of respondents thought that the Russian Federation was using information to influence the people of Lithuania deliberately in order to sway their attitudes. Perceptions of Russian soft power also fed mistrust as it is seen as a threat to national security and has been criticised by local organizations and elites [Vorotnikov, Ivanova, 2019]. Russia reoccupies, thus, a central place in Lithuanian “national myths” and the Atlantic Alliance consequently, as 71% of the country’s population is satisfied that foreign NATO troops are stationed in Lithuania ensuring their security and 51% consider that military exercises in the region are needed to maintain NATO’s readiness to defend their country³. The convergence of thinking among the political elite and the population attests the progressive change of Lithuania “geopolitical code” over the past years that, according to the theoretical model, cannot be enacted unless the majority of the population is acquiescent.

Conclusion

This paper has analysed the Lithuanian “geopolitical code” in order to unpack its perceptive role of the Russian semi-enclave of Kaliningrad in shaping Lithuanian security perceptions and key policy changes. Positing that Russia has been continuously perceived as a threat since the independence of the country in 1991, we have argued that this perception has evolved in nature and intensity in different contexts and that Vilnius’ changing actions towards the *Oblast* are illustrative of this evolution. Cooperation dynamics are a straightforward path to identify a country’s “geopolitical code”. In this case they demonstrated how Lithuania used to consider Kaliningrad differently when compared to Russia, in other words, as a potential ally with whom relationships could be nurtured. Cross-border

¹ Centre for Insights in Survey Research (2020) Public Opinion Poll: Lithuania. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/lithuania_slide_deck_ltu-to_be_published.pdf (accessed: 07.09.2021)

² Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania (2019) *Numbers of citizens who have confidence in the Lithuanian Armed Forces and are prepared to defend the Motherland are increasing*. URL: https://kam.lt/en/news_1098/current_issues/numbers_of_citizens_who_have_confidence_in_the_lithuanian_armed_forces_and_are_prepared_to_defend_the_motherland_are_increasing.html (accessed: 01.05.2021)

³ Centre for Insights in Survey Research (2020) *Public Opinion Poll: Lithuania*. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/lithuania_slide_deck_ltu-to_be_published.pdf (accessed: 07.09.2021)

and cultural cooperation between Lithuania and Kaliningrad has evolved and perdured over the past decades (whether bilateral, multilateral or based on European initiatives).

However, the opportunities to build closer relations with Moscow, generated by a cooperative engagement until the mid-2000's, have faded away for two main reasons. Firstly, the cooperative posture stemming from Vilnius – and later its reinforcement through EU programmes – tended to be based on achieving the country and EU's own stability and development, in a regional perspective, with no strategy to spill over on global relations with Russia. As a consequence, the fact that the *Oblast* was perceived by Lithuania as “another Russia”, in an initial phase, was not prone to trigger a real change in the Lithuanian “geopolitical code”.

Secondly, change in the context that influences Vilnius' understanding of Russian policies in Georgia and, mainly Ukraine, from 2008 onwards brought a focus on military dimensions concerning the *Oblast*. This recontextualization was in line with the same tendency that the Atlantic Alliance displayed. Ultimately, in either the cooperative and defensive phase, membership in the EU and NATO has reinforced Lithuanian perceptions and key decisions (towards militarization in detriment of cooperation) as both organisations shared a common understanding with Vilnius on each dimension, respectively. However, as underlined by Okunev [Okunev, 2013: 74], “geopolitical codes” are dynamic and coalition strategies are “forged to meet a specific objective, hence their ad hoc nature. In these circumstances, a country feels free to choose its allies and rivals of its own accord.” The positive cooperative elements concerning the Kaliningrad case have, thus, still the potential to impact on the Lithuanian “code”.

REFERENCES

- Aalto, P. (2000) Beyond Restoration. The Construction of Post-Soviet Geopolitics in Estonia, *Cooperation and Conflict*, 35(1), pp. 65–88. doi: <https://doi.org/10.1177/00108360021962002>
- Anisiewicz, R., Palmowski, T. (2014) Small border traffic and cross-border tourism between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, 33(2), pp. 79–85. doi: <https://doi.org/10.2478/quageo-2014-0017>
- Berger, S. (2010) The Study of Enclaves – Some Introductory Remarks, *Geopolitics*, 15(2), pp. 312–328. doi: <https://doi.org/10.1080/14650040903486942>
- Booth, K., Wheeler, N. J. (2008) *The Security Dilemma. Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. 1th edn. New York: Palgrave Macmillan.
- Browning, C. S. (2003) The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad, *Alternatives*, 28(5), pp. 545–581.
- Diener, A., Hagen; J. (2011) Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives, *Eurasian Geography and Economics*, 52(4), pp. 567–592. doi: <https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.567>
- Fernandes, S., Correia, D. (2018) Re(bordering) Between the EU and Russia: Threat Perceptions, Stigmatisation and the Baltic States, in Pinto, D.J.A., Freire, M.R. and Chaves, D. (eds.) *Fronteiras Contemporâneas Comparadas: Desenvolvimento, Segurança e Cidadania*, Macapá: Editora da Universidade Federal do Amapá (UNIFAP), pp. 53–85.

- Flint, C. (2017) *Introduction to Geopolitics*. 3rd edn. New York: Routledge.
- Flint, C., Taylor, P. J. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation State and Locality*. 7th edn. New York: Routledge.
- Frühling, S., Lasconjarias, G. (2016) NATO, A2/AD and the Kaliningrad Challenge, *Survival*, 58 (2), pp. 95–116. doi: <https://doi.org/10.1080/00396338.2016.1161906>
- Gareev, T. (2013) The special economic zone in the Kaliningrad region: development tool or institutional trap?, *Baltic Journal of Economics*, 2, pp. 113–130. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=245937> (accessed: 13.12.2021).
- Ivanauskas, V., Vytautas, K. and Kasčiūnas, L. (2017) Kaliningrad Factor in Lithuanian – Russian Relations: Implications to the Security Issues of Lithuania, *Lithuanian Annual Strategic Review*, 15, pp. 119–149. doi: <https://doi.org/10.1515/lasr-2017-0006>
- Jokubaitis, A., Lopata, R. (2010) Geopolitical Transformation of the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Baltic Region*, 2(4), pp. 24–38. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-3>
- Karabeshkin, L. (2015) Lithuania’s lonely leadership 2.0, *Baltic Region*, 24(2), pp. 13–20. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-2-2>
- Khudoley, K. (2019) The ‘cool war’ in the Baltic Sea Region: consequences and future scenarios, *Baltic Region*, 11(3), pp. 4–24. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
- Kolosov, V., Sebentsov, A. (2019) Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse, *Baltic Region*, 11(4), pp. 76–92. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-5>
- Lopata, R. (2004) Geopolitical hostage: the case of Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Lithuanian Annual Strategic Review*, 2(1), pp. 203–220. doi: <https://doi.org/10.47459/lasr.2004.2.8>
- Maass, A.-S. (2020) Kaliningrad: a dual shift in cooperation and conflict, *East European Politics*, 36(4), pp. 515–528. doi: <https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1763313>
- Mereckis, D., Morkvenas, R. (1998) The 1991 Treaty as a Basis for Lithuanian-Russian Relations. *Lithuanian Foreign Policy Review*, 1(1), p. 9. URL: http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-1-Mereckis_Morkvenas.pdf (accessed: 05.03.2021).
- Mikhaylova, A. A. (2019) In pursuit of an innovation development trajectory of the Kaliningrad region, *Baltic Region*, 11 (3), pp. 92–106. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-5>
- Miniotaite, G. (1999) The Security Policy of Lithuania and the “Integration Dilemma”, *COPRI Working Paper*, (5). URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.139.8218&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 07.05.2021).
- Okunev, I. (2013) The new dimensions of Russia’s geopolitical code, *Turkish Policy Quarterly*, 12(1), pp. 67–75. URL: <https://ssrn.com/abstract=2272084> (accessed: 13.12.2021).
- Oldberg, I. (2015) Kaliningrad’s difficult plight between Moscow and Europe, *UI Paper*, (2), pp. 1–15. URL: <https://www.ui.se/globalassets/butiken/ui-paper/2015/kaliningrads-difficult-plight-between-moscow-and-europe---io.pdf> (accessed: 03.03.2021)
- Osiewicz, P. (2012) The Cypriot Exclaves: Ormidhia, Xylotymbou and Dhekelia Power Station, in Janczak, J. and Osiewicz, P. (eds.) *European Exclaves in the Process of De-bordering and Re-bordering*. Berlin: Logos Verlag, pp. 81–89.

Pavlovaite, I. (2003) Paradise Regained: The Conceptualization of Europe in the Lithuanian Debate, in Lehti, M., Smith, D. J. (eds.) *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences*. London: Frank Cass Publishers, pp. 197–216.

Peet, R. (1998) *Modern Geographical Thought*. Oxford: Blackwell Publishers.

Piotrowski, S. (2018) Security Policy of the Baltic States and its Determining Factors, *Security and Defence Quarterly*, 22(5), pp. 46–70. doi: <https://doi.org/10.5604/01.3001.0012.7586>

Rae, N. (2007) *Reinventing Geopolitical Codes in the Post-Cold War World with Special Reference to International Terrorism*. PhD thesis. University of Glasgow. URL: <http://theses.gla.ac.uk/26/1/2007raephd.pdf> (accessed: 05.03.2021).

Richard Y., Sebentsov, A. and Zotova, M. (2015) The Russian exclave of Kaliningrad. Challenges and limits of its integration in the Baltic region, *Cybergeogeo: European Journal of Geography*, 719, pp. 1–22. doi: <https://doi.org/10.4000/cybergeogeo.26945>

Rozhkov-Yuryevsky, Y. (2013) The Concepts of Enclave and Exclave and Their Use in the Political and Geographical Characteristic of the Kaliningrad Region, *Baltic Region*, 2(16), pp. 113–123. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-2-11>

Vasilyeva, N., Kosov, Y. (2017) Modern hanseatic trends in the Baltic Region, *Baltic Region*, 9(2), pp. 104–113. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-8>

Veebel, V. and Sliwa, Z. (2019) Kaliningrad, the Suwalki gap and Russia’s ambitions in the Baltic Region, *Journal of International Studies*, 12(3), pp. 109–121. doi: <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2019/12-3/9>

Vinokurov, E. (2007) *The Theory of Enclaves*. Lanham: Lexington Books. 328 p.

Vinokurov, E. (2020) The enclave-specific vulnerability of Kaliningrad, *Kaliningrad*, pp. 56–74. URL: https://www.researchgate.net/profile/Kari-Liuhto/publication/303792371_Kaliningrad_2020_Its_future_competitiveness_and_role_in_the_Baltic_Sea_economic_region/links/575289a908ae02ac1277bb24/Kaliningrad-2020-Its-future-competitiveness-and-role-in-the-Baltic-Sea-economic-region.pdf#page=58 (accessed: 10.08.2021).

Vitunic, B. (2003) Enclave to exclave: Kaliningrad between Russia and the European Union, *Intermarium*, 6(1), pp. 1–28. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/int/int_0601a.pdf (accessed: 09.05.2021).

Vorotnikov, V.V. and Ivanova, N.A. (2019) Russian soft power in the Baltic States through the lens of research: traditions, competition, confrontation, *Baltic Region*, 11(3), pp. 107–124. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-6>

УДК 323.1

ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ И УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

© 2022 П.В. Осколков*

Кандидат политических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: petroskolkov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.10.2021

После доработки 03.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Критическая интерпретация имеющегося корпуса академических текстов, посвящённых различным феноменам этнической политики, вызывает вопросы: что является критериями этнического? Каковы узловые точки пересечения этничности и политики? Исходя из конструктивистской трактовки этничности как изменчивого концепта, несводимого к культурно-языковому своеобразию, мы предлагаем определение этнической группы как социальной группы, обладающей отличительными культурными чертами (в широком понимании) и представлением о наследственной передаче группового членства. Отталкиваясь от указанного определения, мы предлагаем не ограничивать предметное поле этнополитологии взаимодействием государства с этническими группами, а включить в него популизм (в форме правого популизма, понимаемого как этнопопулизм) и национализм (как продукт этнической мобилизации). Особое внимание уделено регионализму как частному, но весьма немаловажному случаю национализма. Выводы подкреплены примерами из западноевропейской политической практики. Основываясь на предельно инклюзивном конструктивистском определении этничности, можно и нужно понимать предметное поле этнополитологии максимально широко, чтобы укрепить её позиции в кругу общественно-политических дисциплин – в частности, в рамках изучения социально-политических процессов в Европейском союзе.

Ключевые слова: этничность, этнополитика, этнополитология, национализм, популизм, регионализм, европейские политические системы.

DOI: 10.31857/S0201708322010077

Р. Брубейкер писал: «Запутанная и неувядающая дефиниторная казуистика в исследованиях этничности, расы и национализма мало способствовала продвижению обсуждения и может рассматриваться, в сущности, как проявление некумулятивной природы исследований в этой области» [Брубейкер, 2012: 29]. С этим сложно не согласиться: в условиях бесконечных концептуальных споров относительно природы этничности и способов её изучения приращение знания достаточно затруднено. Чтобы в споре родилась истина, необходимо, как минимум, чтобы спорящие имели какие-то общие основания своих позиций. Этничность, как выразился С.В. Чешко, «неизменно ускользает сквозь пальцы, несмотря на любые методологические ухищрения» [Чешко, 1994: 39].

Тем не менее есть и поводы для осторожного оптимизма: ряд общих оснований уже есть, хотя они и не всегда отражаются в академической рефлексии. Во-первых, очевидно, что этничность и этническое существуют, с этим мало кто спорит (хотя далее мы рассмотрим и такую точку зрения). Во-вторых, столь же очевидно, что этничность присутствует в политическом поле: если в начале 1990-х гг. и звучали оптимистичные прогнозы об уходе её из политической повестки [Геллнер, 1995], сейчас вопрос так явно не стоит. И даже в условиях современной Европы и Европейского союза, относительно которых указанный оптимизм был наибольшим (предположительно, наднациональная идентичность вытеснила бы национальную и этническую; к этому тезису мы также вернёмся), успешно функционируют этнорегионалистские и правопопулистские партии, основывающиеся на этнической мобилизации. За пределами этого круга понимания начинаются оправданные дебаты: какие феномены мы можем определять как этнические и каким образом этничность способна влиять на политические процессы?

Дисциплина под названием «Этнополитология», ещё в начале 2000-х гг. относимая некоторыми исследователями к «квазинаукам» [Воронков, 2009: 35], в настоящее время уже, как нам кажется, «в борьбе обрела право своё» и укрепилась в отечественной академической номенклатуре. Между тем предметом её по-прежнему считаются зачастую лишь отдельные аспекты государственного управления этническим многообразием в целях предотвращения конфликтных сценариев развития [Тураев, 2004; Абдулатипов, 2004]. Одновременно узловые точки пересечения этничности и политики находятся в центре внимания современной сравнительной политологии и политической теории. Какие это точки и на чём стоило бы сконцентрировать современный этнополитологический анализ? В данном материале мы постараемся предложить собственные ответы на указанные вопросы, основываясь на критической рефлексии уже существующего корпуса академических текстов и дискуссий.

Конструктивистское понимание этничности

Если для «советской теории этноса» было характерно определение этноса (не этничности) как некой фиксированной социальной группы, обладающей набором устойчивых характеристик [Бромлей, 1983], то примерно в то же время, во второй половине XX в., в западноевропейской и североамериканской антропологии споры

велись о степени устойчивости этнических маркеров. Начиная с конца 1980-х гг. «этничность» приходит и в советскую, а затем и российскую науку – во многом с лёгкой руки академика РАН В.А. Тишкова, исполнившего «Реквием по этносу» [Тишков, 2003] – как по фиксированной группе. Действительно, хрестоматийные споры между условными примордиалистами и условными конструктивистами (Г. Хейл убедительно доказывает неоднородность этих категорий [Hale, 2004]) ведутся прежде всего не о том, является ли этнос устойчивой общностью людей (за исключением маргинальных трактовок); сейчас предмет обсуждения – это пределы гибкости самой категории этнического. «Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле)» [Тишков, 2016: 7].

В 1970-е гг. А. Коэн продемонстрировал, что потенциально категория этничности может применяться практически безгранично к любым коллективам, обладающим общими паттернами нормативного поведения и являющимся частью некоей большей группы населения [Cohen, 1974: ix]. Британский антрополог доказал (в рамках собственной парадигмы), что этнической может быть названа, к примеру, группа брокеров лондонского Сити, которые «социокультурно столь же отличны внутри британского общества, как хауса внутри общества йоруба» [Cohen, 1974: xxi]. Однако столь расширительное толкование этнической группы как любой, связанной определёнными, пусть и гибкими, узлами, хотя и обладает некоторыми эвристическими достоинствами, способно существенно осложнить академические штудии: в отсутствие чёткого категориального аппарата последние практически невозможны. В частности, некоторых наших коллег интеллектуальные упражнения инструменталистов убедили даже в бесперспективности всяких попыток определить этничность: есть точка зрения, согласно которой «"этническая" общность принципиально не может быть описана даже как совокупность лиц, обладающих той или иной "этнической" идентичностью (...). Нет понятия – нет явления» [Филиппов, 2006: 94].

Тем не менее мы не разделяем радикального пессимизма уважаемого автора, процитированного выше. В ответ на изыскания Коэна и ряда других «радикальных» конструктивистов и инструменталистов были сделаны попытки ограничить этническое и ввести его в некие базовые координаты. Для Ф. Барта и В.А. Тишкова этническое – прежде всего культурное, в его сочетании с социальным [Барт, 2006; Тишков, 2003: 115]. Но опять же, не слишком ли это широко? Дж. Ротшильд, К. Чандра и А. Вебер с соавторами пошли чуть дальше (независимо друг от друга) и предложили критерий передачи членства в группе по наследству [Rothschild, 1981: 9; Chandra, 2012: 10; Weber et al., 2016: 3]. Действительно, практически все группы, которые мы считаем этническими, обладают представлением о возможности естественного самовоспроизводства (логически связанным с представлением об общем происхождении, но не сводимым к нему). Понятно, что на деле этническая группа может «прирастать» и путём кооптации; но само представление, «миф о самовоспроизведении» и наследственной передаче членства является на наш взгляд действительно базовой характеристикой этнической группы.

Однако существуют и группы, в которых имеется указанное представление, но этническими их считать вряд ли возможно; в таком случае мы можем добавить ранее рассмотренные культуральные индикаторы. Именно разделяемые на групповом уровне культурные свойства указывают на то, «почему [этническая] категория существенна и легитимна», и обеспечивают членов группы общей «социальной биографией» [Handelman, 1977: 190]. Таким образом, инструментально мы можем определить этническую группу (обладающую общими в конкретный момент времени этническими характеристиками) как *социальную группу, обладающую отличительными широко понимаемыми культурными чертами и представлением о наследственной передаче группового членства*.

В таком случае нам могут возразить: ряд конфессиональных групп тоже ассоциируется с культурной инаковостью и естественным воспроизводством; назовём ли мы и их этническими? Ответ положительный. Многие исследователи интуитивно ассоциируют с этническим только языковые особенности либо особые обычаи, что неверно; религия может стать точно таким же маркером этничности в случае её различительного значения в рассматриваемом обществе. Классический пример – Северная Ирландия, где конфессиональные группы протестантов и католиков уже несколько веков воспринимаются и описываются именно как этнические, при этом фактическое происхождение и владение ирландским гэльским языком своё значение утратили [Jenkins, 2008].

Ещё один пример, указывающий на контекстуальную, индексикальную значимость тех или иных этнических маркеров, это Руанда, где общий язык, религия и культура не затмили сугубо социальных отличительных черт тутси и хуту [Панов, 2020]. И уже на каркасе этих социальных различий пропаганда «Радио тысячи холмов», а до этого колониальной администрации, возвела стройное здание различий генетических (в значении происхождения) и фенотипических. Здание это не разрушил даже кровавый геноцид 1994 г., и его эскизы периодически воспроизводятся даже в работах весьма именитых социологов [см., к примеру: Манн, 2016].

В Европе примером достаточно произвольного этнического строительства могут считаться каготы – группа населения южной Франции, исторически ущемляемая в правах по неясным причинам; выдвигались версии их происхождения от секты катаров либо из плотницкой гильдии. Проще говоря, этническими становятся те маркеры, которые индивид и социум видят и мыслят смысловыми, культурально обусловленными и наследственными, будь это цвет кожи, посещаемая церковь, язык или размер земельного надела. Блестяще это сформулировал отечественный этнограф А.С. Мыльников, написавший, что этничность подразумевает контрастность восприятия; то, что «способно вызвать удивление наблюдателя “со стороны”, оставаясь для наблюдателя “изнутри” чем-то обыденным, привычным, а потому и не всегда фиксируемым» [Мыльников, 1999: 111].

Возвращаясь к одному из первоначальных тезисов: очевидно, что понимаемая указанным образом этническая идентичность не может быть вытеснена идентичностью национальной, наднациональной и *надэтнической* (к примеру, общеевропейской) – хотя бы потому, что в таком случае мы всё равно будем говорить об иден-

тичности именно *этнической*, пусть и располагающейся на другом уровне иерархии этнических идентификаций. Таким образом, общая идентичность европейцев – как обладающих условным «европейским культурным наследием» – это также этническая идентичность (воспринимаемая, скорее, как цивилизационная), и анализировать её следует именно с точки зрения этнополитической динамики. Институты Европейского союза не создают замены существующим этническим идентификациям, а лишь добавляют к ним ещё одну (точнее, реактуализируют её после периода господства национально-государственных идентификаций эпохи Модерна).

Сформулированное выше определение, хотя и несколько сужает поле понимания этничности, всё ещё, казалось бы, требует определённых оговорок. Действительно, европейское дворянство на определённом этапе развития сочетало в себе оба выделенных признака этничности – культурный и наследственный: дворянская культура отличалась от крестьянской, равно как и язык общения, и даже временами генеалогия – прослеживаемая от норманнов или франков [Rothschild, 1981: 35]. То же относится и к некоторым другим сословным и цеховым группам как в Европе, так и за её пределами. Тем не менее, внести ясность в наше понимание этничности таким образом, чтобы данные примеры его не разрушили, не представляется возможным. Если мы экстраполируем современные теории этничности на периоды расцвета цехов и сословий, их действительно можно считать этническими группами, и противоречия здесь автор не видит.

Этничность и политика: точки пересечения

Разобравшись на данном этапе с тем, что мы понимаем под этничностью, перейдём к более насущному вопросу: как этничность взаимодействует с политическим процессом? Этнополитика представляет собой набор определённых мер, применяемых а) государством во взаимодействии с этническими группами, б) этническими группами во взаимодействии друг с другом с целью перераспределения властных полномочий и предотвращения конфликтных ситуаций. Исследование этнополитики в этом контексте подразумевает изучение как моделей этнополитического менеджмента, так и динамики этнополитических взаимодействий, а также особенностей этноконфликтного менеджмента и этнического лидерства. Эти аспекты взаимоотношений этничности и политики достаточно очевидны и, скорее, находятся за пределом поля обсуждения данной статьи. Нас больше интересует то, что многие политические явления этнизируются, то есть приобретают (естественным либо искусственным путём) этническое смысловое наполнение; наблюдается и обратный процесс – политизация этничности. Но как отделить этническое в политике от неэтнического, какие формы политизации этничности наиболее актуальны в наш век и могут представлять собой ключевые отправные точки для этнополитологического анализа?

Предложим следующую гипотезу: в настоящее время политические феномены, в наибольшей степени подверженные этнизации, это популизм, национализм и регионализм (как частный случай последнего). Разберём эти связи более подробно.

Популизм – одно из наиболее обсуждаемых сейчас политических явлений, несколько десятилетий не покидающее света академических прожекторов. Как отмечает К. Мюдде, «крайне правому популизму посвящено [сейчас] больше академических работ, чем всем другим партийным семьям, вместе взятым» [Mudde, 2016: 2]. Ряд исследователей даже говорят об охватившем академию «популистском хайпе» [De Cleen et al., 2019] и стремлении наклеить ярлык популизма на любые политические явления, имеющие негативные коннотации. Одно из базовых определений популизма, которое мы и возьмём за основу в данной статье, – это стратегия политической борьбы [Weyland, 2001: 14], основанная на антиэлитизме и холизме [см. также: Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018]. Иными словами, популизм представляет собой набор политических стратегем, основными из которых является риторика противопоставления народа и элиты, а также представление о народе как о едином целом, обладающем общей волей, которую и выражают политики-популисты.

При этом относительно конвенциональным стало разделение популизма на правый, делающий акцент на правах «коренного населения», и левый, играющий на экономических противоречиях [Priester, 2011]. То, что называют правым популизмом, принято ассоциировать с национализмом – прежде всего, в нативистской форме последнего, в которой народное ядро органически противопоставляется чужакам. Очевидно, что упомянутое «ядро» обладает выраженными культурными свойствами, отличающими его от этих «чужаков», и что членство в нём воспринимается как наследуемое. Следовательно, правый популизм вполне может быть синонимичен популизму этническому – или этнопопулизму. Более того, предположим, что именно термин «этнопопулизм» более релевантен в условиях современных партийно-политических систем, так как сами понятия «правый» и «левый» в программах европейских популистских партий становятся предельно размытыми. Говоря о правом популизме, мы неизбежно вынуждены делать оговорки о том, что его экономическая повестка совершенно не обязательно обладает классическими правыми чертами, а границы правой политической повестки также весьма условны; предлагаемый термин «этнопопулизм» позволяет снять эти противоречия. Если Р. Мадрид понимает этнопопулизм как стремление включить в электорат партии представителей всех этнических групп [Madrid, 2008], то Э. Дженне предпочитает определять его как «дискурс отождествления народа и нации и утверждения, что суверенитет должен быть выражением воли “нации-народа”» [Jenne, 2018: 550]. Мы же понимаем этнопопулизм как субкатегорию политического популизма, задействующую в своей риторике этническую идентификацию. Синтезируя два концепта, сформулируем определение этнопопулизма следующим образом: *стратегия политической борьбы, основанная на антиэлитизме, холизме и мобилизации этнической идентичности как культурной и наследуемой*. Определение, безусловно, небесспорное, но кажущееся нам полезным в данном анализе.

Из сказанного выше следует, что национализм тоже в первую очередь этнически окрашен. Но как тогда быть с хрестоматийным разделением национализма на «этнический» и «гражданский» [см. к примеру: Гринфельд, 2012]? Дихотомия эта небеспроблемна. Э. Смит обращал наше внимание на то, что любой гражданский

национализм (основанный на понимании нации как общности граждан) имеет в себе этнические составляющие: «даже самые “гражданские” и “политические” национализмы при внимательном рассмотрении оказываются также “этническими” и “лингвистическими”» [Смит, 2004: 236–237]. К тому же общность в нации при определённых условиях может рассматриваться также как обусловленная культурно (к примеру, членство во французской или немецкой нации подразумевает лояльность, соответственно, французской либо немецкой культуре, как бы мы её ни трактовали). Более того, членство в нации *a priori* наследуемо: большинство концепций приобретения гражданства по рождению подразумевают, что ребёнок, родившийся от граждан (или даже от одного гражданина), тоже станет гражданином. Поэтому в пределах заданной теоретической рамки практически любой национализм может также считаться этническим [Jenkins, 2008: 151] – хотя бы потому, что идеологи национализма апеллируют к определённым образом фреймированной групповой идентичности.

Рассмотрим ранее сформулированные тезисы на одном из наиболее актуальных примеров правого популизма и национализма в Западной Европе – нидерландской партии «Форум за демократию» (*Forum voor Democratie*). Безусловно, риторика «Форума» строится на антиэлитизме – противопоставлении народа Нидерландов леволиберальной элите, «левой церкви» (*linkse kerk*). «Народ Нидерландов» рассматривается как единое целое, обладающее некой общей волей, *volonté générale*. При этом лидер партии Т. Бодэ апеллирует к «германской цивилизации», «бореальному [северному] миру» (*boreale wereld*), то есть к некой историко-культурной общности, к которой все нидерландцы принадлежат по праву рождения. Те же характеристики отличают и французское «Национальное объединение» (*Rassemblement national*): его лидер, Марин Ле Пен призывает «освободить французский народ от высокомерной элиты», подразумевая гомогенность обеих указанных групп, и настаивает на приоритете «французов» над иммигрантами, которые не разделяют французского культурного наследия и «общей воли» [De Jonge, 2021].

Регионализм может рассматриваться как одна из вариаций национализма, при которой лояльность нации переносится на конкретный регион (сужается до него). Если регион рассматривается сугубо как территориальная единица, не обладающая культурной инаковостью, регионализм не имеет этнического характера. В прочих же ситуациях речь идёт об этнорегионализме, и мы вновь имеем дело с проявлениями этничности в политических процессах. Более того, этнорегионалистские партии, в случае Европы объединённые в Европейский свободный альянс, условно можно рассматривать и как националистические, и как этнопопулистские [Newth, 2021]: в инструментальных целях они дискурсивно мобилизуют этническую идентичность жителей региона. В их идеологическом ядре присутствуют холизм и антиэлитизм (как противопоставление собственной этнической группы, понимаемой интегрально, политически доминирующему в государстве этносу, зачастую в соответствии с теорией «внутреннего колониализма» М. Гехтера [Hechter, 1975]).

В качестве примера этнорегионалистской партии возьмём Шотландскую национальную партию. С момента создания в первой половине XX в. партия эксплуатирует условное противостояние «народа» в Эдинбурге или Абердине «элите» в Лон-

доне или Лидсе. Одновременно ШНП апеллирует к региональным и условно «национальным» чувствам электората, объединённого лояльностью шотландской культуре и идее шотландской независимости. Примечательно, что шотландская этничность в понимании ШНП – открытая, и принять её может любой британский подданный, живущий в Шотландии и демонстрирующий указанные лояльности [Панов, 2021; Охошин, 2020]. Поэтому критерий наследственности в данном кейсе потенциально затухает, хотя и продолжает звучать имплицитно. В известной степени сказанное относится и к валлийской партии *Плайд Камри*. Напротив, *Шинн Фейн*, главный этнорегионалистский актор Северной Ирландии (хотя и выступающий не за полную независимость, а за ирреденту) – менее открыт для ненаследственной инкорпорации в силу большего радикализма своей риторики [Шапке, 2019]. Также и партия «Баскская солидарность» (*Eusko Alkartasuna*), выделившаяся из Баскской националистической партии в 1987 г., говорит в своей программе и электоральных манифестах почти исключительно о баскском народе, который рассматривает как единое целое – независимо от государственных границ, и действует в интересах этой этнической группы сразу в двух государствах – Испании и Франции. Партийные идеологи считают общую этническую идентичность жителей испанской Страны Басков и юга французской Новой Аквитании достаточным основанием для перекройки нынешних государственных границ и создания на этой территории объединённого и независимого баскского государства, невзирая на мнение парижских и мадридских элит.

Заключение: что же изучать этнополитологам?

Таким образом, под базовыми характеристиками этничности мы подразумеваем культурную обусловленность (широко понимаемую) и представление о наследовании группового членства. Исходя из этих характеристик, мы можем выделить ряд проблемных точек современной этнополитологии, лежащих за пределами ставших для неё классическими отношений между государством и (не)организованными этническими группами: популизм (этнопопулизм), национализм (этнонационализм) и регионализм (этнорегионализм). Каждый из этих феноменов имеет этнические коннотации, строится в большой степени на акцентировании культурной инаковости и наследуемых свойств. Поэтому мы предлагаем, во-первых, исходить из достаточно широкого, хотя и ограниченного некими базовыми координатами понимания этничности; во-вторых, рассматривать деятельность популистских, националистических и регионалистских движений и партий в качестве узловых точек пересечения этничности и политики и, тем самым, в качестве основных направлений современного этнополитологического анализа. Таким образом актуальная этнополитическая повестка в исследованиях Европейского союза выходит за рамки миграционной и консосиональной (в случае немногочисленных полиэтничных федераций – Бельгии, Швейцарии, Боснии и Герцеговины) проблематики и охватывает как проблемы формирования общеевропейской идентичности, так и новейшие тенденции в развитии партийно-политических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов Р.Г. (2004) *Этнополитология*. Питер, Санкт-Петербург. 313 с.
- Барт Ф. (2006) Введение, в кн. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Под ред. Ф. Барта. Новое издательство, Москва. С. 9–48.
- Бромлей Ю.В. (1983) *Очерки теории этноса*. Наука, Москва. 418 с.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Изд. дом Высшей школы экономики, Москва. 408 с.
- Воронков В.М. (2009) О политизации общественных наук. *Неприкосновенный запас*. № 1 (64). С. 33–44.
- Геллнер Э. (1995) *Условия свободы*. Ad Marginem, Москва. 224 с.
- Гринфельд Л. (2012) *Национализм: пять путей к современности*. ПЕР СЭ, Москва. 528 с.
- Манн М. (2016) *Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток*. Пятый Рим, Москва. 912 с.
- Мыльников А.С. (1999) *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. Петербургское Востоковедение, Санкт-Петербург. 400 с.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала, *Вестник Пермского университета. Политология*, № 3. С. 19–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-19-33>
- Охошин О.В. (2019) Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне Брексита. *Современная Европа*, № 6. С. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620195767>
- Панов А.А. (2017) Политизация этничности или этнизация политики? Случай Руанды и Бурунди, в кн. *Этническая идентичность в современной Африке*. Под ред. Т.В. Евгеньевой. Институт Африки РАН, Москва. С. 97–123.
- Панов П.В. (2020) Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития. *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 3. С. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34>
- Смит Э. (2004) *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Праксис, Москва. 464 с.
- Тишков В.А. (2003) *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. Наука, Москва. 544 с.
- Тишков В.А. (2016) От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*, № 5. С. 5–22.
- Тураев В.А. (2004). *Этнополитология*. Логос, Москва. 387 с.
- Филиппов В.Р. (2006) «Этноконфессиональные конфликты»: ущербность концепции, в кн. *Дневник Алтайской школы политических исследований. No 22. Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века)*. Под ред. Ю.Г. Чернышова. Изд-во Алтайского ун-та, Барнаул. С. 94–95.
- Чешко С.В. (1994) Человек и этничность. *Этнографическое обозрение*, № 6. С. 35–49.

- Шапке Р. (2019) *Ирландский национализм в XX веке*. Тотенбург, Москва. 180 с.
- Chandra K. (2012) Introduction, in: *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Ed. by K. Chandra. Oxford University Press, Oxford, pp. 1–50.
- Cohen A. (1974) Introduction, in: *Urban Ethnicity*. Ed. by A. Cohen. Tavistock Publ., London, pp. ix–xxiv.
- De Cleen B., Glynos J., Mondon A. (2018) Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. *Organization*, vol. 25, No. 5, pp. 649–661. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508418768053>
- De Jonge L. (2021) Is the (Mass) Party Really Over? The Case of the Dutch Forum for Democracy. *Politics and Governance*, vol. 9, No. 4, pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v9i3.4525>
- Hale H. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*, vol. 37, No. 4, pp. 458–485, DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, No. 1, p. 187–200.
- Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. University of California Press, Berkeley, 361 p.
- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.
- Jenne E.K. (2018) Is Nationalism or Ethnopolitism on the Rise Today? *Ethnopolitics*, vol. 17, No. 5, pp. 546–552. DOI: 10.1080/17449057.2018.1532635
- Madrid R. (2008) The Rise of Ethnopolitism in Latin America, *World Politics*, vol. 60, No. 3, pp. 475–508.
- Mudde C. (2016) *On Extremism and Democracy in Europe*. Routledge, London.
- Newth J. (2021) Populism and Nativism in Contemporary Regionalist and Nationalist Politics: A Minimalist Framework for Ideologically Opposed Parties. *Politics*, vol. 41, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/02F0263395721995016>
- Priester K. (2011) Definitionen und Typologien des Populismus. *Soziale Welt*, vol. 62, No. 2, pp. 185–198.
- Rothschild J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. Columbia University Press, NYC, 290 pp.
- Weber A., Hiers W., Flesken A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. Palgrave Macmillan, NYC, 187 pp.
- Weyland K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*, vol. 34, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/422412>

Ethnicity and Politics: Terminology Debates and Nodal Points

P.V. Oskolkov*

Candidate of Science (Politics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** petroskolkov@yandex.ru

Abstract. Based on his own critical interpretation of the academic texts on different phenomena related to ethnic politics, the author discusses the basic criteria to define what is ethnic, as well as what are the nodal points of ethnicity and politics intersection. Working within the constructivist understanding of ethnicity as of a flexible and changing concept, the author concludes that it may not be confined to the cultural and linguistic distinctiveness. The proposed definition of an ethnic group is as follows: a social group that has distinct and broadly understood cultural features and an idea of hereditary membership. Based on the definition formulated above, the author proposes not to confine the research area of Ethnopolitical Studies to the interactions between a state and ethnic majorities or minorities, but to include populism (first and foremost, right-wing populism that the author deems synonymous to ethnopopulism) and nationalism (understood *a priori* as a product of ethnopolitical mobilization). Particular attention is paid to (ethno)regionalism that is a special, but very important, case of nationalism. The author underpins his conclusions by several examples from the West European politics. The author concludes that, on the basis of extremely inclusive constructivist definition of ethnicity, the research area of Ethnopolitical Studies may and should be understood as broad as possible, so as this discipline might strengthen its position in the ranks of social science subdisciplines, in particular, in the studies of the EU politics.

Key words: ethnicity, ethnic politics, ethnopolitical studies, nationalism, populism, regionalism, European political systems.

DOI: 10.31857/S0201708322010077

REFERENCES

- Abdulatipov R.G. (2004) *Ethnopolitologiya* [Ethnopolitical Studies]. Piter, Saint-Petersburg, 313 p. (in Russian).
- Bart F. (2006) Vvedenie [Introduction], in *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Boundaries. Social Organization of Cultural Differences]. Ed. by F. Bart. Novoe izdatel'stvo, Moscow, pp. 9–48. (in Russian).
- Bromlei Iu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Nauka, Moscow, 418 p. (in Russian).
- Brubeiker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, 408 p. (in Russian).
- Chandra K. (2012) Introduction, in: *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Ed. by K. Chandra. Oxford University Press, Oxford, pp. 1–50.
- Cheshko S.V. (1994) Chelovek i etnichnost' [Human and Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, No. 6, pp. 35–49. (in Russian).
- Cohen A. (1974) Introduction, in: *Urban Ethnicity*. Ed. by A. Cohen. Tavistock Publ., London, pp. ix–xxiv.

De Cleen B., Glynos J., Mondon A. (2018) Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. *Organization*, vol. 25, No. 5, pp. 649–661. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508418768053>

De Jonge L. (2021) Is the (Mass) Party Really Over? The Case of the Dutch Forum for Democracy. *Politics and Governance*, vol. 9, No. 4, pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v9i3.4525>

Filippov V.R. (2006) “Etnokonfessional'nye konflikty”: ushcherbnost' kontseptsii [Ethnoconfessional Conflicts: Waning Concept], in: *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (etnokonfessional'nye konflikty i vyzovy XXI veka)* [Diary of Altai School of Political Research. Contemporary Russia and the World: Alternatives of Development (Ethnoconfessional Conflicts and Challenges of the 21st Century)]. Ed. by Yu. Chernishov. Izd-vo Altaiskogo un-ta, Barnaul, pp. 94–95. (in Russian).

Gellner E. (1995) *Usloviya svobody* [Conditions for Freedom]. Ad Marginem, Moscow, 224 p. (in Russian).

Greenfeld L. (2012) *Natsionalizm: piat' putei k sovremennosti* [Nationalism: Five Roads to Modernity]. PER SE, Moscow, 528 p. (in Russian).

Hale H. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*, vol. 37, No. 4, pp. 458–485, DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>

Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, No. 1, pp. 187–200.

Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. University of California Press, Berkeley, 361 p.

Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.

Jenne E.K. (2018) Is Nationalism or Ethnopolitics on the Rise Today? *Ethnopolitics*, vol. 17, No. 5, pp. 546–552. DOI: 10.1080/17449057.2018.1532635

Madrid R. (2008) The Rise of Ethnopolitics in Latin America, *World Politics*, vol. 60, No. 3, pp. 475–508.

Mann M. (2016) *Temnaya storona demokratii: ob"iasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of the Democracy: Explanation for Ethnic Cleansings]. Piatyi Rim, Moscow, 912 p. (in Russian).

Mudde C. (2016) *On Extremism and Democracy in Europe*. Routledge, London.

Myl'nikov A.S. (1999) *Kartina slavianskogo mira: vzgliad iz Vostochnoi Evropy. Predstavleniia ob etnicheskoi nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka* [A View of Slavic World. Imaginations about Ethnic Nomination and Ethnicity in 16th – early 17th centuries]. Peterburgskoe Vostokovedenie, Saint-Petersburg, 400 p. (in Russian).

Newth J. (2021) Populism and Nativism in Contemporary Regionalist and Nationalist Politics: A Minimalist Framework for Ideologically Opposed Parties. *Politics*, vol. 41, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263395721995016>

Okhoshin O.V. (2019) Shotlandiia mezhdru Velikobritaniei i ES na fone Brekzita [Scotland Between the UK and the EU Against the Background of Brexit]. *Sovremennaya Evropa*, No. 6, pp. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620195767> (in Russian).

Oskolkov P.V., Tevdoi-Bourmouli A.I. (2018) Evropeiskii pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European Right-Wing Populism and Nationalism: Revisiting the Correlation of Features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, No. 3, pp. 19–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-19-33> (in Russian).

Panov A.A. (2017) Politizatsiia etnichnosti ili etnizatsiia politiki? Sluchai Ruandy i Burundi [Politicization of Ethnicity or Ethnicization of Politics? A Case of Rwanda and Burundi], in: *Etnicheskaia identichnost' v sovremennoi Afrike* [Ethnic Identity in Contemporary Africa]. Ed. by T. Evgenieva. Institut Afriki RAN, Moscow, pp. 97–123. (in Russian).

Panov P. (2020) Etnicheskie i regional'nye partii v stranakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy: spetsifika i traektorii razvitiia [Ethnic and Regional Parties in the CEE Countries: Special Features and Trajectories of Development], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 14, No. 3, pp. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34> (in Russian).

Priester K. (2011) Definitionen und Typologien des Populismus. *Soziale Welt*, vol. 62, No. 2, pp. 185–198.

Rothschild J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. Columbia University Press, NYC, 290 p.

Schapke R. (2019) *Irlandskii natsionalizm v XX veke* [Irish Nationalism in the 20th Century]. Totenburg, Moscow, 180 p. (in Russian).

Smith A. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism. Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism]. Praxis, Moscow, 464 p. (in Russian).

Tishkov V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos: Studies in Social and Cultural Anthropology]. Nauka, Moscow, 544 p. (in Russian).

Tishkov V.A. (2016) Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and After] // *Etnograficheskoe obozrenie*, No. 5, pp. 5–22. (in Russian).

Turaev V.A. (2004) *Ethnopolitologiya* [Ethnopolitical Studies]. Logos, Moscow, 387 p. (in Russian).

Voronkov V.M. (2009) O politizatsii obshchestvennykh nauk [On the Politicization of Social Sciences]. *Neprikosnovennyi zapas*, No. 1 (64), pp. 33–44. (in Russian).

Weber A., Hiers W., Flesken A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. Palgrave Macmillan, NYC, 187 p.

Weyland K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*, vol. 34, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/422412>

УДК 32.019.51

«МЯГКАЯ СИЛА» В УСЛОВИЯХ СЕПАРАТИСТСКОГО КОНФЛИКТА: ПРИМЕРЫ КАТАЛОНИИ И ШОТЛАНДИИ

© 2022 **Е.А. Тюрин***

Кандидат политических наук

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.
302028, Россия, Орел, Бульвар Победы, 5А.*

***E-mail:** *Turin.of.Foveran@yandex.ru*

© 2022 **Е.Н. Савинова***

Кандидат политических наук

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.
302028, Россия, Орел, Бульвар Победы, 5А.*

***E-mail:** *SavinovaE.N@yandex.ru*

© 2022 **О.В. Переверзева***

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.
302028, Россия, Орел, Бульвар Победы, 5А.*

***E-mail:** *zzz-0@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.06.2021

После доработки 25.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В статье на примерах Каталонии и Шотландии проанализировано применение «мягкой силы» в условиях сепаратистского конфликта. Цель исследования – сравнить особенности использования «мягкой силы» сторонниками независимости и государственно-территориального единства в обозначенных регионах. Теоретической основой исследования стали труды отечественных и зарубежных авторов. Методологическую основу составили социокультурный подход (при рассмотрении социокультурных детерминант воздействия на политическую сферу общества); институциональный и социологический подходы (при исследовании акторов общественно-политического процесса); метод совмещения социологической и институциональной парадигм, а также общелогический, констатационно-фактологический и сравнительный методы политической науки. Авторы выдвигают идею, что в условиях конфликта сторонники независимости активнее применяют «мягкую силу» для укрепления идентичности народа, который стремится к

национальному и территориальному суверенитету. Сделан вывод, что особенности «мягкой силы» борцов за независимость в Каталонии и Шотландии обусловлены спецификой национальной идентичности каталонцев и шотландцев. Материалы исследования могут быть использованы для дополнения теории «мягкой силы» и для поисков путей разрешения сепаратистских конфликтов.

Ключевые слова: социокультурные основания политического процесса, «мягкая сила», сепаратистский конфликт, Каталония, Шотландия, национальная идентичность.

DOI: 10.31857/S0201708322010089

Более 30 лет прошло с момента введения Джозефом Наем в научный оборот категории «мягкой силы», которую он трактовал как «способность получать желаемое путем привлечения, а не принуждения или подкупа» [Nye, 2004: x]. За это время количество работ, которые развили понятие и концепцию «мягкой силы», продолжает неуклонно расти, а соответствующая проблематика стала неотъемлемой частью политической теории и практики. Среди альтернативных трактовок «мягкой силы» особого внимания заслуживает междисциплинарное исследование М. Кроэнига, М. Макадам и С. Вебера, которые определяют «усилия государства по применению «мягкой силы» как координированную правительственную попытку убедить других акторов сделать то, что они иначе бы не сделали, используя инструменты, не влияющие напрямую на структуру материальных стимулов» этих акторов [Kroenig et al., 2010: 413]. Интересным представляется также видение О. Русаковой и В. Русакова, рассматривающих «мягкую силу» «как стратегический и технологический инструментарий политического управления ресурсами (национальными, региональными, местными), обладающими (или способными обладать) аттрактивной силой» [Русакова, Русаков, 2017: 64]. Что касается научного осмысления компонентов «мягкой силы», отдельно следует упомянуть классификацию, предложенную Дж. Галларотти. Этот исследователь разделяет источники «мягкой силы» на международные и внутригосударственные, последние из которых имеют отношение к силе, заложенной в культуре, а также в политических институтах [Gallarotti, 2011]. О путях наращивания государством «мягкой силы» рассуждают И. Радиков и Я. Лексютина. Они выделяют два пути: «искусственный» и «естественный». При выборе первого активно используются методы информационного и рекламного характера для улучшения образа государства, в то время как второй путь предусматривает стремление к реальным достижениям, а не их рекламирование [Радиков, Лексютина, 2012].

Неизменным в научном дискурсе остается то, что в большинстве случаев эта сила рассматривается в контексте международных отношений и межгосударственного взаимодействия. Тем интереснее применение концепции «мягкой силы» для анализа внутригосударственных конфликтов, в частности, при изучении тех из них, которые имеют сепаратистскую окраску. Иными словами, нам представляется весьма целесообразным рассмотреть, как используют фактор «мягкой силы» борцы

за независимость (с одной стороны) и сторонники государственно-территориальной целостности и общенационального единства (с другой).

«Мягкую силу» в условиях сепаратистского конфликта имеет смысл рассматривать на трех условно выделенных уровнях: региональном, национальном и международном. Целевыми аудиториями применения силы на этих уровнях, на наш взгляд, соответственно будут: 1) население территории, стремящейся к отделению; 2) население государства в целом; 3) международная общественность.

В настоящей статье мы проанализирован региональный уровень конфликта, являющийся ключевым, поскольку именно на нем формируется социальная база, необходимая для продвижения конфликтной повестки.

Для исследования были выбраны Каталония и Шотландия, которые являются характерными примерами сепаратистского конфликта в государстве, в состав которого входят субнациональные регионы. Данные примеры интересны еще и потому, что они значительно отличаются в культурном аспекте и вопросах идентичности, что позволяет рассмотреть «мягкую силу» в сепаратистских конфликтах разных исторических, географических и политических регионов.

«Мягкая сила» в конфликте между Испанией и Каталонией

Предваряя рассмотрение конкретных примеров использования «мягкой силы» в условиях сепаратистского конфликта, отметим, что на региональном уровне её наиболее интенсивно развивает сторона, стремящаяся к отделению. В этом случае задача «мягкой силы» – ненавязчиво, косвенным образом убедить большее количество людей поддержать идею независимости (в отличие от методов использования «жесткой силы»). Для достижения этой цели основные усилия направляются, как правило, на укрепление той идентичности, которая имеет ярко выраженные региональные особенности, составляет социокультурную основу политической повестки сепаратистов и вступает в конфликт с идентичностями населения остальной части государства.

В случае Каталонии основной упор ввиду специфики национальной идентичности сделан на продвижение среди населения каталанского языка и каталонской культуры (при этом наибольшее внимание уделяется именно распространению языка как основной составляющей национальной идентичности [Коваль, 2016: 71]).

С 1980-х гг. Женералитет Каталонии активно продвигал каталанский как язык ежедневного общения, который также начал преобладать в государственных школах, а испанский, в свою очередь, – терять свои позиции [Хенкин, 2015: 125]. С помощью таких образовательных программ, как *La Norma*, *Depèn de vostè*, *Tu ets mestre*, *En català, tu hi guanyes*, *Dóna corda al català* и *Encomana el català*, региональная власть транслировала идею о том, что каталанский язык – это историческое и культурное наследие, сохранение которого зависит от каждого носителя [Voix et al., 2011]. Помимо проведения тематических кампаний и программ, власти автономного сообщества продвигают каталанский язык путем спонсирования соответствующих мероприятий, а также создания и финансирования специальных ведомств и организаций, занимающихся языковой политикой. Среди таких организа-

ций можно выделить Ассоциацию для лингвистической нормализации (*Consortori per a la Normalització Lingüística*).

Вклад в укрепление позиций каталанского языка, а значит, и в наращивание «мягкой силы» сторонников независимости Каталонии, вносят и неправительственные субъекты. Здесь можно отметить деятельность организации «Платформа в защиту языка» (*Plataforma per la Llengua*).

Усилия как правительственных, так и частных субъектов возымели эффект: в 1981 г. только 79,83% каталонцев понимали каталанский, в 1986 г. лишь 31,5% могли писать на этом языке¹, в 2018 г. уже 94,4% населения старше 15 лет понимали каталанский и 65,3% могли писать на нем². О связи языка и сепаратистских настроений можно судить по результатам социологических опросов. Так, согласно одному из них, 85,9% респондентов, у которых родным языком является испанский, предпочитают видеть Каталонию в составе Испании, в то время как такого же мнения придерживаются лишь 27,4% опрошенных, чьим родным языком является каталанский [El conflicto independentista, 2019: 33].

Деятельность по распространению каталанского языка во многом направлена на активизацию гражданского общества и формирование патриотического отношения к языку и Каталонии вообще. Эффективное продвижение каталанского языка способствовало формированию исключительно каталонской идентичности. По опросу, проведенному осенью 2020 г., 39,7% жителей региона считают себя одновременно и испанцами, и каталонцами, 23,7% – больше каталонцами, чем испанцами, 23,4% – исключительно каталонцами и лишь 4,7% ощущают себя только испанцами³. В 2004 г. только каталонцами себя считали лишь 15% респондентов⁴.

Укреплению каталонской идентичности (отличной от испанской) и, соответственно, распространению сепаратистских идей среди населения Каталонии способствует также и поднятие престижа каталонской культуры в целом. Одним из инструментов «мягкой силы» здесь является вручение наград и премий. Самый престижный знак отличия Каталонии – Золотая медаль Женералитета Каталонии, которую вручают ежегодно за вклад в развитие или распространение культурного наследия региона. Интересно, что, без учета организаций, 14 из 18 человек, получивших эту награду в 2010–2020 гг., в разное время публично поддержали каталонскую независимость или по крайней мере говорили о праве каталонцев самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу.

¹ Població de 2 anys i més segons coneixement del català. Instituto de Estadística de Catalunya. URL: <https://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446&t=198100&lang=es> (дата обращения: 02.06.2021)

² Conocimiento de lenguas: catalán, castellano, inglés y francés. Instituto de Estadística de Catalunya. URL: <https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10367&lang=es> (дата обращения: 02.06.2021)

³ Enquesta sociopolítica. 2020. Dossier de premsa. Centre d'Estudis d'Opinió. P. 45. URL: <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7768/Dossier%20de%20premsa%20-979.pdf> (дата обращения: 29.05.2021)

⁴ Baròmetre d'opinió. Centre d'Estudis d'Opinió. 2004. P. 45. URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/287/Informe%20de%20resultats_a-287.pdf (дата обращения: 29.05.2021)

Как и в случае с распространением языка, в продвижении культуры в целом немалую роль играют негосударственные акторы. На этом поприще заметна деятельность некоммерческой организации *Òmnium Cultural*.

В конфликте с центральной властью «мягкая сила» реализуется еще и через спорт, в частности, благодаря футбольному клубу «Барселона». Основанная в 1899 г. «Барселона» – не просто символ Каталонии. Со временем она стала одной из важнейших частей каталонской культуры и оказала влияние на формирование каталонской идентичности. Всю свою историю клуб участвовал в политической жизни региона и неоднократно поддерживал региональную власть в ее противостоянии с центром. Клуб и его фанаты сыграли существенную роль в увеличении числа сочувствующих сепаратистам как в Каталонии и Испании в целом, так и за рубежом [Juventeny Verdún, 2017]. Несмотря на отсутствие заявлений о прямой поддержке каталонской независимости, позиция «Барселоны» по этому вопросу довольно ясна¹.

Значимым инструментом «мягкой силы» Каталонии в конфликте с Мадридом является система образования, которая, безусловно, играет одну из ключевых ролей в становлении каталонской идентичности. Здесь влияние оказывает как языковая среда (согласно Закону «Об образовании» 2009 г., обычно именно каталанский должен быть языком общения и обучения²), так и используемые при обучении материалы и тематические внеклассные мероприятия. Властей автономного сообщества неоднократно обвиняли даже в идеологической обработке учащихся³.

Женералитет Каталонии стимулирует рост числа сторонников каталонской независимости также с помощью средств массовой информации. Через государственные, а также спонсируемые ею частные СМИ региональная власть продвигает язык и культуру Каталонии, а также воздействует на общественное мнение.

Заметим, что центральная власть имеет гораздо больше рычагов давления, чем региональная, и для борьбы с сепаратизмом чаще использует «жесткие» методы. Тем не менее к «мягкой силе» сторонники государственного единства все же обращаются, в том числе, хотя и в меньшей степени, и на региональном уровне. Здесь правильнее будет говорить о факторах, усиливающих роль «мягкой силы» Мадрида без активного участия с его стороны. В первую очередь, речь идет о масштабном присутствии в Каталонии испанского языка и культуры, препятствующих укорене-

¹ См., например, Comunicado del FC Barcelona. URL: <https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/742650/comunicado-del-fc-barcelona> (дата обращения: 25.05.2021)

² Ley 12/2009, de 10 de julio, de Educación. Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2009-13038&p=20200430&tn=1> (дата обращения: 02.06.2021)

³ См., например, Instrumentalización nacionalista del sistema educativo en Cataluña: el caso del 1 de octubre. Asamblea por una Escuela Bilingüe, Societat Civil Catalana. 2018. URL: <https://www.aebcatalunya.org/images/informe-ensenanza.pdf> (дата обращения: 01.06.2021)

нию каталонской идентичности. Так, несмотря на все усилия каталонских властей, 48,6% населения используют испанский язык, каталанский – 36,1%¹.

Еще одним фактором «мягкой силы» субъектов, выступающих за единство испанского государства, является миграция, причем, как внешняя, так и внутренняя. По состоянию на 1 января 2019 г. только 64,27% каталонцев родились именно в Каталонии², а поддерживать независимость региона гораздо вероятнее будут этнические каталонцы, а не приезжие. Не удивительно, что отношение к вопросу отделения Каталонии от Испании зависит, в том числе, от семейных корней респондентов³.

Итак, на региональном уровне конфликта между Барселоной и Мадридом «мягкая сила» субъектов, выступающих за каталонскую независимость, базируется на каталанском языке и культуре, спорте, образовательной системе и СМИ. При этом немалую роль в продвижении сепаратистских настроений играют неправительственные организации. «Мягкая сила» сторонников общенационального единства транслируется через испанский язык и культуру, а также благодаря демографическим особенностям Каталонии.

«Мягкая сила» в конфликте Британии и Шотландии

«Мягкая сила» задействована и в конфликте Эдинбурга и Лондона. Как уже было сказано, на региональном уровне ключевую роль играет национальная идентичность, поэтому стоит отметить особенности шотландской идентичности. Она базируется, прежде всего, на гражданских и политических ценностях, а не на культуре.

Одним из атрибутов шотландской идентичности является т. н. шотландский миф. Под ним понимают укоренившуюся веру в то, что шотландское общество по своей сути эгалитарно, в нем все признаются равными, и всем предоставлены равные возможности вне зависимости от происхождения, достатка и пр. Согласно известному исследователю мифа равенства Дэвиду Маккроуну, шотландский миф – «набор социальных, самоочевидных ценностей, социальный этос, прославление священных убеждений о том, что значит быть шотландцем» [McCrone, 2001: 102].

Шотландская национальная партия (ШНП), которая является правящей партией в регионе с 2007 г. и ведущей силой, выступающей за создание независимого государства, в своих выступлениях, предвыборных манифестах и прочих документах постоянно использует положения, отражающие содержание шотландского мифа. ШНП заявляет о желании построить более справедливое общество. Поскольку Вестминстер мешает это сделать, шотландские националисты настаивают на выходе из Соединенного Королевства. Например, в документе «Будущее Шотландии:

¹ Usos lingüísticos de la población. Lengua inicial, de identificación y habitual. Instituto de Estadística de Cataluña. URL: <https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10364&lang=es> (дата обращения: 02.06.2021)

² Población empadronada. Por lugar de nacimiento. Comarcas y Aran, ámbitos y provincias. Instituto de Estadística de Cataluña. URL: <https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=257&lang=es> (дата обращения: 02.06.2021)

³ Así se relacionan en Cataluña la renta, el voto, el origen y la independencia. El País. 20.02.2021. URL: https://elpais.com/politica/2021/02/19/actualidad/1613741557_146092.html (дата обращения: 02.06.2021)

Ваш путь к независимой Шотландии», подготовленном региональным правительством еще в 2013 г., в качестве проекта будущего социального государства на случай победы сторонников независимости на референдуме 2014 г. упоминалась «твердая приверженность Шотландии равенству» [Scotland's Future..., 2013: 608], а само слово «равенство» употребляется 69(!) раз.

Безусловно, применение «мягкой силы» региональными властями не ограничивается лишь простыми риторическими отсылками к эгалитаристскому мифу. Шотландское правительство проводит внутреннюю политику в русле соответствующих ценностей, акцентируя на этом внимание общественности. Так, в 2016 г. был опубликован масштабный план действий до 2030 г. по преодолению различных проявлений социального неравенства и в целом по построению более справедливого государства – *Fairer Scotland Action Plan*. Характерным примером в этом контексте является правительственное решение об отмене для шотландцев платы за обучение в университетах, что восстановило знаковую для Шотландии традицию бесплатного образования (в отличие от Англии). Надо отметить, что шотландский эгалитаризм и шотландская образовательная система не просто взаимосвязаны, они взаимообусловлены.

В условиях же сепаратистского конфликта образование становится ресурсом и, одновременно, инструментом «мягкой силы», поскольку с его помощью продвигаются ценности, укрепляющие шотландскую идентичность. Не случайно, ШНП делает сильный акцент на образовательной политике, реализуя в этой сфере эгалитарный принцип сокращения существующего разрыва в успеваемости между учениками из неблагополучных районов и их социально процветающими сверстниками. Кроме того, с приходом к власти ШНП в образовательных программах различных учебных заведений стали больше внимания уделять истории и культуре Шотландии. Безусловно, провести четкую границу между формальными управленческими решениями и действиями, направленными непосредственно на продвижение сепаратистских идей, не представляется возможным. Тем не менее особое внимание к образовательной сфере со стороны Эдинбурга, а также систематические тезисы о равенстве возможностей в сфере образования позволяют думать, что местная администрация в условиях сепаратистского конфликта осознает потенциал образования как ресурса «мягкой силы».

Одним из важнейших субъектов «мягкой силы» среди сторонников независимости Шотландии является сильная политическая и управленческая национальная шотландская элита. Вызывающая доверие политика шотландских властей способствует увеличению числа сторонников независимости, поскольку шотландцы верят, что их политическая и управленческая элита сможет руководить будущим независимым государством. Более того, шотландские политические институты и государственные управленческие структуры можно рассматривать как неотъемлемую часть истории Шотландии, поэтому объединение народа вокруг этих институтов ведет, соответственно, к укреплению шотландской идентичности.

О высоком уровне доверия местного населения своему национальному правительству и, напротив, слабом доверии к властям в Лондоне говорят результаты ежегодного опроса общественного мнения *Scottish Social Attitudes Survey*. С 1999 г. доля шотландцев, которые верят, что региональное правительство работает в его интере-

сах, всегда превышала 50%, в 2019 г. этот показатель составил 61%. При этом численность шотландцев, доверяющих правительству Британии, никогда не превышала 35%. В 2019 г. лишь 15% шотландского населения верило в то, что центральное британское правительство работает в его интересах [Scottish Social Attitudes, 2020].

Эффективность «мягкой силы», которую используют выступающие за выход Шотландии из состава Соединённого Королевства, обеспечивают два основных фактора: политическая стабильность и сильные политические лидеры. Что касается первого из названных факторов, то здесь основополагающим источником политической стабильности для Шотландии выступает ШНП. Говоря же о сильных национальных политических лидерах, следует отметить, что ранее такой фигурой был бывший первый министр Шотландии Алекс Салмонд, теперь таковой является действующий первый министр и лидер ШНП Никола Стерджен.

В силу обозначенных особенностей политического процесса в Шотландии и идентичности шотландцев [Тюрин, 2017], а также специфики шотландского национализма [Меркулов и др., 2017] культурная политика в этой стране, в отличие от Каталонии, не является главным инструментом Эдинбурга. Тем не менее шотландские власти все же понимают значимость национальной культуры как ресурса «мягкой силы». В большинстве случаев речь идет о финансировании организаций, распространяющих шотландскую традиционную культуру. Например, значительную государственную поддержку получает организация *Fèisean nan Gàidheal*, которая возглавляет сеть отдельных *Fèisean*, популяризирующих гэльскую культуру (в том числе гэльский язык).

Известны случаи, когда бюджетные средства получали организации и отдельные представители сферы искусства, которые непосредственно поддерживают идею шотландской независимости. В этой связи широкий общественный резонанс получило размещение¹ материалов в поддержку независимости на сайте организации *Scots Language Centre*, продвигающей еще один коренной язык Шотландии – скотс.

Региональная администрация признает роль коренных языков в вопросе укрепления шотландской идентичности и, в целом, в развитии национальной культуры Шотландии, принимая меры для их сохранения. При этом, безусловно, речь не идет о конкуренции английскому языку.

Особое внимание уделяется гэльскому языку, ведь именно язык горцев всегда ассоциировался с чем-то исконно шотландским, а в исследовательских кругах нередко идентичность Хайленда и вовсе приравнивается к шотландской идентичности [Merkulov, 2017]. Важным шагом шотландского правительства в части популяризации гэльского является поддержка учреждений образования, а также СМИ, вещаю-

¹ Charity under fire amid claims it promotes Scots independence. Third Force News. 5.10.2015. URL: <https://tfn.scot/news/charity-under-fire-amid-claims-it-promotes-scots-independence> (дата обращения: 01.06.2021)

щих на нем. Подчеркнем, что прямой зависимости между владением шотландским гэльским [Paterson, 2014] или скотс¹ и поддержкой независимости нет.

Итак, разноплановое воздействие «мягкой силы» на население Шотландии укрепляет шотландскую идентичность, способствуя распространению сепаратистских настроений. В 2014 г. за день до референдума о независимости 81% считающих себя исключительно шотландцами и 58% чувствующих себя больше шотландцами, чем британцами, планировали проголосовать в поддержку независимости Шотландии². Заметим, что в 2020 г. только шотландцами себя ощущали 29% опрошенных, больше шотландцами, чем британцами, – 26%, в равной степени шотландцами и британцами – 26%, больше британцами, чем шотландцами, – 4% и только британцами – 5%³.

На региональном уровне центральная британская власть и субъекты, ее поддерживающие, чаще прибегают к методам политического давления и запугивания, показательным примером является тот факт, что официальную кампанию в поддержку единства Британии на референдуме 2014 г. СМИ назвали «проектом Страх» (*Project Fear*).

Важным компонентом «мягкой силы» до относительно недавнего времени являлась проводимая Лондоном политика диалога с органами управления Шотландии. Эдинбургское соглашение, ознаменовавшее согласие Лондона на проведение референдума, и сдержанное обещание дальнейшей деволюции также можно отнести к проявлению «мягкой силы» Британии. Премьер-министр Б. Джонсон склонен считать шотландскую деволюцию «катастрофой» и «самой большой ошибкой» Т. Блэра⁴. Однако консервативное правительство вынуждено учитывать популярность сепаратистских идей в Шотландии. Это толкает юнионистов в правительстве на путь отвлекающих маневров, призванных не допустить дезинтеграции Соединенного Королевства. В итоге источником «мягкой силы» сторонников британского государственного единства являются связующие социокультурные аспекты, общие для историко-культурного наследия Шотландии и Англии (тем более Шотландии и Британии). Эта связь была одной из причин (хотя и далеко не самой веской) голосования против шотландской независимости на референдуме 2014 г.⁵ В условиях активизации (на фоне брекзита) в Эдинбурге шотландских националистов, Лон-

¹ Does speaking Scots make you more likely to support independence? The Herald. 7.06.2015. URL: <https://www.heraldsotland.com/news/13411864.does-speaking-scots-make-you-more-likely-to-support-independence/> (дата обращения: 03.06.2021)

² Independence Referendum. Ipsos MORI. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20140924042744/http://www.ipsos-mori.com/Assets/Docs/Polls/scotland-referendum-18-september-tables.pdf> (дата обращения: 20.05.2021)

³ 'Moreno' national identity. ScotCen. URL: <https://whatscotlandthinks.org/questions/moreno-national-identity-5/> (дата обращения: 01.06.2021)

⁴ Boris Johnson 'called Scottish devolution disaster'. BBC News. 17.11.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-54965585> (дата обращения: 02.06.2021)

⁵ Scottish Referendum Poll. Lord Ashcroft. URL: <https://lordashcrofthpolls.com/wp-content/uploads/2014/11/LORD-ASHCROFT-POLLS-Post-referendum-poll-tables-Sept-2014.pdf>. С. 21-22 (дата обращения: 05.06.2021)

дон инициировал «Проект Любовь» (*Project Love*), создал «Общий Фонд Процветания» (*Shared Prosperity Fund*), начал продвигать «сделки роста» (*growth deals*) и т.п. [Британия после брекзита, 2021: 124-125]. Все эти шаги можно считать примерами использования юнионистами «мягкой силы» в условиях сепаратистского конфликта.

Среди факторов, позволяющих Лондону использовать «мягкую силу» против Эдинбурга, можно выделить экономический, поскольку 60%¹ экспорта всего, что производится в Шотландии, приходится на другие части Британии. Независимость может негативно отразиться на торговых отношениях. Впрочем, международный экспорт Шотландии постепенно растет.

Таким образом, основой «мягкой силы» сторонников независимости Шотландии являются постоянные отсылки к шотландскому мифу, внутренняя политика шотландских органов управления, проводимая в соответствии с содержанием данного мифа, система образования Шотландии, а также сильная управленческая элита и национальная культура. «Мягкая сила» сторонников британского единства в настоящее время базируется в основном на социокультурных и экономических составляющих, объединяющих Шотландию и Британию.

* * *

Итак, помимо ожидаемой «жесткой силы», в конфликтах, связанных с сепаратистскими движениями, активно применяется и «мягкая сила». Ее в большей степени используют сторонники независимости, в том числе потому, что обладают меньшим количеством рычагов давления, чем центральная власть государства. На региональном уровне ключевую роль играет национальная идентичность населения, стремящегося к отделению. На ее укрепление по большей части и направлена «мягкая сила» сторонников независимости. Ввиду специфики национальных идентичностей «мягкая сила», особенно субъектов, выступающих за независимость, в каждом конкретном конфликте будет иметь свои особенности.

В случае Каталонии акцент в «мягкой силе» со стороны сепаратистов сделан на каталонский язык и культуру, а в случае Шотландии – еще и на особенности деволюции. В обоих случаях велика роль образовательной системы.

Сторонники государственного единства в Испании чаще прибегают в отношении сепаратистов к административно-правовому и силовому воздействию; юнионисты же Великобритании предпочитают тактику политического маневрирования, «убаюкивания» и социально-экономического запугивания. В данном контексте Лондон активнее Мадрида использует ресурс «мягкой силой» в условиях сепаратистского конфликта. В Каталонии и в Шотландии «мягкая сила» как ресурс политического противостояния основана на социокультурных особенностях.

¹ Export Statistics Scotland: 2018. Scottish Government. URL: <https://www.gov.scot/publications/export-stats-scotland-2018/> (дата обращения: 05.06.2021)

Таким образом, концепция «мягкой силы» представляется весьма удобным теоретическим инструментом для более глубокого научного анализа порой неочевидного и скрытого противостояния участников конфликтов сепаратистского характера на примере Каталонии и Шотландии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Британия после брекзита (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. ИЕ РАН, Москва. 184 с. DOI: DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386.

Коваль Т.Б. (2016) Современная Испания: в лабиринте идентичностей. Культурная сложность современных *наций*. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Политическая энциклопедия, Москва. С. 57–77.

Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. (2017) Эволюция Шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма. *Власть*. № 6. С. 153–159.

Радиков И.В., Лексютина Я.В. (2012) «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы. *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 19–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-2-19-26.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. (2017) «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*. № 1. С. 61–72. DOI: <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.6172>.

Тюрин Е.А. (2017) Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии. *Власть*. № 8. С. 178–182.

Хенкин С.М. (2015) Каталонский конфликт вчера и сегодня. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 117–138.

Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. (2011) Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language. In Strubell M., Boix-Fuster E. (eds) *Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan*. Palgrave Studies in Minority Languages and Communities. Palgrave Macmillan, London, pp. 150–181. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230302426_6

El conflicto independentista en Cataluña (2019) Real Instituto Elcano. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f/Cataluna-Dossier-Elcano-October-2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f> (accessed: 01.06.2021)

Gallarotti G.M. (2011) Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use. *Journal of Political Power*. Vol. 4, № 1, pp. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>

Juventeny Berdún S. (2017) Much ‘more than a club’: Football Club Barcelona’s contribution to the rise of a national consciousness in Catalonia (2003–2014). *Soccer and Society*. No 1, pp. 103–122. DOI:10.1080/14660970.2016.1267624

Kroenig M., McAdam M., Weber S. (2010) Taking Soft Power Seriously. *Comparative Strategy*. Vol. 29, No 5, pp. 412–431. DOI:10.1080/01495933.2010.520986

McCrone D. (2001) Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. Second edition. Routledge, London. 216 p.

Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017) Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765–775. DOI:10.13187/bg.2017.3.765

Nye J.S. (2004) *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. Public Affairs, New York. 191 p.

Paterson L. (2014) Attitudes to Gaelic and to Scottish Autonomy. Centre on Constitutional Change. URL: <https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/attitudes-gaelic-and-scottish-autonomy> (accessed: 05.06.2021)

Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland (2013) Scottish Government. URL: <https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/strategy-plan/2013/11/scotlands-future/documents/scotlands-future-guide-independent-scotland/scotlands-future-guide-independent-scotland/govscot%3Adocument/00439021.pdf> (accessed: 05.06.2021)

Scottish Social Attitudes 2019: Attitudes to government and political engagement (2020) Scottish Government. URL: <https://www.gov.scot/publications/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/> (accessed: 05.06.2021)

“Soft Power” in a Separatist Conflict: The Cases of Catalonia and Scotland

E.A. Turin*

Candidate of Science (Politics)

Central Russian Institute of Management – a branch of RANEPA.

5a, Pobedy Blv., Oryol, Russia, 302028.

***E-mail:** *Turin.of.Foveran@yandex.ru*

E.N. Savinova*

Candidate of Science (Politics)

Central Russian Institute of Management – a branch of RANEPA.

5a, Pobedy Blv., Oryol, Russia, 302028.

***E-mail:** *SavinovaE.N@yandex.ru*

O.V. Pereverzeva*

Central Russian Institute of Management – a branch of RANEPA.

5a, Pobedy Blv., Oryol, Russia, 302028.

***E-mail:** *zzz-0@mail.ru*

Abstract. The article explores soft power role in separatist conflicts in Catalonia and Scotland. The objective of the study is to analyze the features of the use of soft power by pro-independence forces and by the supporters of state unity and territorial integrity in selected regions. The theoretical background of the study includes issue-related works of Russian and foreign researchers. The methodological basis of the study consists of different research approaches and methods, among them: the sociocultural approach (when the sociocultural determinants of the impact on

the political sphere of society are considered), the institutional and sociological approaches (in the study of actors of the socio-political process), the method of combining sociological and institutional paradigms, as well as the general logical, factual and comparative methods of political science. The authors hold that independence supporters build up soft power more actively than their opponents. A key purpose of its application by separatists is to strengthen the national identity of the people seeking to acquire national and territorial sovereignty. The article shows that the pattern of the soft power tools in Catalonia and Scotland arise from the specifics of the national identity of the Catalans and the Scots respectively. The authors identified objectively established strong sociocultural preconditions for the use of soft power by Catalan and Scottish separatists. The research findings contribute to the theory of soft power and to search for ways to address separatist conflicts.

Key words: sociocultural foundations of politics, soft power, separatist conflict, Catalonia, Scotland, national identity.

DOI: 10.31857/S0201708322010089

REFERENCES

- Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. (2011) Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language. In Strubell M., Boix-Fuster E. (eds) *Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan*. Palgrave Studies in Minority Languages and Communities. Palgrave Macmillan, London, pp. 150–181. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230302426_6
- Britaniya posle brekzita [The United Kingdom after brexit] (2021). Godovanyuk K.A. (ed.). IE RAS, Moscow. 184 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386. (in Russian).
- El conflicto independentista en Cataluña (2019) Real Instituto Elcano. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f/Cataluna-Dossier-Elcano-October-2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f> (accessed: 01.06.2021)
- Gallarotti G.M. (2011) Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use. *Journal of Political Power*. Vol. 4, № 1, pp. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>
- Henkin S.M. (2015) Katalonskij konflikt vchera i segodnya [Catalan conflict yesterday and today]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No 1, pp. 117–138, (in Russian).
- Juventeny Berdún S. (2017) Much 'more than a club': Football Club Barcelona's contribution to the rise of a national consciousness in Catalonia (2003–2014). *Soccer and Society*. No 1, pp. 103–122. DOI:10.1080/14660970.2016.1267624
- Koval' T.B. (2016) Sovremennaya Ispaniya: v labirinte identichnostej [Modern Spain: in the labyrinth of identities]. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennyh nacij*. Otv. red. V.A. Tishkov, E.I. Filippova. *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, pp. 57–77. (in Russian).

Kroenig M., McAdam M., Weber S. (2010) Taking Soft Power Seriously. *Comparative Strategy*. Vol. 29, No 5, pp. 412–431. DOI:10.1080/01495933.2010.520986

McCrone D. (2001) Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. Second edition. Routledge, London. 216 p.

Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017) Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765–775. DOI:10.13187/bg.2017.3.765

Merkulov P.A., Tyurin E.A., Savinova E.N. (2017) Evolyuciya SHotlandskoj nacional'noj partii v bor'be za nacional'noe samoopredelenie SHotlandii: k voprosu ob osobennostyah shotlandskogo nacionalizma [Evolution of Scottish National Party in the Fight for National Self-Determination of Scotland: to the Question of Features of Scottish Nationalism]. *Vlast'*. No 6, pp.153–159. (in Russian).

Nye J.S. (2004) Soft Power: the Means to Success in World Politics. Public Affairs, New York. 191 p.

Paterson L. (2014) Attitudes to Gaelic and to Scottish Autonomy. Centre on Constitutional Change. URL: <https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/attitudes-gaelic-and-scottish-autonomy> (accessed: 05.06.2021)

Radikov I. V., Leksyutina YA.V. (2012) “Myagkaya sila” kak sovremennyj atribut velikoj derzhavy [“Soft Power” as Contemporary Attribute of Great Power]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No 2, pp. 19–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-2-19-26 (in Russian).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. (2017) “Myagkaya sila” kak instrument politicheskoy komunikacii i gumanitarnoj diplomatii [“Soft Power” as the Instrument of Political Communications and Humanitarian Diplomacy]. *Diskurs-Pi*. No 1, pp. 61–72. DOI: <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.6172>. (in Russian).

Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland (2013) Scottish Government. URL: <https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/strategy-plan/2013/11/scotlands-future/documents/scotlands-future-guide-independent-scotland/scotlands-future-guide-independent-scotland/govscot%3Adocument/00439021.pdf> (accessed: 05.06.2021)

Scottish Social Attitudes 2019: Attitudes to government and political engagement (2020) Scottish Government. URL: <https://www.gov.scot/publications/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/> (accessed: 05.06.2021)

Tyurin E.A. (2017) Vliyanie britanskoj imperskoj gosudarstvennosti na shotlandskuyu nacional'nuyu identichnost': k voprosu o nezavisimosti SHotlandii [Impact of British Imperial Statehood on Scottish National Identity: The Question of Scottish independence]. *Vlast'*. No 8, pp. 178–182, (in Russian).

УДК 339.562, 339.564

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН МИРА И ЕГО ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2022 В.К. Фальцман*

Доктор экономических наук

*Институт прикладных экономических исследований РАНХ и ГС при Президенте РФ,
119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82.*

**E-mail: m975032@gmail.com*

Поступила в редакцию 18.10.2021

После доработки 06.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Глубокое экономическое отставание развивающихся стран способствует распространению новых глобальных угроз в рамках мирового сообщества. Ограниченные экономические возможности развивающихся стран при проведении вакцинации и санитарно-эпидемических мер создают предпосылки для возврата волн пандемии в страны развитого мира. Относительная бедность многих развивающихся стран тормозит распространение возобновляемых источников энергии взамен угля, ограничивая меры по сохранению климата планеты. Неравномерность экономического развития стран является важнейшим фактором потоков иммигрантов в страны Европы и США. Международное соглашение по контролю и регулированию численности населения могло бы способствовать преодолению неравномерности развития стран мира, угроз пандемий, изменений климата, несанкционированной аннексии жизненного пространства иммигрантами из Африки, Азии, Южной и Центральной Америки.

Ключевые слова: неравномерность экономического развития, пандемия, изменение климата, несанкционированная иммиграция, наднациональное соглашение о росте населения, новый миропорядок.

DOI: 10.31857/S0201708322010090

Проблемы неравномерности развития стран мира исследовались в ряде научных трудов, среди которых видное место занимают фундаментальные публикации лауреата Нобелевской премии Гуннара Мюрдала [Myrdal, 1975].

Возникновению большого числа развивающихся стран мировое сообщество обязано непрогнозируемым результатам Второй мировой войны: образованию большого количества независимых государств на базе бывших колоний Велико-

британии, Франции и некоторых других стран. По сравнению с бывшими метрополиями вновь образованные государства отличались крайней бедностью. Особой нищетой характеризуются слабо развитые страны, по терминологии ООН.

Дальнейшему экономическому отставанию развивающихся стран способствовал демографический взрыв, который произошел в этих странах в послевоенный период. Если развитые страны в период 1950–2020 гг. шли по пути планирования численности семьи, ограничивая масштабы деторождения и естественного прироста населения, то в отличие от этого развивающиеся страны, особенно слабо развитые, резко увеличили рождаемость. В итоге за 70 лет (1950–2020 гг.) численность населения Земли выросла более чем в три раза. Это был гигантский скачек антропогенной нагрузки на экологию планеты. Если за всю многовековую предшествующую историю человечества его численность достигла в 1950 г. 2,5 млрд чел., то всего за 70 послевоенных лет она вышла на уровень примерно в 7,8 млрд чел.

Колоссальный рост населения происходил на территории развивающихся стран. Для развитых стран – это расширение внешних рынков труда и сбыта. Поэтому мировое сообщество не ставило серьезных барьеров для дальнейшего разрастания антропогенной нагрузки. Проблемы пределов роста изучались в чисто теоретическом плане, например, в трудах ученых Римского клуба [Медоуз, Медоуз, Рандерс, Беренс, 1991]. Даже такой неолиберальный футуролог, как Харари, рассматривая 21 угрозу для будущего, деликатно обходит вопрос об угрозе высокой рождаемости в странах развивающегося мира [Харари, 2019]. Рыночная экономика в скрытой форме даже поощряла демографический взрыв, утешая мировую общественность будущей возможностью самопроизвольного ограничения антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Так было до тех пор, пока в начале XXI века во всем мире не разразилась пандемия, ошутимо изменился климат, а несанкционированные массы иммигрантов устремились в страны Европы, а затем и в США. В борьбе с этими глобальными угрозами человечество встретилось с препятствиями, вызванными отставанием в экономическом развитии большого числа стран.

Природа явлений пандемии, потепления климата и несанкционированной миграции принципиально различна. Поэтому специфичны меры борьбы с ними. Но все три угрозы объединяет их зависимость от роста численности населения Земли и глобальный характер мер, необходимых для борьбы с ними.

Невозможно победить пандемию в одной отдельно взятой стране либо в группе развитых стран, например, в Европе, в то время как она продолжает свирепствовать в остальном мире. В этих условиях пандемия возвратится в развитые страны с помощью мирохозяйственных, туристических и других международных связей. Невозможно повлиять на потепление климата в том случае, когда европейские страны предпринимают героические усилия по свертыванию углеродистой энергетики, а некоторые развивающиеся страны будут вводить новые электростанции на угле. По закону сообщающихся сосудов последствия демографического взрыва в развивающемся мире неизбежно вызывают приток бедноты в развитые страны.

Выиграв в уровне экономического развития у своих бывших колоний, высоко развитые европейские страны находятся не в лучших условиях с позиций пандемии

и глобального потепления. По отношению к угрозам несанкционированной миграции – даже в худшей ситуации. Экономическая неравномерность имеет многочисленные частные проявления, например, в виде нехватки вакцин, их дороговизны, ограниченности услуг здравоохранения при проведении вакцинации, ограниченной доступности новых технологий, сохраняющих климат.

Неравномерность экономического развития стран мира

Неравномерность развития была оценена в 180 странах мира [Фальцман, 2021]. В качестве индикатора уровня экономического развития примем (с рядом известных оговорок, касающихся несовершенства этого измерителя) показатель ВВП (ППС) на душу населения (таблица 1). Этот показатель характеризует различия возможностей стран в борьбе с глобальными угрозами.

Таблица 1

Неравномерность экономического развития стран мира

	Развитые страны	Развивающиеся страны	Слабо развитые страны
Диапазон изменения душевого ВВП(ППС), тыс. долл. на 1 жителя	29-130	5-28	0,7-4,9
Число стран	50	80	50
Среднее по группе значение душевого ВВП(ППС)	50,1	14,3	2,8
Прирост населения, человек на 1000 жителей	3,3	10,7	22,6

Рассчитано автором по данным [https : gtmarket. ru/ratings/world-population;](https://gtmarket.ru/ratings/world-population;)
[https://\(nonews.co\)/directory/lists/countries/gdp-temp](https://(nonews.co)/directory/lists/countries/gdp-temp)

Из приведенных в таблице 1 данных следует вывод о колоссальной неравномерности экономического развития стран мира. Амплитуда колебания численного значения показателя ВВП (ППС), приходящегося на одного жителя страны, изменяется по странам мира в пределах от менее чем 1 тысячи долл., до 130 тысяч долларов. К группе из 50 слабо развитых стран отнесены страны, ВВП (ППС) которых находится в интервале от 0,7 до 4,9 тысяч долл. в год на одного жителя. В 80 развивающихся странах значение показателя благосостояния на порядок больше и составляет 5–28 тыс. долл. Диапазон изменения этого показателя в 50 развитых странах мира находится в интервале от 29 тыс. долл. в России до 130 тыс. долл. в богатых нефтедобывающих странах Ближнего Востока. В этой группе стран находятся страны Европы.

Среднее значение показателя ВВП (ППС) позволяет рассчитать пропорции распределения мирового благосостояния по трем рассматриваемым группам стран.

Если принять за единицу среднее значение душевого ВВП по группе слаборазвитых стран, то среднее благосостояние развивающихся стран может быть оценено числом 5, а для развитых стран – числом 18. Значит, мировой среднедушевой ВВП делится в пропорции 1:5:18.

Характерно, что неравномерность экономического развития повторяет неравномерность прироста населения, но в обратной пропорции. Если принять за единицу средний прирост населения в развитых странах, где он наименьший, то в развитых странах он оценивается числом 3, а в слабо развитых странах – числом 7. Пропорция в росте населения составляет между группами стран 1:3:7.

Сравнивая эти две пропорции, приходишь к выводу, что ускоренный рост численности населения за счет рождаемости оказывает существенное влияние на отставание слабо развитых и развивающихся стран от стран развитых.

Влияние неравномерности развития стран на пандемию

На распространение пандемии оказывает влияние состояние биологических исследований, уровень фармацевтической промышленности и услуг здравоохранения, цифровизации быта, позволяющей исполнить санитарно-гигиенические предписания медиков. Неравномерность стран в этих сферах оказалась еще более значительной, чем в их экономическом развитии в целом. Несомненную роль играет уровень подготовленности населения разных стран к консолидированному выполнению комплекса мер борьбы с пандемией.

В борьбе с пандемией мировая, в том числе отечественная медико-биологическая наука, проявила высокую мобилизационную готовность. Современный уровень мирового здравоохранения располагает большим количеством знаний и средств борьбы с вирусными инфекциями.

В России процедура конструирования вакцины «Спутник V», включая клинические испытания, по данным академика А. Гинзбурга¹, заняла 5 месяцев. Лидерству способствовало наличие научных заделов, связанных с созданием вакцины против вируса Эбола и MERS-CoV – ближайшего родственника COVID-19.

Высокую оперативность реакции мирового сообщества в борьбе с пандемией демонстрируют факты из хроники действий ВОЗ². Первое известие о «вирусной пневмонии» в г. Ухань были получены 31.12.2019. Через месяц (30.01.2020.) ВОЗ делает заключение о соответствии инфекционной вспышки критериям пандемии. На первом совещании Группы кризисного управления ООН (11.02.2020.) заболеванью, вызванному новым коронавирусом, присвоено название COVID-19. Всего через полгода в базе данных ВОЗ были зарегистрированы 52 перспективные вакцины против COVID-19. Еще 162 вакцины проходили клинические испытания.

В настоящее время человеческое сообщество располагает большими материальными средствами для борьбы с пандемией. МВФ подсчитал: на борьбу с панде-

¹ Аргументы и факты № 39, 2021, с. 3.

² Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. URL: <https://www.who.int/ru/news/29-06-2020> (дата обращения: 06.10.2021)

мией по всему миру предполагается выделить около 16 трлн долл. Для сравнения: военные расходы мира составляли в 2020 г. 1,83 трлн долл. Значит, на борьбу с коронавирусом и его последствиями уйдет примерно столько же средств, сколько поглощают военные расходы мира за девятилетний период.

Однако масштабы пандемии существенно превышают возможности ее преодоления. Так, к середине 2021 г. в 156 странах мира было введено 726 млн доз вакцин. Вакцинация охватила около 9% от численности населения Земли. Спустя полтора года после объявления пандемии, в беднейших странах мира вакцинация еще не начиналась. Неравномерность процесса вакцинации в странах мира таит в себе скрытую угрозу возобновления повторных волн пандемии, ее повторного возвращения в развитые страны. Поэтому причины неравномерности вакцинации заслуживают пристального изучения.

Израиль при его относительно небольшом населении и при наличии первоклассной медицины сумел одним из первых подавить пандемию. Однако в середине 2021 г. здесь произошла новая вспышка эпидемии, при том что 70% населения было уже вакцинировано. В связи с этим ЕС был вынужден исключить Израиль из списка безопасных стран.

Различия в благосостоянии стран и в уровне их здравоохранения вызвали крайнюю неравномерность в процессе вакцинирования. На 01. 05. 2021. почти половина стран мира не достигла и одного процента привитого населения. Свыше двадцати стран мира к вакцинации не приступала. Наименее привитым является население Африканского континента. Но даже развитые страны мира, располагающие производством собственной вакцины, существенно различаются по уровню вакцинации (таблица 2).

Таблица 2

Уровень вакцинирования от COVID-19 в некоторых развитых странах, достигнутый за первый год пандемии
(% от численности населения)

	Вакцинировано	Полная вакцинация
Израиль	58,46	54,45
Великобритания	49,15	17,71
США	41,69	27,99
Германия	22,58	6,97
Франция	21,16	8,24
Россия	7,75	4,64

Источник: <https://ourworldindata.org/COVID-Vaccinations>. (дата обращения: 26.04.2021)

Из таблицы 2 видно, что различие возможностей борьбы с пандемией наблюдается не только между развивающимися и развитыми странами, но и в среде последних. Различие развитых стран в уровне вакцинации во многом определяет отставание в обеспеченности населения медицинскими услугами. Например, трехкратное отставание России в вакцинации от ведущих стран Европы при наличии лидерства в создании и производстве вакцин, бесспорно, можно объяснить недостаточным развитием медицинских услуг, нехваткой медицинского персонала для вакцинации

большого по численности населения, рассредоточенного на огромных и труднодоступных территориях страны. По темпам вакцинации Россия находится на 65-м месте в мире. Но как тогда можно объяснить отставание в вакцинации Германии и Франции от Израиля? Различием в численности населения?

С первых шагов борьбы с пандемией возникла проблема преодоления патентных ограничений на использование интеллектуальной собственности на средства борьбы с COVID-19. В связи с некоторыми странами разрешили местным производителям воспользоваться известной практикой принудительного лицензирования и копировать лекарства, в том числе вакцины от ковида, без согласия их разработчиков. В условиях нарастания заболеваемости правительство России впервые допустило использование механизма принудительного лицензирования. Поддержка принудительного лицензирования мировой общественностью должна послужить сигналом для фармацевтических компаний мира о недопустимости проведения дискриминационной ценовой политики в условиях мирового бедствия.

По инициативе Индии и ЮАР, на площадке ВТО проводился эксперимент глобального ухода от патентной охраны средств, используемых для лечения COVID-19, особенно вакцин. Комплексные исследования методов принудительного лицензирования были проведены в Таиланде и Малайзии. Они показали несомненную пользу метода принудительного лицензирования для здравоохранения и при этом не оказали отрицательного воздействия на состояние фармацевтики. США поддержали поставку вакцин COVID-19 без патентной защиты¹. ВОЗ также поддержала эту идею. Чтобы избежать циклического повторения волн пандемии, мировому сообществу предстоит преодолеть неравномерность в вакцинации населения стран мира и обеспечить их равнодоступность к средствам борьбы с COVID-19.

Влияние неравномерности развития стран на сохранение климата

Климат – это ресурс жизнеобеспечения глобального пользования. Поэтому усилившиеся угрозы его изменения, в том числе под прессингом растущей антропогенной нагрузки, потребовали от мирового сообщества чрезвычайных мер по его сохранению. Впервые в истории мировому сообществу удалось объединить усилия 195 стран мира, подписавших Парижское соглашение по климату (2016 г.).

За счет применения новых технологий ключевое положение соглашения предусматривает ограничение на рост средней температуры планеты максимум на два градуса. В период 2050–2100 гг. намечено достигнуть баланса между выбросом парниковых газов и их поглощением морями и лесами. Развитые страны формируют специальный климатический фонд помощи бедным государствам в их борьбе со стихийными бедствиями, вызывающими последующие климатические изменения. Для перехода в режим безуглеродной экономики развивающимся странам выделена помощь в размере 100 млрд долл. в год.

¹ США поддержали поставку вакцин COVID-19. URL: <https://www.Bbc.com/Russian/features-56985699> (дата обращения: 09.05.2021)

Парижское соглашение – важный шаг в решении проблемы сохранения климата. Но проблема изменения климата далека от окончательного решения, поскольку требует непомерно больших затрат. Подсчитано, что для выхода к 2050 г. на нулевой уровень выброса парниковых газов требуется уже к 2035 г. увеличить долю расходов на энергию в глобальном ВВП с 8 до 25%. Но это означало бы, что через 15 лет энергия подорожает на 17%. Поэтому в Парижском соглашении пик эмиссии CO₂ предполагается достигнуть «настолько скоро, насколько это окажется возможным». При этом в соглашении отмечена недостаточность намеченных национальных вкладов в решение проблемы.

В дополнение к Парижскому соглашению многие развитые страны разрабатывают национальные стратегии низко углеродного развития. Такие стратегии приняли 17 стран-членов ЕС. Из них 11 предусматривают нетто-нулевые выбросы парниковых газов (разность между выбросом и поглощением газов). Остальные 8 стран предусматривают сокращение выбросов на 80% и более. Большие задачи в этой области ставит Россия¹.

Повсеместно и многократно откладываемый «на потом» перехода к нетто-нулевым выбросам CO₂ ведет к колоссальному накоплению углекислого газа в атмосфере Земли. Расчеты по модели ИНП РАН показали, что к 2050 г. накопленный объем углекислого газа составит 62 млрд тонн. С учетом национальных стратегий и предполагаемого сокращения нетто-эмиссии парниковых газов до 85% их накопленный объем увеличится до 71 млрд т CO₂ эквивалента.

Центральное место в Парижском соглашении отводится замене ископаемого топлива на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Между тем переход энергетики на ВИЭ ведет к значительному удорожанию энергии. Поэтому он доступен в первую очередь развитым странам. Между тем наибольший прирост спроса на энергию возникает в развивающихся странах в связи с ростом численности их населения. Но именно страны развивающегося мира располагают минимальными средствами для перехода на ВИЭ.

Поэтому они вынуждены вводить энергетические мощности, работающие на каменном угле. По данным энергетиков, Китай, Индия и ряд других стран планируют строительство 450 новых угольных электростанций. При этом если Европа отключит все свои угольные электростанции, а развивающиеся страны введут свои новые мощности на угле, то в атмосферу будет поступать еще больше углекислого газа, чем ранее².

Повышение средней температуры земной атмосферы на два градуса, как это допускает Парижское соглашение, может привести к затоплению малых островных стран. В связи с этим возник вопрос о дальнейшем сокращении выбросов парниковых газов до 5–6% в год с тем, чтобы к 2050 г. достичь углеродной нейтральности и сократить допустимый предел потепления до полутора градусов. Пандемия с ее многочисленными остановками производства как раз и обеспечила снижение в 2020 г. эмиссии парниковых газов на 5%³.

¹ Эксперт, 20 апреля – 9 мая № 18-19, 2021.

² НГ Энергия. Приложение к «Независимой газете» от 10.09.2019.

³ Эксперт, № 27, 2021, с. 42–45.

В 2019 г. Еврокомиссия опубликовала программный документ «Европейская зеленая сделка», обосновывающий сокращения потребления энергии к 2050 г. на 1/3. Детальный план реализации снижения выбросов углекислого газа к 2030 г. на 55% предусматривает 12 мероприятий, среди которых введение трансграничного углеводородного налога, распространение углеводородных квот на авиацию и морские перевозки, реформирование налогов с целью повышения конкурентоспособности ВИЭ и увеличения их доли с 32 до 40%, запрет к 2035 г. на продажу новых транспортных средств с бензиновыми и дизельными двигателями¹.

В перспективе мировую энергетику, по-видимому, ожидает новая технологическая революция, связанная с использованием водородных технологий. Новая модель мировой энергетики направлена на сохранение атмосферы и климата. Существует несколько технологий производства водорода, различающихся по цене. Самым дешевым является производство водорода из угля. В полтора раза дороже обходится водород, произведенный из природного газа с улавливанием отходящего углекислого газа. По сравнению с производством из угля в три раза дороже обходится производство водорода с помощью электролиза воды в сочетании с ВИЭ².

Водородная энергетика уже вошла в мировую экономику. Например, Росатом разрабатывает ТЭО проекта поставок водорода в Японию. Газпром участвует в проекте строительства трубы в Германию для транспортировки одного миллиона тонн водорода в год. Однако для развивающихся стран перспектива широкомасштабного перехода энергетики на сравнительно дорогие водородные технологии в обозримом будущем неочевидна. Для успешного проведения коллективных мер по сохранению климата мировому сообществу предстоит повысить уровень доступности ВИЭ странам развивающегося мира.

Факторы сближения уровня развития стран

Растущая неравномерность экономического развития стран оказывает прямое воздействие на массовые потоки незаконных иммигрантов в страны Европы и США. Приостановить или даже перекрыть эти потоки за счет усиления охраны границ, строительства стен и иных заграждений, возвращения беженцев в места их первоначального проживания пока не удается.

Прекратить несанкционированный передел жизненного пространства путем мирного его захвата или даже вооруженных конфликтов можно будет тогда, когда уровень жизни в бедных странах приблизится к уровню развитых стран. Для этого нужно, чтобы значение показателя душевого ВВП (ППС) в странах-донорах переселенцев приблизилось бы к уровню стран-реципиентов.

Прирост населения распределяется между континентами планеты крайне неравномерно. Показательна статистика за 55 лет (1950–2005 гг.). На долю Европы пришлось 3,5% прироста населения, Северной Америки – 4,2%, в то время как на

¹ Эксперт, № 31–34, 2021, с. 9.

² Независимая газета, 28.04.2021.

долю Азии – 64,2%, Африки – 17,4%, Центральной и Южной Америки – 10,2%. Не приведет ли такая неравномерность к переделу политической карты мира?

Реальный выход из создавшейся ситуации может быть достигнут за счет контроля и регулирования роста численности населения, прежде всего развивающихся и слабо развитых стран. В сочетании с внешней помощью новая демографическая политика позволит снизить уровень бедности населения в этих странах [Фальцман, 2020].

Чтобы сблизить уровень экономического развития стран, необходимы наднациональный контроль и регулирование численности их населения за счет сокращения показателя рождаемости в развивающемся мире. Развивающиеся страны должны переключиться на планирование семьи, преобладающее в развитых странах. Новая демографическая политика позволит подавить бедность в развивающихся странах и нищету в наименее развитых странах мира.

Если будущие темпы роста населения останутся неизменными, то к концу столетия численность человечества достигла бы 24 млрд человек, что превышает любые самые смелые оценки порога допустимой антропогенной нагрузки.

Впрочем, темпы роста населения имеют тенденцию к сокращению. Если в 1950 г. среднемировой уровень рождаемости составлял 4,7 ребенка на 1000 жителей, то к 2017 г. он понизился до 2,4. По прогнозам группы ученых университета Вашингтон Сизл, к концу столетия показатель рождаемости снизится до 1,7 ребенка на 1000 жителей планеты¹. Это означает, что в мире будет преобладать депопуляция. Прогноз утверждает, что численность населения Земли достигнет своего пика в 2064 г. (9,7 млрд человек), а к 2100 г. она снизится до 8,8 млрд человек. Предполагается, что на демографическом тренде возникнет точка перегиба, когда рост населения сменится его сокращением. Между тем в прошедшее семидесятилетие тренд роста населения происходил эволюционно и монотонно, без точек перегиба. Поэтому в опасной близости от допустимого предела антропогенной нагрузки такой прогноз с резким изломом на тренде настораживает, представляется рискованным. Надежды на самопроизвольный спад рождаемости оставляют вопросы. Мировое сообщество должно взять под контроль демографические процессы.

Ограничивающее регулирование увеличения численности населения, естественно, возможно только за счет рождаемости. В состоянии ли человечество осознанно регулировать такой высоко инерционный показатель, как рождаемость? Сомнения остаются, но положительный опыт демографической политики Китая частично их развеял.

В начале XXI в. мировое сообщество получило в форме COVID-19, изменений климата и несанкционированной миграции когнитивную подсказку о необходимости изменения миропорядка. Глобальный характер проблем пандемий, изменения климата и международной миграции требует создания наднационального органа для борьбы с этими угрозами, способного интегрировать усилия государств на обеспече-

¹ Zeit: демографический взрыв отменяется – население Земли сократится, и это изменит миропорядок. URL: <https://Russian.rt.com/inotv/2020-07-23/Zeit-demograficheskij-vzriv-otmenyaetsya-> (дата обращения: 11.04.2021)

нии безопасности человечества. В качестве такого органа может выступить Фонд ООН по народонаселению (UNFPA). Правовая основа для контроля и регулирования численности населения может быть закреплена в формате Межправительственного соглашения по контролю и регулированию численности населения.

Межправсоглашение по контролю и регулированию численности населения должно разрабатываться всеми государствами-участниками и их объединениями, включая Евросоюз, на принципах инициативы сторон, на условиях добровольности. Оно должно базироваться на научных прогнозах и достоверной информации, использовать механизм международной поддержки. Конечная цель соглашения: с помощью стабилизации и сокращения численности населения мира предотвратить разрастание пандемий, изменений климата и несанкционированной международной миграции.

Каждая участвующая сторона разрабатывает прогнозы и предложения к межправсоглашению, заявки на финансовую и иную внешнюю помощь, а затем составляет отчеты по выполнению всех контрольных пунктов соглашения с оценкой эффективности представленной международной помощи.

Численность населения Земли растет преимущественно за счет развивающихся, в том числе наименее развитых стран Африки, Азии, Центральной и Южной Америки. На эти страны приходится основная доля ответственности за реализацию целей соглашения. При этом развивающиеся страны получают основной бонус от сокращения роста численности населения в виде повышения уровня жизни. Нынешняя относительная бедность многих из этих стран – это не столько следствие их колониального прошлого, сколько результат последующей высокой рождаемости.

Развитые страны заинтересованы в ограничении роста численности населения мира, в ликвидации глобальных угроз человечеству не менее, чем развивающиеся страны. Поэтому они могут войти в состав соглашения в качестве доноров, содействовать его финансированию. Подобно Парижскому соглашению по климату, межправсоглашение по контролю рождаемости и численности населения целесообразно запускать при условии достижения полного консенсуса всех его участников. Однако ратификация соглашения в 190 странах мира – сложный длительный процесс. Поэтому соглашение может вводиться поэтапно. На первом этапе к участию было бы целесообразно привлечь страны, на долю которых приходится около половины ожидаемого прироста населения: Китай, Индию, Нигерию, Пакистан, Конго, Эфиопию, Танзанию, Египет.

* * *

В XXI в. человечество столкнулось с невиданными по своим масштабам угрозами – пандемией COVID-19, изменениями климата, несанкционированной иммиграцией. Для каждой из них разработаны специальные меры борьбы с последствиями. Однако только ограничиться борьбой с последствиями уже возникших угроз нельзя. Нужно упредить и устранить их исходные причины, иначе угрозы сохранятся и повторятся. К числу главных причин возникновения пандемии, изменения климата и незаконной аннексии жизненного пространства мигрантами относится возросшая избыточная, несбалансированная с имеющимися ресурсами численность населения многих развивающихся и слабо развитых стран мира.

Человечество вступает в новую эпоху развития. В заявлении на Всемирном экономическом форуме президент РФ В.В. Путин подчеркнул необходимость нового миропорядка¹. В унисон звучат слова председателя ВЭФ Клауса Шваба о предстоящей «глобальной перезагрузке капитализма» и трансформации мирового порядка. В чем суть нового миропорядка?

Если предшествующая история человечества была направлена на максимизацию экономического роста государств, максимизацию прибыли бизнеса, способствующих неравномерности развития мира, то центральной парадигмой будущего развития, на мой взгляд, может стать выживание популяции *Homo sapiens*, ее глобальная безопасность, равнодоступная как для населения развитых стран, так и для всего человечества. Существующий миропорядок способствует усилению неравномерности развития стран мира. Пандемия и другие глобальные угрозы доказали опасность неравномерности развития мира для судеб человечества.

Мейнстрим нового миропорядка предполагает сближение уровня экономического развития всех стран мира за счет роста благосостояния развивающихся стран. Необходимым условием повышения равномерности экономического благосостояния мира является переход демографической политики развивающихся стран к планированию семьи, общепринятому в последнее время в развитых странах. Переход к новому миропорядку предполагает повышение роли наднациональных институтов, в том числе ООН.

Не приведет ли контроль и ограничение рождаемости в странах мира к их экономическому кризису и отрицательным темпам их экономического роста? Не приведет. Статистические данные подтверждают возможность экономического роста государств даже в условиях депопуляции, когда рождаемость не превышает смертность. Все 27 стран мира с депопуляцией населения (2018 г.) характеризуются положительными темпами роста их экономик. В 9 странах из 27 темпы экономического роста превышают среднемировые три процента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуннар Мюрдаль (1975) *Проблема равноправия и ее роль в мировом развитии. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. Том 5. Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. Мысль, Москва. 2004. 767 с.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Беренс В. (1991) *Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Проблемы человечества»*. МГУ, Москва, 207 с.

Харари Ю.Н. (2019) *21 урок для XXI века*. Синдбад, Москва. 416 с.

Фальцман В. (2021) Регулирование антропогенной нагрузки на среду обитания. *Мировая экономика и международные отношения*. Том 65, № 4. С. 14–20.

Фальцман В. (2020) Международная помощь беднейшим странам. *Мировая экономика и международные отношения*. Том 64, № 8. С. 56–62.

¹ Независимая газета, 28 января 2021 г., с. 4.

Uneven Economic Development and Its Global Consequences

V.K. Faltsman*

Doctor of Science (Economics)

*Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA).*

82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571.

**E-mail: m975032@gmail.com (rus); azouev7777@aol.com (eng)*

Abstract. The deep economic lag of developing countries contributes to the spread of new global threats to the world community, namely, pandemics, climate change, the takeover of Europe and North America by flows of refugees from Africa, Asia, South and Central America. The limited economic opportunities of developing countries for vaccination and adoption of sanitary and epidemiological measures create the preconditions for the return of pandemic waves to the countries of the developed world. In addition, the relative poverty of many developing countries inhibits the substitution of coal with renewable sources of energy, limiting possibilities to preserve the planet's climate. The uneven economic development of countries is the most important driver of increasing migrant flows to Europe and the United States. The article substantiates the effectiveness of a number of additional measures to bring the level of economic development of the countries of the developing world closer to developed countries. Some elements of the concept of the future world order are proposed. The high uncertainty of the future evolution of the virus, the threats of global warming, forces the world community to change in order to overcome the global threats of the spread of COVID-19 pandemic waves, climate change and uncontrolled migration.

Keywords: uneven economic development, pandemic, climate change, unauthorized migration, supranational agreement on population growth, new world order.

DOI: 10.31857/S0201708322010090

REFERENCES

Gunnar Myrdal' (1975) Problema ravnopraviya i ee rol' v mirovom razvitii. [*The Equality Issue in World Development*]. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. Tom 5. Vsemirnoe priznanie: lekcii nobelevskih laureatov. Mysl', Moscow. 2004. 767 p. (In Russian).

Medouz D. H., Medouz D. L., Randers J., Berens V. (1991) Predely rosta. Doklad po proektu Rimskogo kluba "Problemy chelovechestva". [The Limits to Growth. Report on the Project "Problems of Humanity"]. MGU, Moscow. 207 p. (In Russian).

Harary Y.N. (2019) 21 urok dla XXI veka [21 Lessons for the 21-st Century]. Sindbad Publishers Ltd, Moscow. 416 p. (In Russian).

Fal'cman V. (2021) Regulirovanie antropogennoj nagruzki na sredu obitaniya. [Regulation of Anthropogenic Load of the Habitat]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65, No 4, pp. 14–20. (In Russian).

Fal'cman V. (2020) Mezhdunarodnaya pomoshch' bednejshim stranam. [International Aid to Least Developed Countries] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, Vol. 64, No 8, pp. 56–62. (In Russian).

УДК 341.96

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00805 «Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ».

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТРЕТЬИХ СТРАНАХ

© 2022 М.В. Шугуров*

*Доктор философских наук
Саратовская государственная юридическая академия.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.*

**E-mail: shugurovs@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.07.2021

После доработки 05.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Цель статьи состоит в концептуальной систематизации приоритетов и основных направлений внешнеполитических действий Европейского союза в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах. В ходе исследования были поставлены следующие задачи: выявить стратегические основы данной политики и установить используемые механизмы. Автор определил организационную структуру политики, направленной на повышение глобальной конкурентоспособности ЕС. В результате исследования был подтверждён тезис о стратегической приверженности Евросоюза стандартам «ТРИП-плюс» на фоне соблюдения универсальных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности на рынках третьих стран. Продемонстрировано стремление ЕС к балансу между защитой европейских правообладателей в третьих странах и соблюдением права интеллектуальной собственности в странах-партнёрах с тем, чтобы наилучшим образом поддерживать инклюзивный экономический рост и социальное развитие. Дальнейшие перспективы и результативность данной политики связаны с консолидацией позиций государств-членов ЕС на основе активной реализации новых положений наднационального права интеллектуальной собственности, а также с дальнейшей ратификацией универсальных договоров в области её охраны.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, Европейский союз, внешнеэкономическая политика, техническая помощь, контрафакт, страны-партнёры.

DOI: 10.31857/S0201708322010107

В современном мире все большее число стран используют активы интеллектуальной собственности для поддержки своего социально-экономического развития и усиления конкурентоспособности. Всё это имеет чрезвычайно важное значение не только для отдельных государств, но и для международных организаций региональной экономической интеграции, в частности, для Европейского союза (далее – ЕС). Интеллектуальная собственность расценивается последним в качестве ключевого фактора устойчивого экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности на основе инновационной парадигмы. Активная внутренняя политика ЕС в сфере развития наднационального права интеллектуальной собственности *acquis communautaire*, которое является средством гармонизации и унификации национального права государств-членов, находит свое продолжение в политике защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах.

Некоторые аспекты политики ЕС, применительно к товарным знакам, патентам или географическим указаниям, находят свое осмысление в научной литературе и экспертных кругах. В частности, отмечается, что политика ЕС по защите и соблюдению прав интеллектуальной собственности в третьих странах в рамках международной торгово-экономической политики направлена на решение задачи повышения конкурентоспособности европейской промышленности [European Free Trade System... 2017: 162]. Р. Бендини и С. Мендонца подчёркивают, что ключевой характеристикой политики ЕС является не только опора на конструктивные консультации с различными заинтересованными сторонами в самом Союзе, но и стремление к отказу от односторонности в отношении с зарубежными странами-партнёрами¹.

С точки зрения ассоциации *BusinessEurope*, предприятия ЕС сталкиваются с острой конкуренцией в третьих странах и поэтому нуждаются в равных условиях игры. Из этого следует вывод о том, что ЕС должен стремиться восстановить свои позиции в качестве «законодателя стандартов» на мировой арене². В продолжение этой мысли Х. Сеуб указывает на то, что в двусторонних торгово-экономических соглашениях с развивающимися странами Брюссель продвигает механизмы осуществления прав интеллектуальной собственности, основанные на европейской модели [Seuba 2017: 174]. В научной литературе также сделан вывод, что ключевая роль торговой политики ЕС состоит в том, чтобы добиваться от третьих стран выполнения высоких стандартов защиты и соблюдения прав интеллектуальной собственности как таковых, в том числе предусмотренных Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС)

¹ Bendini R., Mendonça S. Re-communicating the EU's IPR strategy for third countries (April 2015). P. 12. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549030/EXPO_IDAN\(2015\)54903_0_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549030/EXPO_IDAN(2015)54903_0_EN.pdf) (дата обращения: 07.05.2021)

² BusinessEurope. Intellectual property priorities for the next institutional cycle. Brussels: BusinessEurope, 2019. P. 12. URL: https://www.busesseurope.eu/sites/buseur/files/media/reports_and_studies/september_2019_-_intellectual_property_priorities.pdf (дата обращения: 05.05.2021)

[Baldwin, Wyplosz 2019: 281]. Таким образом, речь о безусловном доминировании билатерализма в отношениях со странами-партнёрами не идет.

Наконец, высказывается точка зрения, что Брюссель якобы черпает вдохновение у Вашингтона в процессе усиления своей внешней политики в области интеллектуальной собственности. «Что же касается сравнения ЕС и США, то взгляд на институциональные траектории предполагает, что ЕС может стать успешным и потенциальным учеником США в разработке своей внешней политики в области интеллектуальной собственности» [Krizic, Serrano 2017: 60]. Однако отметим, что для Евросоюза, в отличие от США, которые также проводят структурированную внешнюю политику в сфере защиты интеллектуальной собственности¹, всё же характерен гибкий баланс между защитой интересов европейских правообладателей и стимулированием прогресса в сфере права и системы интеллектуальной собственности в странах-партнёрах в интересах развития последних.

Несмотря на внимание, уделяемое в научной литературе данному вектору внешней политики ЕС, вполне заметно отсутствие комплексных исследований, в том числе в отечественной науке. Российские авторы исследовали меры ЕС по противодействию экспорту контрафакта с рынков третьих стран [Интеллектуальная собственность в современном мире... 2019; Ломсадзе, Дедюрина 2019]. Целью статьи является анализ и концептуальная систематизация приоритетов и основных направлений внешнеполитических действий Евросоюза в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах. Предполагается выявить стратегические основы данной политики, установить перечень используемых механизмов и оценить их эффективность.

Приоритеты внешней политики ЕС по защите интеллектуальной собственности

В настоящее время в ЕС сложился правовой режим, обеспечивающий функционирование и развитие экономики интеллектуальной собственности в рамках Единого внутреннего рынка. Вклад отраслей, интенсивно использующих права интеллектуальной собственности, в ВВП составляет 42%². Значимость интеллектуальной собственности не ограничена только экономической, социальной или культурной сферой. Предмет особой озабоченности составляет также практика нарушений прав интеллектуальной собственности, например, контрафакт и интеллектуальное пиратство, которые лишают правообладателей доходов от их инвестиций в НИОКР, сокращают объемы продаж и количество рабочих мест, приводят к перемещению бизнеса в государства с более строгим режимом охраны интеллектуальной собственности и отсутствием масштабных нарушений.

¹ Congressional Research Service Report “Intellectual Property Rights and International Trade” (Updated May 12, 2020). URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34292.pdf> (дата обращения: 03.05.2021)

² Status Report on IPR infringement. Why IP rights are important, and fight against counterfeiting and piracy. Alicante: EUIPO, 2020. P. 9.

В течение последних десятилетий ЕС адаптировал право и систему интеллектуальной собственности к перманентно развивающейся экономической среде и новым технологическим условиям совершенствования защиты. В частности, были выдвинуты и реализованы важные инициативы юридически обязательного и добровольного характера по противодействию распространения контрафактной продукции. Для реализации мероприятий, предусмотренных в специальном Плане действий 2001 г. в сфере борьбы с контрафактом и интеллектуальным пиратством на внутреннем рынке была принята Директива 2004/48/ЕС, которая гармонизировала защиту прав интеллектуальной собственности в ЕС. Кроме того, начал действовать Регламент 1383/2003, нацеленный на повышение эффективности таможенных действий для пресечения проникновения контрафактной продукции на внутренний рынок ЕС.

В стратегических документах ЕС, посвященных борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности, например, в Плане действий ЕС, направленном на борьбу с нарушениями прав интеллектуальной собственности 2014 г.¹, пристальное внимание уделяется борьбе с контрафактом из третьих стран (Китай и страны Юго-Восточной Азии). В свою очередь, европейские компании и правообладатели становятся жертвами нарушений прав интеллектуальной собственности в третьих странах, главным образом в развивающихся государствах. В условиях глобализации цепочек создания добавленной стоимости отсутствие надлежащей защиты интеллектуальной собственности в зарубежных юрисдикциях оказывает негативное воздействие на международное торгово-экономическое, инвестиционное и научно-технологическое сотрудничество ЕС с третьими странами и их объединениями.

Рассматриваемую политику не следует воспринимать в качестве односторонне-го продвижения европейских экономических интересов. Она сопряжена с международным сотрудничеством в сфере содействия развитию. Её концептуальная основа – понимание ценности прав интеллектуальной собственности для обеспечения экономического, социального и культурного роста и развития [Correa, Seuba 2019: XX]. Развитым странам, как и странам с формирующейся рыночной экономикой и странам со средним уровнем дохода, эффективное соблюдение и защита прав интеллектуальной собственности позволяет улучшить инвестиционный и деловой климат [Branstetter *et al*, 2007: 21–23], использовать торговый потенциал², развивать международное сотрудничество в сфере передачи технологий [Fink, 2013: 750].

Как показывают аналитические исследования, усиление защиты прав интеллектуальной собственности имеет дискуссионный характер [Fink, Correa 2009]. По-прежнему распространено мнение, что защита прав интеллектуальной собствен-

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee “Towards a renewed consensus on the enforcement of IPRs: An EU Action Plan” // COM(2014) 0392 final (Brussels, 1.07.2014). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0392> (дата обращения: 14.08.2021)

² Creative economy report 2010: A feasible development option, partnership between UNCTAD and the UNDP Special Unit for South-South Cooperation, 2010. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20103_en.pdf (дата обращения: 15.05.2021)

сти менее актуальна или даже контрпродуктивна для развивающихся стран. Тем не менее большинство таких стран в последнее время осознают важность соблюдения прав интеллектуальной собственности для социально-экономического развития и достижения прогресса в международном торгово-экономическом и научно-технологическом сотрудничестве, а также для встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. В итоге страны с развивающейся экономикой все чаще становятся производителями и экспортёрами высокотехнологичной продукции и таким образом получают выгоду от более строгих режимов интеллектуальной собственности. В этих условиях Европейская комиссия ставит две задачи. Во-первых, использовать права интеллектуальной собственности в целях развития, т.е. для содействия инвестициям и инновациям в странах-партнёрах, относящимся к странам с формирующейся рыночной экономикой и к странам со средним уровнем развития. Во-вторых, повысить уровень защиты прав интеллектуальной собственности на рынках третьих стран.

Поскольку внутренние инструменты, доступные правообладателям внутри ЕС, в случае нарушения их прав в третьих странах уже не могут быть использованы, то актуальной становится выработка стратегий европейских компаний в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на рынках третьих стран. Одних лишь корпоративных стратегий здесь явно недостаточно. Поэтому важным аспектом интеграционных процессов ЕС стала единая политика в сфере соблюдения и защиты прав интеллектуальной собственности в других странах в целях создания правовых рамок, позволяющих европейским компаниям и отдельным правообладателям эффективно защищать свои права.

О том, что политика в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах представляет собой важное самостоятельное направление отраслевой, т.е. международной торгово-экономической как, впрочем, и научно-технической политики ЕС, свидетельствуют её стратегические основы. Они содержатся в документах, посвященных стратегическому планированию защиты прав интеллектуальной собственности и противодействию контрафакту и интеллектуальному пиратству¹. Важным достижением современной политики ЕС стало принятие и последующая реализация специальной Стратегии 2004 г.², которая определила долгосрочные направления работы по соблюдению авторских прав, товарных знаков, географических указаний, патентов и промышленных образцов в третьих странах. Оценка Стратегии, проведенная в 2010 г., подтвердила ее результатив-

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee “A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy” // COM(2006) 567 final (Brussels, 4.10.2006). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 09.07.2021)

² Strategy for the enforcement of intellectual property rights in third countries (2005/C29/03) // Official Journal of the European Union C 129, 26.5.2005, pp. 3–16.

ность¹. Следует выделить рекомендацию об оказании более активной помощи правообладателям ЕС в ключевых странах-партнерах, таких как Турция, Индия, Китай, Индонезия, Аргентина, Эквадор и др., посредством службы поддержки защиты прав интеллектуальной собственности. Обращает на себя внимание также рекомендация по улучшению взаимодействия и координации между представительствами ЕС и представительствами государств-членов в третьих странах, что должно быть скоординировано на уровне Европейского союза.

Принятая в 2014 г. обновленная Стратегия² была призвана обеспечить преемственность политики, проводимой ЕС с 2004 г. с учетом значительных технологических и социальных изменений последних десяти лет, а также новых проблем, связанных с обеспечением прав интеллектуальной собственности. В Стратегии 2004 г. были предложены дополнительные направления, такие как обеспечение последовательной роли ЕС на международных форумах по правам интеллектуальной собственности; продолжение многосторонних усилий по совершенствованию международной системы прав интеллектуальной собственности, в том числе путём поощрения дальнейшей ратификации действующих многосторонних договоров; достижение большей согласованности между защитой прав интеллектуальной собственности и другими направлениями внешнеэкономической политики.

Положения новейших стратегических документов, содержащие специальные разделы о внешней политике в сфере интеллектуальной собственности, свидетельствуют о том, что ЕС будет углублять её направления. Сообщение о сбалансированной защите интеллектуальной собственности 2017 г. включило в себя раздел «Борьба с нарушениями интеллектуальной собственности по всему миру»³. Планируется продолжить работу и придать новый импульс подготовке такого механизма, как двухгодичные отчеты о защите и соблюдении прав интеллектуальной собственности в третьих странах, в том числе в зонах свободной торговли. Кроме этого, была подтверждена решимость выявлять не только «физические», но и онлайн-рынки, которые вовлечены в существенные нарушения прав интеллектуальной собственности.

¹ Evaluation of the Intellectual Property Rights Enforcement Strategy in Third Countries. Final report, Vol. I – Main Report. Louvain-la-Neuve, 2010. 87 p. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2011/october/tradoc_148284.pdf (дата обращения: 16.07.2021)

² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee “Trade, growth and intellectual property - Strategy for the protection and enforcement of intellectual property rights in third countries” // COM/2014/0389 final (Brussels, 1.7.2014) URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0389> (дата обращения: 17.07.2021)

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee “A balanced IP enforcement system responding to today’s societal challenges” // COM/2017/0707 final (Brussels, 29.11.2017). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:707:FIN> (дата обращения: 22.05.2021)

В Плане действий в области прав интеллектуальной собственности 2020 г.¹ закреплён переход к новой фазе правовой политики ЕС в сфере интеллектуальной собственности в соответствии с задачей экономического развития в условиях Четвертой промышленной революции на основе стимулирования экономических преобразований с использованием цифровых технологий и декарбонизации производственных процессов. План содержит специальный раздел 6 «Честная игра на глобальном уровне», в котором подтверждена дальнейшая совместная работа Европейской комиссии, государств-членов, других заинтересованных сторон в деле развития глобальных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности.

Защита интеллектуальной собственности в двусторонних торгово-экономических соглашениях ЕС

Важнейшим достижением в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в глобальных масштабах стало заключение в 1994 г. Соглашения ТРИПС. Оно устанавливает минимальные стандарты защиты практически всех категорий прав интеллектуальной собственности, которые должны быть приняты всеми членами ВТО. В многочисленных двусторонних соглашениях Евросоюза в сфере экономического, научно-технологического, таможенного и инвестиционного сотрудничества с третьими странами и их объединениями² традиционно присутствует раздел, посвящённый вопросам соблюдения и защиты интеллектуальной собственности. Особенность данных разделов заключается в установлении более высокого уровня защиты прав интеллектуальной собственности по сравнению с Соглашением ТРИПС³. Считается, что это поможет решить проблему защиты прав интеллектуальной собственности в конкретных странах и обеспечит равные условия для бизнеса ЕС, а также будет стимулировать экономический рост в странах-партнёрах. Последним из заключённых торговых соглашений, в которых содержится раздел о правах

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Making the most of the EU’s innovative potential. An intellectual property action plan to support the EU’s recovery and resilience” // COM(2020) 760 final (Brussels, 25.11.2020). URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13354-2020-INIT/en/pdf> (дата обращения: 22.05.2021)

² EU trade policy, types of trade agreement, status of trade negotiations, search for international trade policies. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/trade-non-eu-countries/trade-agreements_en (дата обращения: 24.05.2021)

³ See: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Region “A Single Market for Intellectual Property Rights. Boosting creativity and innovation to provide economic growth, high quality jobs and first class products and services in Europe” // COM(2011) 287 final (Brussels, 24.5.2011) para. 6.3.2. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0287:FIN:en:PDF> (дата обращения: 24.06.2021)

интеллектуальной собственности и их защите, стало Соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом¹.

В связи с тем, что право интеллектуальной собственности призвано своевременно отвечать на новые проблемы, которые стали результатом широкого использования новейших технологий, в национальные законодательства были включены положения, которые предусматривают более строгий режим защиты прав интеллектуальной собственности по сравнению с минимальными стандартами Соглашения ТРИПС. Особенно отчётливо это проявляется при адаптации авторского права к цифровой среде. Тем не менее новые решения на национальном уровне зачастую не гармонизированы между странами. В свою очередь, новые «интернет-договоры» (Договор ВОИС по авторскому праву 1996 г. и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 г.) не содержат механизмов решения возникающих проблем. В целях стимулирования двусторонней торговли между ЕС и странами-партнёрами предполагается сделать акцент на новых стандартах, которые воспроизводят положения наднационального права интеллектуальной собственности ЕС. Обычно их называют стандартами «ТРИПС-плюс», которые детально изучены в научной литературе [Abbot, 2019: 53–60, Drexl, 2016: 53–84]. Под воздействием ЕС в последнее время страны Восточного партнерства (например, Грузия, Республика Молдова, Украина), а также ряд латиноамериканских государств законодательно закрепили нормативные стандарты, близкие к стандартам законодательства ЕС.

Политику Брюсселя вряд ли стоит рассматривать как навязывание своих норм в качестве универсального стандарта защиты. Так, согласно позиции Европейской комиссии, при заключении торгово-экономических соглашений с третьими странами требуется гибкий подход, учитывающий различные потребности зарубежных стран-партнёров, уровень их развития, факт членства в ВТО. Помимо этого, необходимо принимать во внимание основные проблемы, например, степень защищенности прав интеллектуальной собственности. ЕС предлагает своим торговым партнёрам следовать стандартам «ТРИПС-плюс» и одновременно стимулировать их присоединение к многосторонним международным договорам, таким как Договор о патентной кооперации, Мадридский протокол о регистрации товарных знаков и др. Всё это способно снизить затраты и уменьшить сложности для тех правообладателей ЕС, которые намерены защищать свои права в третьих странах. Другой стратегический подход – стимулирование стран-партнёров к дальнейшей реализации стандартов Соглашения ТРИПС, под воздействием которого в законодательстве таких стран-партнёров, как Канада, Республика Корея, Сингапур и др., произошли изменения. Во многом это содействовало новому витку развития торгово-экономических отношений ЕС с данными странами.

¹ Free Trade Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam (30 March 2020). Section B “Standards concerning intellectual property rights”. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2020:186:FULL&from=EN> (дата обращения: 04.08.2021)

Политика ЕС по усилению защиты интеллектуальной собственности в третьих странах

После принятия Соглашения ТРИПС началась поэтапная реализация его положений, которые предусматривают минимальные стандарты защиты прав интеллектуальной собственности на национальном уровне. Однако это не решило всех проблем, о чём свидетельствует, в частности, рост пиратства и контрафакции в глобальных масштабах. Для развивающихся стран характерен невысокий уровень исполнения законов и недостатки в правоприменительной практике (несвоевременность регистрации прав, отсутствие у должностных лиц достаточных знаний и должного уровня подготовки в сфере права интеллектуальной собственности, неготовность судов применять сдерживающие меры и т.д.). Это осложняет доступ европейских правообладателей к эффективным средствам правовой защиты в целом ряде стран-партнёров. Следовательно, ЕС стремится сделать положения о правоприменении в сфере интеллектуальной собственности в двусторонних и многосторонних соглашениях более функциональными. С этим связано включение правоприменительной практики в повестку встреч на высшем уровне, а также их рассмотрение в рамках советов и комитетов, созданных в рамках двусторонних торгово-экономических и инвестиционных соглашений.

Политика ЕС исходит из того, что организационные усилия и информационные ресурсы должны быть сосредоточены на наиболее важных торговых партнерах, именуемых «приоритетными странами», которых определяют на основе фактического или потенциального объема торговли с ЕС. Информация о соблюдении в них прав интеллектуальной собственности отражается в специальных обзорах¹. Действия по устранению выявленных недостатков тщательно отслеживаются через контрольные списки², в которых содержится перечень зарубежных компаний-нарушителей прав интеллектуальной собственности, включая онлайн-платформы электронной торговли.

Собранная информация позволяет воссоздать общую картину, необходимую для запуска механизма урегулирования споров или же других средств правовой защиты в случае нарушения прав европейских правообладателей. Европейская комиссия в определенных случаях использует механизм разрешения споров в ВТО, а также задействует инструменты урегулирования споров, предусмотренные в двусторонних соглашениях в случае несоблюдения взаимосогласованных стандартов защиты интеллектуальной собственности. В настоящее время большую значимость

¹ Commission staff working document. Report on the protection and enforcement of intellectual property rights in third countries // SWD(2021) 97 final (Brussels, 27.4.2021). URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/april/tradoc_159553.pdf (дата обращения: 30.07.2021)

² Commission staff working document. Counterfeit and Piracy Watch List // SWD(2018) 492 final (Brussels, 7.12.2018). URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/december/tradoc_157564.pdf (дата обращения: 01.08.2021)

приобрел комплекс инструментов по защите справедливой торговли (TDIs)¹, который расширяет возможности по соблюдению прав интеллектуальной собственности согласно международным торговым отношениям.

В случае, когда сотрудничество дает ограниченные результаты, или когда власти стран-партнёров не желают сотрудничать, вполне возможно ограничение участия данных стран в программах, финансируемых ЕС. Такое средство защиты Брюссель рассматривает в качестве санкций, направленных на то, чтобы третьи страны вводили и применяли эффективные меры для борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности. Однако введение подобных санкций ограничивается принципом ВТО о недискриминации в торговых отношениях. В свою очередь, ЕС полагает, что использование данного средства чревато ростом напряженности в партнёрских отношениях.

К эффективным инструментам обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, согласно двусторонним и многосторонним международным соглашениям, относится политический диалог. Смежной инициативой выступает создание рабочих групп по интеллектуальной собственности, которые предполагают регулярное взаимодействие между ЕС и соответствующими органами в третьих странах. Основными акторами диалогов и рабочих групп со стороны ЕС являются службы Европейской комиссии (Ведомство по товарным знакам и образцам, Европейское патентное ведомство, Управление гармонизации внутреннего рынка). Они проводят диалоги и организуют рабочие группы со странами Андского сообщества, государствами Центральной Америки, Канадой, Китаем, Турцией и др.² Задача диалогов и рабочих групп – выдвижение и обсуждение новых инициатив, прояснение позиций, а также своевременное обнаружение проблем, что в ряде случаев позволяет избежать споров и введения строгих мер, например, санкций.

Изъяны в праве и системе интеллектуальной собственности в странах-партнерах ЕС, создавая трудности для европейских правообладателей, одновременно затрудняют развитие международных торгово-экономических отношений и, как следствие, создают проблемы в социально-экономическом развитии стран-партнёров. Так, во многих странах качество патентной экспертизы значительно ниже, чем в ЕС. Это не только приводит к предоставлению сомнительных патентных прав, что создаёт препятствия для экономической деятельности в определённых производственных секторах, а также к длительным судебным разбирательствам. Поэтому техническая помощь направлена на решение указанных проблемных вопросов. Она охватывает такие мероприятия, как обучение должностных лиц, повышение осведомленности общественности, помощь в совершенствовании законодательной техники и т.д. ЕС реализует гибкий курс, который учитывает уровень развития и институционального потенциала стран-партнёров, факт их членства в

¹ EU trade defence policy. URL: <http://ec.europa.eu/trade/tackling-unfair-trade/trade-barriers> (дата обращения: 20.06.2021)

² European commission. Intellectual property. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/cfm/doclib_section.cfm?sec=180&langId=en (дата обращения: 21.07.2021)

ВТО, их принадлежность к той или иной категории (страна производства, страна транзита или потребления поддельных товаров)¹. Учитывается также характер проблем с точки зрения прав интеллектуальной собственности.

В настоящее время Европейская комиссия реализует три ключевые программы сотрудничества в области интеллектуальной собственности со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, а также с Китаем. Они рассчитаны на период 2017–2021 гг.² Согласно решению Европейской комиссии, финансирование данных программ будет продлено на последующие годы³. Данные меры помогут компаниям из указанных стран выйти на европейские рынки с учётом требований в области защиты и соблюдения прав интеллектуальной собственности. На этом фоне новшеством стал запуск в сентябре 2020 г. четырёхлетней программы сотрудничества для Африки (AfrIPI)⁴ с целью улучшения стандартов защиты и обеспечения прав интеллектуальной собственности на африканском континенте и поддержки panaфриканских переговоров о свободной торговле. Программа также нацелена на укрепление потенциала малых и средних предприятий (далее – МСП) в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в африканских странах.

Наконец, Комиссия осуществляет своего рода адресную помощь европейским правообладателям по защите их прав. Наличие опыта на местах очень полезно как для помощи правообладателям ЕС, главным образом, МСП, так и для облегчения взаимодействия органов Евросоюза с местными властями. Несколько государств-членов (Германия, Франция, Нидерланды и др.) имеют атташе по интеллектуальной собственности. В дополнение к этому Комиссия учредила службы поддержки для оказания помощи компаниям ЕС, особенно МСП. Службы работают в Китае, Юго-Восточной Азии, Индии и Южной Америке⁵. Они нацелены на то, чтобы европейские МСП могли принимать оптимальные решения о защите прав интеллектуальной собственности для своего бизнеса и гарантировать эффективную защиту их нематериальных активов. В качестве важного инструмента поддержки выступают рекомендации, направленные на защиту прав интеллектуальной собственности в

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Trade, growth and development. Tailoring trade and investment policy for those countries most in need” // COM(2012)22 final (Brussels, 27.1.2012). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0022> (дата обращения: 21.07.2021)

² IP Key China. URL: <http://www.ipkey.org/en> (дата обращения: 13.07.2021)

³ Commission Implementing Decision of 5.5.2020 on the financing of the 2020 Partnership Instrument Annual Action Programme for cooperation with third countries to be financed from the general budget of the European Union // C(2020) 2779 final // Annexes no. 24–26. URL: https://ec.europa.eu/fpi/system/files/2021-05/27_Partnership%20Instrument%202020.pdf (дата обращения: 19.06.2021)

⁴ Intellectual property rights and innovation in the Africa (AfrIPI). URL: <https://internationalipcooperation.eu/en/afripi> (дата обращения: 17.05.2021)

⁵ International IP SME Helpdesk. URL: https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/index_en (дата обращения: 18.05.2021)

целевых странах (Китай, Россия, Бразилия и др.)¹, что одновременно способствует распространению опыта в области интеллектуальной собственности в рамках инициатив ЕС, поддерживающих международную экспансию европейских МСП.

Заключение

Проведённое исследование приоритетов, направлений и инструментов политики ЕС по обеспечению защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах как составная часть внешнеэкономической стратегии позволяет сделать выводы, что Брюссель выполняет свои обязательства в сфере содействия развитию. На это указывает стремление к балансу между защитой прав европейских правообладателей в третьих странах и обеспечением того, чтобы право и система интеллектуальной собственности в странах-партнёрах наилучшим образом содействовали инклюзивному и устойчивому экономическому росту. Именно в таком ключе следует рассматривать проекты технической помощи, направленные на гармонизацию процедур и стандартов в области интеллектуальной собственности. Всё это дополняют программы содействия правовому просвещению в сфере интеллектуальной собственности.

Несмотря на достигнутые положительные результаты, например, включение тематики защиты прав интеллектуальной собственности в повестку международного сотрудничества и совершенствование механизмов защиты прав интеллектуальной собственности в третьих странах, увеличивается поток контрафактной продукции на внутренний рынок ЕС. Причина этого – в достаточно мягкой внешней политике Евросоюза в сфере защиты интеллектуальной собственности и нежелании принимать жесткие меры, например, санкции. ЕС будет и далее следовать, во-первых, выбранному курсу по сочетанию двустороннего сотрудничества со странами-партнёрами и политикой в рамках ВТО и ВОИС, направленной на развитие глобальных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности. Во-вторых, Европейский союз будет совершенствовать стратегические направления сотрудничества и одновременно разрабатывать новые его механизмы. Это потребует наращивания усилий ЕС по консолидации позиций государств-членов, активной реализации новых положений наднационального права интеллектуальной собственности, а также ускоренной ратификации универсальных договоров в области охраны интеллектуальной собственности всеми государствами-членами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Интеллектуальная собственность в современном мире (2019). Под ред. И.А. Близнаца. Проспект, Москва, Россия. 672 с.

¹ European commission. Protecting IP in third countries. URL: <https://euipo.europa.eu/ohimportal/web/observatory/protecting-ip-in-third-countries> (дата обращения: 01.07.2021)

Ломсадзе Д.Г., Дедюрина Е.О. (2019) Актуальные проблемы теневой экономики: опыт ЕС по борьбе с контрафактной продукцией и возможности его адаптации в России. ООО «РИТМ», Воронеж, Россия. 136 с.

Abbot F. et al (eds.) (2019) *International Intellectual Property in an Integrated World Economy*. 4th edition. Wolters Kluwer, New York. 1056 p

Baldwin R. E., Wyplosz Ch. (2019) *The Economics of European Integration*. 6th ed. McGraw-Hill Education, London.

Branstetter L. et al (2007) Intellectual Property Rights, Imitation, and Foreign Direct Investment: Theory and Evidence. Working Paper no 13033. Cambridge, National Bureau of Economic Research.

Correa C., Seuba X. (eds.) (2019) *Intellectual Property and Development: Understanding the Interfaces*. Springer Nature, Singapore.

Drexl J. The Concept of Trade-Relatedness of IPRs in Times of Post-TRIPS Bilateralism (2016) In: Ullrich H., Hilty R., Lamping M. (eds.) *TRIPS plus 20: From Trade Rules to Market Principles*. Springer, Heidelberg, pp. 53–84.

European Free Trade System and Policy Handbook. (2017) Vol. 1: Integration, Policy, Regulation. International Business Publications. Washington, DC.

Fink C., Correa C. M. (2009) The Global Debate on the Enforcement of Intellectual Property Rights and Developing Countries. ICTSD, Geneva.

Fink C. (2013) Intellectual Property Rights: Economic Principles and Trade Rules. In: Lukauskas A. et al *Handbook of Trade Policy for Development*. Oxford, Oxford University Press, pp. 740–767.

Krizic I., Serrano, O. (2017) Exporting Intellectual Property Rights to Emerging Countries: EU and US Approaches Compared, *European Foreign Affairs Review*, 2017, vol. 22, special issue, pp. 57–75.

Seuba X. (2017) *The Global Regime for the Enforcement of Intellectual Property Rights*. Cambridge University Press, Cambridge, New York.

European Union's Policy in the Area of Protection of Intellectual Property Rights in a Third Countries: Priorities and Main Directions

M.V. Shugurov*

Doctor of Science (Philosophy)

Saratov State Law Academy. 1, Volskaya Street, Saratov, Russia, 410056.

***E-mail:** shugurovs@mail.ru

Abstract. The article conceptually systematizes priorities and main directions of the EU foreign policy in the area of intellectual property rights protection in third countries. In order to achieve this goal, the author explores the strategic foundations of this policy, its mechanisms, the organizational structure and its focus on increasing global competitiveness of the EU. The research highlights the EU's strategic adherence to the TRIP-plus standards, while promoting universal standards for the protection of intellectual property rights of third countries markets. It is outlined that the EU's commitment to keep balance between protecting the European rights holders in third countries and to ensure that the law and the intellectual property system in its partner countries support an inclusive economic growth and

social development. It is concluded that the EU will stick to chosen course of combining bilateral cooperation with partner countries and the policy pursued by the EU within the framework of the WTO and WIPO aiming at developing global standards of intellectual property rights protection. The EU will improve the strategic directions of cooperation and, at the same time, will develop new mechanisms. Additional aspects of EU interests in third countries are largely associated with the further consolidation of the member states positions.

Key words: intellectual property law, European Union, foreign economic policy, technical assistance, counterfeiting, partner countries.

DOI: 10.31857/S0201708322010107

REFERENCES

- Abbot F. et al (eds.) (2019) *International Intellectual Property in an Integrated World Economy*. 4th edition. Wolters Kluwer, New York. 1056 p
- Baldwin R. E., Wyplosz Ch. (2019) *The Economics of European Integration*. 6th ed. McGraw-Hill Education, London.
- Branstetter L. et al (2007) Intellectual Property Rights, Imitation, and Foreign Direct Investment: Theory and Evidence. Working Paper no 13033. Cambridge, National Bureau of Economic Research.
- Correa C., Seuba X. (eds.) (2019) *Intellectual Property and Development: Understanding the Interfaces*. Springer Nature, Singapore.
- Drexl J. The Concept of Trade-Relatedness of IPRs in Times of Post-TRIPS Bilateralism (2016) In: Ullrich H., Hilty R., Lamping M. (eds.) *TRIPS plus 20: From Trade Rules to Market Principles*. Springer, Heidelberg, pp. 53–84.
- European Free Trade System and Policy Handbook*. (2017) Vol. 1: Integration, Policy, Regulation. International Business Publications. Washington, DC.
- Fink C., Correa C. M. (2009) The Global Debate on the Enforcement of Intellectual Property Rights and Developing Countries. ICTSD, Geneva.
- Fink C. (2013) Intellectual Property Rights: Economic Principles and Trade Rules. In: Lukauskas A. et al *Handbook of Trade Policy for Development*. Oxford, Oxford University Press, pp. 740–767.
- Intellektual'naya sobstvennost' v sovremennom mire* [Intellectual property in the modern world]. (2019) Pod red. I.A. Blizneca. Prospekt, Moscow, Russia. 672 p. (in Russian).
- Krizic I., Serrano, O. (2017) Exporting Intellectual Property Rights to Emerging Countries: EU and US Approaches Compared, *European Foreign Affairs Review*, 2017, vol. 22, special issue, pp. 57–75.
- Lomsadze D.G., Dedyurina E.O. (2019) Aktual'nye problemy tenevoj ekonomiki: opyt ES po bor'be s kontrafaktnoj produkciej i vozmozhnosti ego adaptacii v Rossii [Actual problems of the shadow economy: the EU's experience in combating counterfeit products and the possibilities of its adaptation in Russia]. (2019): OOO «RITM», Voronezh, Russia, 136 p. (in Russian).
- Seuba X. (2017) *The Global Regime for the Enforcement of Intellectual Property Rights*. Cambridge University Press, Cambridge, New York.

УДК 330.88

ПРИГРАНИЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

© 2022 В.А. Шлямин*

Доктор экономических наук

Институт североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет. 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33.

***E-mail:** vshlyamin@yandex.ru

© 2022 Е.Г. Гладких*

Кандидат экономических наук

Институт экономики и права, Петрозаводский государственный университет. 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33.

***E-mail:** martyukova_e@mail.ru

Поступила в редакцию 12.10.2021

После доработки 14.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Российско-финляндские приграничные экономические связи (ПЭС) уже многие годы привлекают внимание учёных всего мира как пример плодотворного многолетнего добрососедства стран с различными масштабами и структурами национальных и сопредельных региональных экономик, политической ориентацией государств. В статье проанализировано современное состояние российско-финляндских ПЭС. События на Украине 2014 г. вызвали резкое политическое охлаждение ЕС и РФ. Возникла угроза для добрососедских отношений России и Финляндии. Проанализировав существующие в сфере ПЭС формальные институты, авторы пришли к выводу о необходимости их совершенствования. Проблемы координации экономического сотрудничества на данном этапе могут решить только правительства двух стран. Анализируя социокультурные факторы, авторы показали, что Хельсинки и Москва обладают потенциалом сближения. Особое внимание уделено проблеме доверия на всех уровнях ПЭС и сформулированы рекомендации по совершенствованию формальных и неформальных институтов двустороннего приграничного экономического сотрудничества

Ключевые слова: российско-финляндские экономические отношения, приграничное экономическое сотрудничество, институты, культура, доверие.

DOI: 10.31857/S0201708322010119

Россия стремится установить со всеми 18 странами-соседами, в том числе и с Финляндией, взаимовыгодные приграничные экономические связи (ПЭС), рассматривая их как важный инструмент создания пояса добрососедства по всему периметру государственной границы. Отметим, что финские партнёры высоко оценивают экономическое взаимодействие с нашей страной. Так, в 2005 г., в Торгово-экономической стратегии Финляндии по отношению к России, подготовленной национальным фондом при парламенте Суоми «Ситра», сформулирован следующий ключевой тезис: «Возможности сотрудничества, которые предлагает развитие России, вполне могут оказаться одним из важных факторов, обеспечивающих готовность Финляндии к будущим испытаниям и сохранение благосостояния своего общества. Финляндия не может себе позволить не инвестировать в Россию» [От торговли... 2005: 10]. Несмотря на резкое обострение ситуации в Европе в 2014 г., которое, безусловно, негативно повлияло на российско-финляндские отношения, Суоми стремится сохранить свои позиции в экономическом взаимодействии с Россией. 29 марта 2021 г. президент С. Ниинистё подчеркнул: «Вместо нынешнего диалога, при котором мы остаёмся глухими друг к другу, нам нужен диалог, который на самом деле преодолевает границы. Это диалог, который принимает во внимание наши разногласия, но стремится укрепить доверие и найти наши общие знаменатели» [Президент... 2021].

Российско-финляндские ПЭС вот уже многие годы привлекают внимание учёных многих стран своим масштабом, довольно успешным использованием специализации и конкурентных преимуществ национальных экономик стран-соседей и сопредельных регионов.

Конечно, существуют факторы, сдерживающие развитие приграничных экономических связей. Прежде всего, это системные ограничения национальных экономик. Для России характерны структурные проблемы, связанные с преимущественно сырьевой направленностью производственных секторов, слабый уровень межрегиональных связей, низкая конкурентоспособность многих видов производств. Системные ограничения экономики Финляндии проявляются в относительно более высоких издержках производства и узости внутреннего рынка.

К системным ограничениям в последние семь лет добавились проблемы, которые можно определить как новые вызовы. Резкое охлаждение политических отношений РФ с ЕС, начавшееся в 2014 г., обострение экологических проблем, особенно на Севере Европы и в Арктике, пандемия коронавируса. Каждый из этих факторов и их совокупность побуждают корректировать внешнеэкономическую стратегию Москвы по отношению к государствам-соседам.

Информационной базой исследования послужили официальные публикации органов государственной власти двух государств, а также Росстата, Банка России, таможенных и статистических служб, материалы заседаний межправительственных российско-финляндских комиссий (МПК), данные Торгпредства РФ, труды отечественных и зарубежных учёных, личные наблюдения авторов в ходе участия в проектах и мероприятиях ПЭС.

Роль приграничного экономического сотрудничества в российско-финляндских экономических отношениях

Традиционно к приграничным территориям относят субъекты федерации, непосредственно прилегающие к государственной границе России. Реже встречается определение федерального округа как приграничной территории. Если исходить из необходимости комплексного учёта наиболее значимых факторов для государственного пространственного планирования в макрорегионах РФ, считать Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) приграничной территорией вполне оправдано. Авторы в своём анализе использовали оба подхода.

Финляндия многие годы входит в группу 15 стран – крупнейших торгово-экономических партнёров России по показателю товарооборота и в десятку – по торговле услугами. При этом наши страны, отличаясь по масштабам национальных экономик, их структуре, специализации в мировой экономике, сумели воспользоваться возможностями добрососедства. Для России Финляндия особенно ценна как технологический партнёр. В отличие от большинства других высокоразвитых стран Запада, Финляндия обладает опытом технологической и производственной кооперации с РФ.

В Таблицах 1 и 2 показана динамика товарооборота СЗФО и его приграничных субъектов с Финляндией с 2014 по 2020 гг. При этом на долю Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Республики Карелия и Мурманской области, прилегающих к границе с Суоми, приходится более 84% товарооборота¹. В динамике товарооборота СЗФО и Финляндии прослеживается влияние на него экономического кризиса 2014 г., совпавшего с резким падением цен на нефть и с начавшимся в этом же году санкционным противостоянием США, ЕС и России. Отметим, что, начиная с 2017 г., товарооборот начал довольно быстро восстанавливаться. Однако за последние семь лет, как никогда за период после Второй мировой войны, обострение политической обстановки в мире подвергает серьёзному испытанию добрососедские отношения.

По данным ФТС России, внешнеторговый оборот РФ с Финляндией за первое полугодие 2021 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 16,6%, а российский экспорт – на 10,4%. Сегодня сложно прогнозировать дальнейший ход событий. Однако возврата к объёмам двусторонней торговли докризисного 2013 г., судя по всему, придётся ожидать, как минимум, пять лет.

Важной особенностью ПЭС России и Финляндии являются крупные объёмы транзитных грузоперевозок через приграничные территории. Транспортно-логистическая и таможенная инфраструктура Санкт-Петербурга и Ленинградской области обслуживает практически все внешнеторговые сделки отечественных участников ВЭД из глубинных территорий страны и финских партнёров. По данным Таможенной службы Финляндии, за последние десять лет объём международ-

¹ Рассчитано авторами по данным СЗТУ ФТС России. URL: <http://customs.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2021)

ного транзита товаров через российско-финляндскую границу в третьи страны колеблется от 7 до 4 млрд евро¹.

Таблица 1

Динамика товарооборота Северо-Западного федерального округа с Финляндией
(млн долл. США)

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Товарооборот	4781,1	2669,0	2540,1	3900,1	4078,9	4493,6	3626,7
Экспорт	2715,4	1472,3	1487,3	2054,5	2573,6	2908,4	2898,0
Импорт	2065,7	1196,7	1052,8	1845,6	1505,3	1585,2	1131,3
Доля Финляндии в приграничной торговле СЗФО, %	36,0	37,2	27,1	32,5	29,8	30,8	28,9
Доля Финляндии во внешнеторговом обороте России, %							
	2,0	1,9	1,9	2,1	2,1	2,0	1,8
СЗФО, %	4,5	3,8	4,0	5,1	4,6	5,1	4,7
Место Финляндии во внешнеторговом обороте России							
	15	15	15	15	14	15	14
СЗФО	5	5	7	4	5	5	5
Место Финляндии в экспорте России							
	14	14	13	13	12	13	13
СЗФО	4	6	6	6	5	5	5

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной таможенной службы России и Северо-Западного таможенного управления ФТС России. URL: <http://customs.gov.ru>, URL: <http://sz.tu.customs.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2021)

По объёму международного транзита товаров Финляндия наряду с Китаем является ведущим партнёром нашей страны. Москва и Хельсинки в разных формах вовлечены в реализацию концепции «Пояс и путь». Согласно с мнением В. П. Фёдорова, который полагает, что «в случае её реализации будет создана трансевразийская транспортная и логистическая инфраструктура «от Лиссабона до Шанхая», новые территории развития и благополучия» [Европа... 2019: 604]. Открываются реальные перспективы наращивания объёмов мультимодальных перевозок контейнеров по международному маршруту Китай – Россия – Северная Европа – Китай. При этом китайские партнёры России и Финляндии изучают возможности наращивания транзитных перевозок через территорию СЗФО и через международные автомобильные и железнодорожные пункты пропуска севернее Санкт-Петербурга, которые могут в обозримом будущем не справиться с растущим объёмом транзита.

¹ Данные Таможенной службы Финляндии. URL: <http://tulli.fi> (дата обращения: 16.05.2021)

Таблица 2

Динамика товарооборота, экспорта и импорта приграничных субъектов Российской Федерации и Финляндии
(в текущих ценах, млн долл. США)

	2017	2018	2019	2020
Санкт-Петербург				
Товарооборот	1590,8	1196,0	1530,8	999,2
Экспорт	367,8	328,4	461,0	319,0
Импорт	1222,0	867,6	1069,8	680,8
Ленинградская обл.				
Товарооборот	731,4	799,3	919,4	719,6
Экспорт	382,4	489,7	627,6	506,4
Импорт	349,0	309,6	291,8	213,2
Республика Карелия				
Товарооборот	324,9	324,4	296,1	260,9
Экспорт	260,3	278,3	236,2	204,7
Импорт	64,6	46,1	59,9	56,2
Мурманская обл.				
Товарооборот	706,6	835,1	941,8	941,2
Экспорт	668,0	822,0	932,1	927,3
Импорт	38,6	13,1	9,7	14,0

Источник: составлено авторами по данным Северо-Западного таможенного управления ФТС России URL: <http://sztu.gov.ru>; URL: <http://statimex.ru> (дата обращения: 16.05.2021)

Товарная структура экспорта России имеет преимущественно сырьевую направленность. В 1983 г., когда был зафиксирован пик в товарообороте СССР и Финляндии, поставки нефти и нефтепродуктов достигли 76% в структуре советского экспорта. При этом заметим, что в этом же году на долю отечественных машин и оборудования пришлось 3,2%¹. Структура товарооборота России и Финляндии, СЗФО и Финляндии за длительное время мало изменилась. Как видно из Таблицы 3, в 2014–2020 гг. доля нефти и нефтепродуктов несколько снизилась по сравнению с серединой 1980-х гг. Однако до сих пор перепады цен на углеводородное сырьё на мировом рынке сильно влияют на объём российского экспорта. Нашей стране не удалось достичь уровня поставок машин, оборудования и транспортных средств в Финляндию, который был в середине 1980-х гг. Дело не только в использовании системы клиринговой торговли. В 1970-х и 1980-х гг. целый ряд советских проектных организаций и машиностроительных предприятий совместно с высокотехнологичными финскими фирмами удачно использовали различные формы производственной кооперации в совместных проектах [Шлямин, 2019; Сотрудничество...1990].

¹ Внешняя торговля СССР в 1983 году: Стат. Сборник. Министерство внешней торговли СССР. М.: Финансы и статистика, 1984, С. 172–174.

Таблица 3

Структура товарооборота приграничных российских территорий, Российской Федерации и Финляндии по основным группам товаров в 2014–2020 гг.
Доля по стоимости (%)

Экспорт приграничных российских территорий, Северо-Западного федерального округа и Российской Федерации						
Наименование товарной группы, код ТН ВЭД	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Республика Карелия	Мурманская обл.	СЗФО	РФ
Топливо минеральное, нефть, нефтепродукты, электроэнергия (25–27)	45,0	39,6	0,4	-	34,1	56,1
Древесина и изделия из неё (44–49)	27,2	18,4	62,9	0,1	21,6	6,1
Металлы, изделия из них (71–83)	5,7	1,9	0,4	99,2	23,0	14,3
Продукция химической промышленности, каучук (28–40)	2,6	32,4	1,4	0,6	14,1	5,7
Машины и оборудование, транспортные средства (84–90)	11,3	2,1	2,3		4,4	1,6
Руды и концентраты железные (260112)	-	-	27,9			1,2
Импорт приграничных российских территорий, Северо-Западного федерального округа и Российской Федерации						
Наименование товарной группы, код ТН ВЭД	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Республика Карелия	Мурманская обл.	СЗФО	РФ
Машины и оборудование, транспортные средства (84–90)	34,0	48,1	22,5	79,9	33,4	38,0
Продукция химической промышленности, каучук (28–40)	14,7	17,8	3,4	0,5	18,4	19,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия, книги, бумага, картон (44–49)	15,0	15,9	25,5		15,3	15,4
Металлы, изделия из них (71–83)	13,7	8,4	1,5	14,7	12,2	8,8
Продовольственные товары и с/х сырьё (01–24)		2,8	37,7	3,3	3,4	2,9
Минеральные продукты (72–83)	2,0			2,5		

Источник: Составлено авторами по данным Федеральной таможенной службы России и Северо-Западного таможенного управления ФТС России URL:<http://customs.gov.ru>; URL:<http://sztu.customs.gov.ru>; URL:<https://statimex.ru> (дата обращения: 15.05.2021)

Прогрессивный опыт производственной кооперации стран-соседей вполне может быть использован и в XXI в. Совместные проекты производственной кооперации осуществляются и в настоящее время, однако в более скромных масштабах. Выделим наиболее успешное взаимодействие в сфере арктического судостроения. Опыт и технологии Финляндии, перенесённые в Россию, востребованы в процессе импортозамещения. В свою очередь, финская сторона проявляет интерес к прогрессивным российским технологиям в атомной энергетике, в медицине и других отраслях.

Что касается современного состояния и перспектив *инвестиционного сотрудничества*, то, по данным Банка России на 1 апреля 2021 г., объём финских прямых накопленных инвестиций в Россию составил 6209 млн долл. США, а объём накопленных российских инвестиций в Финляндию составил 3276 млн долл. США¹. Для того чтобы приблизиться к достоверной оценке масштаба инвестиционной деятельности, аналитические центры используют мониторинг инвестиционных проектов. По данным Торгпредства РФ в Финляндии, подтверждённым Министерством экономики и занятости Финляндии, объём инвестиций финских компаний в Россию, с учётом вложений по всем каналам (включая офшорные зоны), за последние 25 лет оценивается в 14 млрд долл. США. Около трети этого объёма сосредоточено в СЗФО.

Следует принять во внимание социальный эффект от развития ПЭС. При сложившейся структуре двусторонней внешней торговли показатели производительности труда на основных предприятиях-экспортёрах по обе стороны границы, в далеко не самом благополучном 2020 г. в СЗФО, благодаря экспорту в Финляндию, было образовано и сохранено не менее 20 тыс. рабочих мест. В свою очередь, экспорт Финляндии в СЗФО в 2020 г. позволил стране-соседу сохранить около 9 тыс. рабочих мест.

Казалось бы, накопленный уникальный опыт совместного предпринимательства, торговли и инвестирования должен придавать уверенность российским и финским деловым кругам в том, что в ПЭС существует значимый потенциал развития. Однако новые внешнеполитические вызовы, столкновение экономических интересов в Арктике и на Севере Европы крупных держав, трудно прогнозируемые последствия пандемии и быстрого изменения климата – всё это требует от обеих стран поиска стратегических решений и мер по сохранению добрососедства.

В связи с важной ролью ПЭС необходимо обратить внимание на необходимость совершенствования институциональной среды.

Нормативная база приграничного экономического сотрудничества России и Финляндии

В Концепции приграничного сотрудничества в РФ, утверждённой Распоряжением правительства РФ № 2577-р от 7 октября 2020 г., наряду с прочим, сформулирован важнейший принцип – учёт особенностей приграничных территорий России и

¹ Источник: сайт Банка России <http://www.cbr.ru/vfs/statistics> (дата обращения: 16.05.2021)

сопредельных государств. Важно не только учитывать названные особенности, но и иметь долгосрочную стратегию по отношению к каждой стране-соседу.

В общей сложности правовая база ПЭС опирается на более чем 70 двусторонних соглашений. Безусловно, российские участники этого сотрудничества руководствуются отечественным законодательством, а также документами стратегического планирования, утверждёнными президентом и правительством РФ.

К сожалению, стратегическое планирование в макрорегионах не лишено недостатков. Так, до сих пор не принята Стратегия социально-экономического развития СЗФО на период до 2030 г.

В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. приграничные субъекты СЗФО отнесены к геостратегическим территориям, на которых предусматривается ускоренное социально-экономическое развитие. При этом не совсем понятно, за счёт каких ресурсов предполагается добиться этого ускорения. Назрела необходимость создать в федеральных округах территориальные органы правительства РФ с целью координации социально-экономического развития субъектов федерации, что позволит заметно повысить эффективность ПЭС.

Российско-финляндская межправительственная комиссия как институт двустороннего государственно-частного партнёрства

На площадке российско-финляндской межправительственной комиссии (МПК) по экономическому сотрудничеству обсуждают проблемы, которые препятствуют совместному предпринимательству и инвестированию, апробируют идеи по совершенствованию нормативной базы, рассматривают перспективные проектные инициативы. Приграничные российские регионы именно на платформе МПК добились наиболее значимых для себя результатов.

Граница постепенно утрачивает роль жёсткого барьера. Хоть и медленнее, чем хотелось бы, но всё же совершенствовались таможенное и пограничное администрирование, формы взаимодействия сопредельных территорий. Так, в феврале 2000 г. был создан еврорегион «Карелия». Этот проект успешно действует двадцать один год и задолго до появления Европейского инструмента соседства позволил объединить усилия и ресурсы по поддержке приоритетных совместных проектов на взаимовыгодной основе. Позитивный опыт сотрудничества в формате этого еврорегиона описан в различных источниках [Шлямин, 2007; Cronberg, 2000].

13 апреля 2012 г. в Хельсинки было подписано Соглашение между правительствами России и Финляндии о содействии приграничному сотрудничеству. Стороны договорились осуществлять взаимодействие в разработке и реализации стратегий территориального развития приграничных регионов. Координация приграничного сотрудничества была возложена на МПК. Однако уже вскоре после создания новой МПК, участникам ПЭС стало ясно, что этот институт не в состоянии оказывать ощутимого влияния на деловой климат приграничных связей. Практически все значимые вопросы ПЭС продолжает решать МПК по экономическому сотрудничеству («Большая комиссия»).

Социокультурные факторы в развитии ПЭС

При выстраивании международных связей важную роль играют факторы культуры и доверия¹. За последние 20 лет появилось много исследований, посвященных роли культуры и доверия (в более широком смысле – социального капитала²) в экономическом развитии. Сформировалось даже самостоятельное исследовательское направление – социокультурная экономика [Аузан и др., 2020]. Доказано, что культура оказывает влияние на самые различные аспекты экономического развития стран: экономический рост [Algan, Cahuc, 2010], динамику инноваций [Gorodnichenko, Roland, 2011], качество работы формальных институтов [Alesina, Giuliano, 2015], развитие финансовых рынков [Guiso et al., 2004], интенсивность межстрановой торговли и уровень прямых иностранных инвестиций [Ghemawat, 2001], спрос общества на регулирование [Alesina et al., 2015] и др.

За это время были разработаны более десятка способов измерения культуры: методики Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Ш. Шварца и другие³ позволяют проводить межстрановые сравнения и использовать полученные данные не только для понимания особенностей национальных культур, но и, что самое важное, для повышения эффективности выбора и реализации различных социально-экономических программ. Это может иметь особое значение для развития приграничного сотрудничества: использование конкурентных преимуществ, обусловленных культурой, гармонизация формальных институтов и культуры позволят повысить эффективность разработки и реализации программ ПЭС.

В свете вышеизложенного возникают следующие вопросы. Как измерить культурную дистанцию между Россией и Финляндией? На какие особенности российской культуры можно опереться при развитии контактов с финскими партнерами? Есть ли региональные социокультурные особенности приграничных территорий, которые могут быть использованы для повышения эффективности реализации программ ПЭС? Как повысить уровень доверия в двусторонних отношениях?

Разница в характере и уровне развития формальных институтов России и Финляндии фиксируется по многим доступным на сегодня эмпирическим данным. Так, эксперты Всемирного Банка ежегодно оценивают уровень управления в различных странах по шести индикаторам. Важнейший среди них – Индекс верховенства права отражает, в какой степени население доверяет законам в целом и соблюдает их. Он принимает значения от -2.5 до +2.5 и обобщает восприятие обществом уровня

¹ Под культурой в экономике сегодня понимают ценности и убеждения, разделяемые определенным обществом, передаваемые из поколения в поколение и медленно меняющиеся во времени. См., например, Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2013) Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов. Журнал экономической теории. № 4. С. 50.

² Социальный капитал характеризует то, насколько в группе людей или обществе в целом распространены нормы честности, доверия и кооперации [Putnam, R. D. Bowling alone. Simon & Schuster. 2000].

³ См., например, обзор: Никишина Е. Н. (2015). Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 5. С. 3–21.

исполнения контрактов, степени защиты прав собственности, качества работы полиции и судов, вероятности насилия и преступлений. Считается, что показатель верховенства права в целом отражает качество институтов в стране. По состоянию на 2019 г. значение индекса для России составляет $-0,7$, в то время как Финляндия имеет показатель $2,0$ ¹.

Разницу в ценностных установках обществ двух государств можно наблюдать по открытым и доступным данным Всемирного исследования ценностей, Г. Хофстеде и др. Особенно внимания заслуживает проблема доверия. Анализ данных Всемирного исследования ценностей² показывает, что уровень обобщенного доверия в российском обществе в целом по-прежнему примерно в два раза ниже, чем в Финляндии [Акулов, Гладких, 2019]. Для России характерен достаточно низкий уровень и радиус доверия: респонденты полностью доверяют своим семьям, но проявляют низкое доверие как к соседям, которых они знают лично, так и к незнакомым людям. Однако, если посмотреть на данные в региональном разрезе, мы увидим, что, например, СЗФО (включает рассматриваемые приграничные субъекты) в целом значительно отличается от остальных.

Так, в 2016 г. Центр стратегических разработок совместно с экспертами из МГУ, РЭШ, Института национальных проектов и др. провёл масштабное исследование, посвященное анализу социокультурных факторов инновационного развития и имплементации реформ [Социокультурные... 2017]. Исследование показало, что при довольно низком уровне доверия (оцениваемого по вопросу о доверии незнакомым людям) в целом по России респонденты СЗФО продемонстрировали его сравнительно высокий показатель: $9,8\%$. На втором месте – Дальневосточный федеральный округ с показателем всего $2,1\%$. Остальные регионы демонстрируют еще меньшую степень доверия незнакомым [Социокультурные..., 2017: 151]. При этом Ленинградская область, попавшая в число десяти подробно исследованных регионов, показала сравнительно более высокий уровень норм гражданской кооперации, а также больший спрос на механизмы подотчетности власти [Социокультурные... 2017: 35, 153].

Примечательно также, что все рассмотренные приграничные субъекты были классифицированы авторами упомянутого исследования как регионы, в которых население демонстрирует наиболее высокую готовность и адаптацию к реформам, мобильность [Социокультурные ... 2017: 39]. Эти особенности могут быть использованы как конкурентные преимущества при разработке программ, направленных на поощрение всех инициативных форм приграничного предпринимательства и предпринимательской коммуникации. В таких регионах меры, направленные на укрепление доверия, развитие гражданской культуры, стимулирование общества к консолидации и конкуренции, могут дать хороший результат. Повысить уровень гражданской культуры и доверия можно с помощью активизации программ обмена

¹ Worldwide governance indicators URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators/> (дата обращения: 20.05.2021)

² Online Data Analysis. World Values Survey Wave 7: 2017–2020. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp. (дата обращения: 15.10.2021)

студентами с финскими вузами: как показывают исследования, система высшего образования – важный механизм распространения гражданской культуры в обществе [Золотов, Припузова, 2020: 134].

Новые возможности по укреплению доверия открываются и вследствие коронакризиса. Пандемия коронавирусной инфекции реструктурировала мирохозяйственные связи. Однако изменения произошли не только в непосредственной хозяйственной жизни населения, но и в ценностях людей. А. Аузан называет коронакризис «цивилизационным» [Аузан, 2021: 205]. Этот кризис привел к изменению спроса на государство. Свобода и широта выбора, имевшие прежде приоритетное значение, уступили эффективности (прежде всего, в части обеспечения безопасности) [Аузан, 2021: 207]. Кроме того, пандемия и самоизоляция повысили готовность людей пользоваться новыми технологиями [Отношение... 2020: 17].

Ускоренная коронакризисом цифровизация экономики открывает новые возможности для роста доверия при осуществлении бизнес-транзакций. Эти возможности связаны с развитием цифровых платформ и появлением нового типа доверия – «распределенного», или «шерингового», обусловленного механизмом взаимного рейтингования потребителей и поставщиков (при администрировании на основе технологии искусственного интеллекта) [Никишина, 2020].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о потенциале сокращения культурной дистанции между Россией и Финляндией на приграничных территориях. Учитывая существующий сегодня дефицит региональных данных о социокультурном разнообразии, считаем, что рассмотренные в статье аспекты могут стать отправной точкой для дальнейших эмпирических исследований в этой сфере и выработки более конкретных рекомендаций в целях стимулирования различных форм приграничного сотрудничества наших стран, повышения взаимного доверия на всех уровнях.

Выводы и предложения

1. Считаем целесообразным ускорить разработку среднесрочных внешнеэкономических стратегий России по отношению к основным торгово-экономическим партнёрам, в первую очередь к странам-соседям. Предлагаем акцентировать внимание российско-финляндской МПК, деловых и научных сообществ стран на следующих перспективных направлениях двустороннего взаимодействия:

– развитие научно-технологической, производственной кооперации и подготовки квалифицированных кадров в сферах информационных технологий и телекоммуникаций, здоровьесбережения, экологических технологий, лесного хозяйства;

– развитие в приграничье инженерной, социально-культурной, таможенной и пограничной инфраструктуры для наращивания объёмов европейского и евразийского транзита и международного туризма.

2. Рекомендуем внести дополнения в законы «О Правительстве Российской Федерации» и «Об основах приграничного сотрудничества», предусматривающие создание в федеральных округах под эгидой правительства РФ территориальных органов, ответственных за координацию социально-экономического развития и, в частности приграничных связей субъектов федерации.

3. Полагаем возможным отказаться от дублирующих друг друга МПК – по экономическому сотрудничеству и приграничному сотрудничеству, ликвидировав последнюю.

4. Рекомендуем органам государственной власти, национальным институтам развития, общественным организациям предусмотреть дополнительные ресурсы для поддержки инициатив приграничных территорий, направленных на развитие разнообразных форм публичной дипломатии; поощрение всех инициативных форм приграничного предпринимательства и предпринимательской коммуникации.

5. Предлагаем вернуть систему экологического, экономического, социально-культурного партнёрств в «Северном измерении» с учётом особенностей Арктического региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акулов В.Б., Гладких Е.Г. (2019) Социальный капитал – барьер или ресурс развития приграничного сотрудничества России и Финляндии? *Международная экономика*. № 6. С. 58–72.

Аузан А.А. (2021) Глобальные институциональные последствия коронакризиса. *Журнал НЭА*. № 1 (49). С. 204–208. URL: <http://www.econorus.org/repec/journal/2021-49-204-208r.pdf> (дата обращения: 15.10.2021)

Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. (2020) Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка. *Вопросы экономики*. № 7. С. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91>

Европа между трёх океанов: монография под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова (2019) ИЕ РАН, Нестор-История, Москва. 608 с.

Золотов А.В., Припузова Н.А. (2020) Воспроизводство социальных норм в России. *Вопросы экономики*. № 7. С. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-127-141>

От торговли к партнёрству. Торгово-экономическая стратегия Финляндии по отношению к России. Отчёт национального фонда «Ситра» под ред. С-Э. Оллуса и Н. Турвальдса (2005) URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/37257864/kaupastakumpranuuteen-venaja-sitra/2> (дата обращения: 08.11.2021)

Президент Ниинистё посетовал на отсутствие диалога между ЕС и Россией. Выступление на юбилейном семинаре Института внешней политики Финляндии. 29.9.2021. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/prezident_niiniste_posetoval_na_otsutstvie_dialoga_mezhdu_yes_i_rossyei/12121544 (дата обращения: 12.12.2021)

Сотрудничество СССР и Финляндии в области судостроения: Сб. ст. под ред. Ю. Н. Горбачёва. 1990. Л.: Судостроение. 456 с.

Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ: доклад ИНП, ЛИСОМО РЭШ, PwC для ЦСР. (2017) URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (дата обращения: 15.10.2021)

Никишина Е.Н. (2020). Доверие и шеринговые платформы. *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика. № 4. С. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202044>

Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса (2020) URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 15.10.2021)

Шлямин В. А. (2007) *Российско-финляндские экономические отношения. Проблемы и перспективы*. Издательство Политехнического Университета, Санкт-Петербург. 294 с.

Шлямин В. А. (2019) *Записки экономического дипломата. Размышления о пережитом*. Изд-во ПетрГУ, Петрозаводск. 247 с.

Alesina, A., Algan, Y., Cahuc, P., Giuliano, P. (2015) Family values and the regulation of labor. *Journal of the European Economic Association*. 13(4). pp. 599–630. DOI: 10.3386/w15747

Alesina A., Giuliano P. (2015) Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*. Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w19750/w19750.pdf (accessed: 15.10.2021)

Algan Y., Cahuc P. (2010) Inherited trust and growth. *American Economic Review*. Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060

Cronberg T. (2000) Euregios in the making. The case of Euregion Karelia. Tearing Down the Curtain, Openig the Gates. Northern Boundaries in Change. University of Jyväskylä. So-Phi. pp. 170–183.

Gorodnichenko Y., Roland G. (2015) Culture, institutions and democratization. NBER Working Paper, No. 21117. DOI 10.3386/w21117

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004) The role of social capital in financial development. *American Economic Review*. Vol. 94, No 3, pp. 526–556. DOI:10.1257/0002828041464498

Putnam, R. D. (2000) *Bowling alone*. Simon & Schuster.

Cross-Border Economic Cooperation of Russia and Finland: Problems and Prospects

V.A. Shlyamin*

Doctor of Science (Economics)

Institute of Northern European Studies, Petrozavodsk State University.

Lenina Ave., 33, Petrozavodsk, Russia, 185910.

***E-mail:** vshlyamin@yandex.ru

E.G. Gladkikh*

Candidate of Science (Economics)

Institute of Law and Economics, Petrozavodsk State University.

Lenina Ave., 33, Petrozavodsk, Russia, 185910.

***E-mail:** martyukova_e@mail.ru

Abstract: Russian-Finnish cross-border economic relations have been attracting for many years the attention of scientists as an example of the fruitful use of the long-term good-neighborliness of countries with different structures of national and contiguous regional economies and the political orientation of states. The authors analyze the current state of the Russian-Finnish cross-border cooperation (CBC). The Ukrainian crisis in 2014 caused a sharp political chill in EU-Russia relations, posing a threat to the traditional good-neighborliness. Therefore, a critical understanding of the effectiveness of the existing CBC institutions is required. Having analyzed the formal institutions of CBC, the authors conclude that many of them need to be improved. Certain problems of coordination between Russian-Finnish CBC participants have been accumulated, which at this stage can only be solved by two governments. Analyzing socio-cultural factors, the authors highlight that Finland and Russia, while significantly differing from each other in culture of entrepreneurship and social capital, nevertheless, have the potential for convergence. The authors pay special attention to the problem of trust at all levels of cross-border cooperation and formulated recommendations for improving formal and informal institutions on cooperation.

Key words: Russian-Finnish border economic relations, cross-border economic cooperation, institutions, culture, trust.

DOI: 10.31857/S0201708322010119

REFERENCES

- Akulov V.B., Gladkih E.G. (2019) Social'nyj kapital – bar'er ili resurs razvitiya prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Finlyandii? [Is social capital a barrier or an opportunity for the cross-border cooperation of Russia and Finland?] *Mezhdunarodnaya ekonomika*. No 6. pp. 58–72. (in Russian).
- Alesina, A., Algan, Y., Cahuc, P., Giuliano, P. (2015) Family values and the regulation of labor. *Journal of the European Economic Association*. 13(4). pp. 599–630. DOI: 10.3386/w15747
- Alesina A., Giuliano P. (2015) Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*. Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w19750/w19750.pdf (accessed: 15.10.2021)
- Algan Y., Cahuc P. (2010) Inherited trust and growth. *American Economic Review*. Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060
- Auzan A.A. (2021) Global'nye institucional'nye posledstviya koronakrizisa. [The global institutional impacts of coronacrisis] *Zhurnal NEA*. No 1 (49), pp. 204–208. <http://www.econorus.org/repec/journal/2021-49-204-208r.pdf> (accessed: 15.10.2021) (in Russian).
- Auzan A.A., Bahtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. (2020) Sociokul'turnye faktory v ekonomike: projdennye rubezhi i aktual'naya povestka. [Sociocultural factors in economics: passed milestones and current agenda] *Voprosy ekonomiki*. No 7, pp. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91> (in Russian).
- Cronberg T. (2000) Euregios in the making. The case of Euregion Karelia. Tearing Down the Curtain, Openig the Gates. Northern Boundaries in Change. University of Jyväskylä. So-Phi. pp. 170–183.

Evropa mezhdu trjoh okeanov [Europe in the middle of the three oceans] (2019) Monografija pod obshh. red. Al. A. Gromyko i V. P. Fjodorova. IE RAN, Nestor-Istorija, Moscow. 608 p. (in Russian).

Gorodnichenko Y., Roland G. (2015) Culture, institutions and democratization. NBER Working Paper, No. 21117. DOI 10.3386/w21117

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004) The role of social capital in financial development. *American Economic Review*. Vol. 94, No 3, pp. 526–556. DOI:10.1257/0002828041464498

Nikishina E.N. (2020) Doverie i sheringovye platformy [Trust and sharing platforms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 6: Jekonomika. No 4, pp. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202044> (in Russian).

Otnoshenie naselenija k novym tehnologijam v period koronakrizisa [The attitude of people towards new technologies during the coronacrisis]. (2020) URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (accessed: 15.10.2021) (in Russian).

Ot trgovli k partnjorstvu. [From trade to partnership] Torgovo-jekonomicheskaja strategija Finljandii po otnosheniju k Rossii. Otchjot nacional'nogo fonda “Sitra” pod red. S-Je Ol-lusa i N. Turval'dsa (2005) URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/37257864/kaupasta-kumppanuuteen-venaja-sitra/2> (accessed: 08.11.2021) (in Russian).

Prezident Niinisto posetoval na otsutstviye dialoga mezhdu YES i Rossiyej. Vystupleniye na jubileynom seminare Instituta vneshney politiki Finlyandii [President Niinistö lamented the lack of dialogue between the EU and Russia. Speech at the anniversary seminar of the Finnish Foreign Policy Institute]. 29.9.2021. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/prezident_niiniste_posetoval_na_otsutstvie_dialoga_mezhdu_yes_i_rossyei/12121544 (accessed: 12.12.2021) (in Russian).

Putnam, R. D. (2000) *Bowling alone*. Simon & Schuster.

Shlyamin V. A. (2007) Rossijsko-finlyandskie ekonomicheskie otnosheniya. Problemy i perspektivy. [Russian-Finnish economic relations. Problems and perspectives]. Izdatel'stvo Politekhnicheskogo Universiteta, S.-Petersburg. 294 p. (in Russian).

Shlyamin V. A. (2019) Zapiski ekonomicheskogo diplomata. Razmyshleniya o perezhitom [The notes of economic diplomat. The thoughts over past experiences]. Izd-vo PetrGU, Petrozavodsk, 247 p. (in Russian).

Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i uspeshnoj implementacii reform [Sociocultural factors of innovation development and implementation of reforms] Doklad INP, LISOMO RESH, PwC dlya CSR. (2017) URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (accessed: 15.10.2021) (in Russian).

Sotrudnichestvo SSSR i Finljandii v oblasti sudostroenija [Cooperation of USSR and Finland in shipbuilding]. Sb. st. pod red. Ju. N. Gorbachjova. 1990. L.: Sudostroenie. 456 p. (in Russian).

Zolotov A.V., Pripuzova N.A. (2020) Vosproizvodstvo social'nyh norm v Rossii [Reproduction of the social norms in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. No 7, pp. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-127-141> (in Russian).

УДК 316.472.3, 330.341.2

СКАНДИНАВСКИЙ УРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

© 2022 В.Б. Студенцов*

Кандидат экономических наук

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук.
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

**E-mail: studentcov.viktor@gmail.com*

Поступила в редакцию 09.10.2021

После доработки 15.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Цель статьи состоит в прояснении некоторых мировоззренческих аспектов нордического (скандинавского) индивидуалистического уравнительного общества. В отношении скандинавов высказываются крайне противоречивые суждения: с одной стороны, их характеризуют чуть ли не как крайних индивидуалистов, с другой — признают присущую им тягу к равенству. И то, и другое находит свое действительное подтверждение фактами. Данный мнимый парадокс разрешается просто: индивидуализм, как показал Г. Триандис, бывает горизонтальным и вертикальным. Скандинавским странам присущ именно горизонтальный, или, иначе говоря, уравнительный индивидуализм. Данное обстоятельство было ранее осмыслено местными учёными М. Гюллестад и О. Дауном. Хотя социал-демократические правительства приложили немало усилий для поддержания такого специфического положения вещей, есть все основания полагать, что оно начало складываться задолго до их прихода к власти. Логическим завершением практики формирования государства всеобщего благосостояния в Скандинавии стал (по характеристике Л. Трэгорда, частично опиравшегося на идеи Г. Мюрдаля) государственнический (этатистский) индивидуализм: индивидуализм с опорой на государство, одной из важнейших черт которого является равенство.

Ключевые слова: Скандинавия, государство всеобщего благосостояния, культура, ментальность, индивидуализм, равенство, эгалитарный индивидуализм, этатистский (государственнический) индивидуализм.

DOI: 10.31857/S0201708322010120

Практика государства всеобщего благосостояния в скандинавских странах представляет собой специфический феномен, недаром её выделяют в отдельную категорию (как социал-демократическую [Esping-Andersen, 1990] или же как нордическую

модель [Alesina, Glaeser, 2006: 57]). Основания для этого весомы – до определенного времени она отличалась не только большей щедростью, но также всеобщностью (т.е. предоставлением социальной помощи без проверки нуждаемости) и эгалитарностью.

Каковы же факторы, обусловившие «нордический социализм»? Общества региона характеризуются высокой этнической, языковой, религиозной, культурной и социальной однородностью. Вследствие этих факторов, а также децентрализации государственного управления и широкой выборности [Bjørnskov, Svendsen, 2002] здесь наблюдается высокий, практически исключительный уровень всеобщего (general) доверия [Delhey, Newton, 2005]. Как писал приверженец либерального национализма британский политолог Д. Миллер (1946-), социальная справедливость «всегда легче достижима в государствах с сильной национальной идентичностью» и что в отсутствие общей национальной идентичности «доверие может существовать внутри [отдельных] групп, но не между ними» [цит. по Johnson et al, 2010: 352]. Трудно отрицать, что при прочих равных условиях, страны с сильной национальной идентичностью имеют преимущества перед другими в солидарности [Campbell, Hall, 2009]. В частности, замечено, что в этнически однородных странах масштаб перераспределения государством доходов значительно больше по сравнению с теми, где общество относительно гетерогенно [Alesina, Glaeser, 2006: 53].

Различия режимов (моделей) социального государства в разных странах определяются в широком смысле слова культурой народов, т.е. их строем мышления, мировоззрением. Успешность государства всеобщего благосостояния Северной Европы во многом зиждется на отличающем её народы сплаве индивидуализма, стремления к равенству и доверия государству.

Особенные индивидуалисты

Скандинавы, как и большинство европейцев, конечно же принадлежат к западной, индивидуалистической культуре, где субъект осознает себя, прежде всего, отдельной личностью, идентичность которой определяется его персональными качествами и способностями. В отличие от этого в коллективистской культуре субъект теснейшим образом встроен в некую социальную общность (семью, род, племя и т.д.) и ощущает себя не столько чем-то отдельным от неё, сколько её составной частью и/или элементом.

Индивидуализм обычно ассоциируют с преследованием личного интереса, с эгоизмом, гедонизмом, стремлением к самореализации. Побочным продуктом так определяемого индивидуализма признаются среди прочего конфликтность, отчуждение, разобщение и т.п. Закономерно, что таким образом понятый индивидуализм нередко оценивается отрицательно. Существует и положительно или нейтрально оцениваемый индивидуализм как простое стремление субъекта к свободе, самостоятельности, независимости и т.п. [Gullestad, 1991: 4; Gustavsson, 2008].

На практике провести различие между этими индивидуализмами бывает непросто. Так, нидерландский исследователь Г. Хофстеде (1928–2020), оценивавший в течение ряда лет характеристики различных культур, наиболее индивидуалистическими странами признавал США (по его шкале, 91 балл из 100), Австралию (90) и

Соединённое Королевство (89). Скандинавские страны, хотя и значительно уступали в индивидуализме англо-саксонским, всё же опережали многих европейцев, кроме жителей Нидерландов (80 балл), Бельгии и Италии. Датчане (74), шведы (71), норвежцы (69) – шли следом за ними, впрочем, французы удостоились такой же оценки, как и шведы [Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov, 2010: 95]. По более поздним данным М. Минкова, соавтора и последователя Хофстеде, наибольшим индивидуализмом характеризовались всё же вовсе не США, а Нидерланды, за которыми в этой своеобразной таблице о рангах непосредственно располагались Дания, Швеция и Норвегия [Minkov, 2018]. И совсем недавно для того чтобы отделить субъективные оценки индивидуализма от его объективного измерения, Минков вслед за К. Вельзелем стал оперировать понятием «эмансипации». По шкале эмансипации как мерил «объективного» индивидуализма (в противовес «субъективному» по Хофстеде) скандинавские страны существенно опережают своих преследователей, занимая пять из первых восьми мест. Первой идёт Швеция, затем (за Швейцарией и Нидерландами) следуют Дания, Финляндия и Норвегия, и, пропустив вперед ФРГ, — Исландия. Что касается США, то они оказались только на двадцать четвёртом месте [Minkov, Kaasa, 2021: 255].

Столь значительный разброс оценок говорит как о некоторой неопределённости понятия индивидуализма, так и неспособности найти точное его мерило. В отсутствие такового исследователям приходится изощряться в конструировании показателей-заменителей. При исследовании последствий массовой скандинавской эмиграции XIX–XX вв. в США А. Кнудсен использовала в качестве показателя индивидуализма необычность личных имён, что приняла за свидетельство неконформизма, амбициозности и индивидуализма, давших их родителей. Анализируя реестры населения и списки отправлявшихся за океан пассажиров, она обнаружила, что в последних доля лиц с необычными именами непропорционально велика. Из этого сделан вывод, что в эмиграцию отправлялись более индивидуалистически настроенные лица, что способствовало большей однородности личных имён оставшихся на родине лиц и предположительно морально-нравственной однородности. По предположениям ученого в результате миграции индивидуализм в Скандинавии сократился – примерно на 4 процента в Дании, и на 10 и 13 процентов в Швеции и Норвегии [Knudsen, 2019: 3]. Впрочем, Кнудсен, вероятно, не была вполне уверена в достоверности этих оценок, так как в более позднем варианте данного исследования они уже не приводятся [Knudsen, 2021].

В Скандинавии индивидуализм в смысле самостоятельности и опоры на собственные силы считается нормой, зависимость в чем-либо от других постыдна. Шведский этнолог О. Даун достаточно полно документировал такую черту шведского характера, как стремление к независимости. В этой стране многие супружеские пары имеют отдельные бюджеты; общие счета домохозяйства (за наём квартиры, электричество и т.п., еду и пр.) оплачивают поровну, но то, что потребляется индивидуальное потребление, – по отдельности [Daun, 1991: 166]. Супруги облагаются подоходным налогом отдельно, а не совместно как в некоторых странах. В барах и ресторанах типично платить каждому за себя в порядке вещей – купив сигарету у знакомого. Оказавшиеся в кампусах за рубежом студенты-шведы, равно

как и их пожилые соотечественники в домах престарелых на родине, не проявляли готовности делить с кем-то свой кров, предпочитая одиночество. Кстати, взрослые дети и престарелые родители юридически не считаются членами одной семьи. В случае отдельного проживания на предоставленной близкими родственниками площади жильцы должны были либо декларировать оплату арендной платы по рыночной ставке, либо платить налог на вмененный резидентский или же жилищный доход [Daun, 2006: 104]. Характерно, что в Швеции зарегистрирована самая высокая в мире доля домохозяйств, состоящих из одного человека.

Ключевым представлением норвежского индивидуализма, по суждению антрополога М. Гюллестада (1946–2008), также является независимость [Gullestad, 1991: 4]. Установление близких отношений чревато вовлечением в заботы и проблемы другого человека, чего скандинавы и норвежцы стараются избегать. «Отстранённость кажется представляет собой важнейшую и базисную черту норвежской модели личности... – писал норвежский исследователь К. Йонассен. – Отстранённость складывается из многих характерных черт: из потребности в приватности, необходимости в уединении, замкнутости, эмоциональной отрешённости, рациональности, определённости, ригидности, уникальности, независимости, самообеспеченности, избегании конкуренции, уклонении от видимых знаков престижа и успеха...» [цит. по Gullestad, 1986: 54]. Описанные особенности не являются монополией норвежцев и в той или иной степени характерны для большей части скандинавов.

Однако индивидуализм индивидуализму рознь. Американский психолог Г.Х. Триандис (1926–2019) выделил в понятии «индивидуализм» два аспекта – горизонтальный и вертикальный. Скандинавам присущ именно первый, тогда как американцам – последний. Тот, кто исповедует вертикальный индивидуализм, ориентирован на личные достижения, статус, иерархию и конкуренцию. Именно вертикальный индивидуализм сопряжён с феноменами эгоизма, стремления к наживе и т.п. В свою очередь, горизонтальные индивидуалисты поддерживают идею равенства, ценят свободу быть самим собой, не стремятся кого-то опередить, нацелены на достижение консенсуса, бесконфликтность. Побочная сторона такого индивидуализма – равенство [Triandis, 2018; Triandis, Gelfand, 1998]. Неслучайно Гюллестада обозначала своих соотечественников как «эгалитарных индивидуалистов» [Gullestad, 1991].

«С равенством в крови»

Индивидуализм как излишнее проявление своего «я», выпячивание себя, несущее с собой опасности разрушения равенства, в скандинавских странах не только не поощряется, но пресекается. Иными словами, народы этих стран отторгают вертикальный индивидуализм.

Ярким свидетельством этому существование в Скандинавии неформального кодекса поведения, основанного на «законе Янте». Данный закон или комплекс предписаний, – продукт литературного творчества датско-норвежского писателя А. Сандмусе (1899–1965). Впрочем, он приписывал себе лишь формулирование того, что всем было хорошо известно. В опубликованном в 1933 г. романе «Беглец пере-

секает свой след» автор вывел вымышленный провинциальный датский городок Янте, в котором жизнь регулируется определёнными неписаными правилами:

- «– Не думай, что ты особенный;
- Не думай, что ты нам ровня;
- Не думай, что ты умнее нас;
- Не воображай, что ты лучше нас;
- Не думай, что ты знаешь больше нас;
- Не думай, что ты важнее нас;
- Не думай, что ты всё умеешь;
- Тебе не следует смеяться над нами;
- Не думай, что кому-то есть до тебя дело;
- Не думай, что ты можешь нас поучать» [Сидельникова, 2013: 100–101].

Приводимые исследователями формулировки закона Янте могут чуть различаться стилистически, но не по содержанию [см., напр., Бут, 2017: 111]. По словам Сандмусе, прототипом Янте послужил его родной город в датской глубинке, где господствовали приведённые в романе нормы поведения. Однако по его признанию, ареал действия этого своеобразного закона вовсе не ограничивался Данией, а включал и другие скандинавские страны. Он и сейчас в целом соблюдается в Скандинавии всеми слоями общества. Известно немало недавних случаев, когда проявление излишней самости не только встречается окружающими презрением, но даже «карается».

Наряду с законом Янте функцию общественного подстраивания или «выравнивания» выполняют также ставшие общескандинавскими практики – ранее бывшая когда-то только шведской «лагом» (*lagom*) и в свое время исключительно датская «хюгге» (*hygge*). Лагом представляет собой неписаное нравственное правило, постулирующее умеренность, соразмерность действий, оптимальный образ поведения с акцентом на справедливость. Хюгге включает в себе такие понятия, как уют, покой, но с обязательным требованием не выделяться в общении, избегать «острых углов», стремиться к достижению компромисса [Бут, 2017: 121].

Очевидно, что закон Янте и аналогичные практики нацелены не на принижение достоинства субъекта, а на стремление смирить его самость и самомнение, на ограничение вертикального индивидуализма. Функциональная задача закона Янте, лагом и хюгге заключена в социальном уравнивании, усреднении людей, что должно обеспечивать их гармоничное и бесконфликтное встраивание в общество, ориентацию на компромисс или даже консенсус, на продвижение общего, а не индивидуального интереса. «В шведском мире инаковость всегда была чем-то нежелательным, – утверждал британский публицист Р. Хантфорд, – наполовину грехом, наполовину болезнью» [Huntford, 1972: 345]. И он же добавляет: «В Швеции быть отличным от других – значит взвалить на себя чувство вины и быть наибольшим из неудачников» [Huntford, 1972: 322]. Это суждение справедливо не только для Швеции, но и для других стран региона.

Вопрос о том, является ли стремление к равенству унаследованной от прошлого особенностью, исторической чертой, конституирующей некий «особый путь» развития Скандинавии, или же оно – продукт современности, порождение долгих лет

социал-демократического правления, остается предметом споров. Истина находится где-то посередине – установка на равенство имеет исторические корни, но активно поддерживалась именно социал-демократическими правительствами.

«Несмотря на “городской” фасад современных государств всеобщего благосостояния, – писал журналист, впоследствии ставший историком Г. Даль, – северные страны во многих отношениях остаются подавляюще деревенскими» [Dahl, 1984: 98]. Именно сельский радикализм, по его мнению, лежит в основе синдрома равенства скандинавских стран [Dahl, 1984: 100]. Подобные закону Янте нормативные «кодексы» возникали на преимущественно аграрных территориях.

Критики скандинавской модели поведения нередко говорят о том, что идеология усреднения плодит посредственностей, поскольку стандарт задаётся отстающими, талант якобы уступает место серости. «Большинство скандинавов вполне осознают, что наш образ жизни не поощряет гениев, – признавал датский экономист и политик (побывавший в том числе министром социальных дел) Б. Андерсен (1929–2016). – Настаивая на равенстве, мы возможно «рубим головы людей высокого роста». <...> это кажется ценой, которую необходимо заплатить за то, что мы почти страстно желаем <...> места под солнцем для рядовых людей, включая тыльных. Равенство воспринимается наиболее существенной частью нордического богатства» [Andersen, 1984: 110]. «Тот, кто считает нордическую “посредственность” продуктом государства всеобщего благосостояния, – писал он, – безусловно ошибается. Мы должны говорить скорее не о заурядности, а о страсти к равенству. Но это мироощущение существовало задолго до возникновения государства всеобщего благосостояния. Оно – существенная часть нашего культурного наследия; оно в нашей крови. Государство всеобщего благосостояния не создало эту страсть к равенству...» [Andersen, 1984: 110–111].

Приверженность к равенству действительно унаследована от мировоззрения аграрных обществ с решительным преобладанием крестьянского населения, каковыми во многом оставались скандинавские страны до середины прошлого века. Причем, одни государства (как Швеция) вообще не знали крепостничества, в других же – оно было не столь обременительно, как во многих других странах Европы. Ни природные условия, обуславливавшие небольшие размеры обрабатываемой земли, ни малонаселенность не благоприятствовали развитию батрачества. В Швеции с XVII в. дворянство лишилось своих поместий, в Норвегии в начале XIX в. оно было вовсе упразднено [Pratt, 2008]. В результате имущественные различия классов не были ярко выражены. Крестьянские общины были в значительной мере самоуправляемы. В конце XVII в. в Швеции четвертое сословие (крестьянство) владело половиной недвижимости страны. Ещё довольно долго продолжали существовать коллективные и кооперативные практики «работа всем миром», общинное пользование [Tragardh, 2014a: 143]. Буржуазия зародилась в Северной Европе поздно и была слаба.

Зачатки социального государства в Скандинавии появились задолго до социал-демократического правления – в конце XIX в. (в Дании для некоторых категорий граждан пенсия по возрасту стала выплачиваться еще в 1891 г., а первая всеобщая государственная пенсия для лиц старше 65 лет – с 1913 г.) На рубеже XX в. элементы государственного социального обеспечения стали вводиться и в Швеции. Но эти

попытки были робки. Однако по мере нарастания индустриализации и урбанизации и особенно в период Великой депрессии не только стала ощущаться острая потребность в более активном государственном вмешательстве в экономические и социальные процессы, но и произошло значительное полевление политического спектра Скандинавии. В конце 1920-х и начале 1930-х гг. в Дании, Швеции и Норвегии пришли к власти левые силы, соответственно — социал-демократы, коалиция социал-демократов и аграриев и Рабочая партия. При всех частных различиях их программ они сходились в необходимости проведения кейнсианской политики поддержания совокупного спроса и занятости и организации масштабного социального вспомоществования. Общим было и заключение компромисса с буржуазией, которая, в свою очередь, согласилась на классовый мир. Отказ от радикализма был во многом предопределён глубокой встроенностью скандинавских экономик в мировое хозяйство. В ходе многолетнего правления в Скандинавии лево-реформистских партий и сложилась особая практика социального государства с указанными в начале статьи чертами, прежде всего эгалитаризмом.

Отсутствие резких классовых различий и обусловило относительное равенство, которое проявляется даже визуально – люди стараются не выделяться. Внешним проявлением равенства стало сходство. Гюллестад определяет равенство именно как сходство (*sameness*)¹ [Gullestad, 1991], которое «поддерживается посредством избегания контактов с людьми, о которых мало информации, стилем отношений, подчёркивающим сходство, и отказом от общения с людьми, считающимися слишком другими. <...> Посредством отгораживания от подобных людей эгалитарный идеал распространяется на людей одного и того же класса. Эгалитарная идея поддерживается посредством воздержания от общения с неравными» [Gullestad, 1986: 60–61].

Государство всеобщего благосостояния и этатистский индивидуализм

Если Гюллестад характеризовала скандинавов как эгалитарных индивидуалистов, то шведский историк Л. Трэгорд определяет их как государственнических (этатистских) индивидуалистов². И та, и другая характеристика верна, но акценты разные: последняя подчёркивает, что в силу, с одной стороны, ярко выраженного индивидуализма, а с другой, стремления к равенству естественным связующим звеном между гражданами стран Северной Европы является государство.

Характерное для скандинавов доброжелательное, приязненное отношение к государству во многом уходит корнями в лютеранство [Naumann, Patterson, 2020].

¹ В тех же самых словах о своём понимании равенства писал Даун. См. в том числе Чернышева [Чернышева, 2007].

² Справедливости ради, отметим, что Гюллестад писала преимущественно о своих соотечественниках-норвежцах, а Трэгорд относит свои оценки, казалось бы, исключительно к шведам. Но иногда они как бы проговариваются и распространяют свои выводы на весь регион Северной Европы, что закономерно, так как описываемые ими феномены имеют общескандинавскую природу.

Догматика и этика этой ветви протестантизма пронизаны идеями индивидуализма, автономии и солидарности, но в отличие от реформатства, легитимируют позитивную и доминирующую роль государства в общественных процессах. К тому же в учении о двух – духовном и земном – царствах, которое лежит в основе взаимоотношений лютеранской церкви с государством и обществом, всегда подчеркивалась обязанность государственной власти заботиться о земном благе людей, и она стремилась претворить это требование на практике.

«Стержнем шведской (читай – скандинавской, В.С.) модели является союз между государством и индивидом, который резко контрастирует с присущими англосаксам подозрительным отношением к государству и предпочтением решать проблему благосостояния на основе семьи и институтов гражданского общества, – пишет Трэгорд. – В обществе высокого доверия, каковым является Швеция, государство рассматривается, скорее, как друг, нежели враг» [Trägårdh, 2012]. Особенность шведского индивидуализма состоит именно в том, что он – государственный, в отличие от американского, который является антиэтатистским [Trägårdh, 2013; Trägårdh, 2014b: 13]. При отказе от традиционной социалистической цели национализации банков и производственных отраслей шведская модель «характеризуется предельной формой этатизма» [Trägård, 2018].

В основе имплицитного контракта «между сильным и добрым государством, с одной стороны, и эмансипированным и автономным индивидом, с другой» [Trägård, 2018] лежит то, что Трэгорд называет «шведской теорией любви» – принцип, что «подлинные человеческие отношения возможны только между автономными и равными индивидами. Идеальное отношение между двумя лицами должно основываться на взаимной независимости»¹. Понимая, что у многих иностранцев, кто привык считать, что сама суть любви состоит во взаимозависимости, сопряжённости, подобный вывод может вызвать непонимание, Трэгорд указывает, что таков преобладающий шведский менталитет [Trägård, 2012]. Данное специфическое миропонимание им и его соавтором Х. Берггреном разъясняется так: «наиболее важной ценностью в жизни является самодостаточность и независимость от любого члена сообщества. Человек, который вынужден зависеть от своих сограждан, подчинён и неравен. Это плохо само по себе. Но ещё хуже, когда тот, кто в долгу, для того чтобы выжить, должен полагаться на милосердие и доброту не только незнакомцев, но и своих близких товарищей; он становится ненадёжным. Его зависимость от других заставляет его общаться и поддерживать хорошие отношения с людьми, которые могут ему не нравиться. Он становится нечестным и неискренним» [Berggren, Trägårdh, 2010:12]. «Отвергая любовь как подразумевающую неравные и иерархические отношения и вместо этого основывая этос любви на принципе эгалитаризма, шведская теория любви утверждает, что все формы зависимости повреждают истинную любовь. Только взаимная автономия может гарантировать подлинность

¹ О стремлении к подобной автономии, свободе, независимости от других – будь то соседи, родственники, работодатели и кто-бы то ни было ещё – до Трэгорда писал Даун [Daun, 2006: 104].

и честность в человеческих отношениях» [Berggren, Trägårdh, 2010: 12–13]. Государство всеобщего благосостояния позволяет добиться этого, и поэтому «оно приветствуется в качестве освободителя от традиционных несущих неравенство форм общности, в том числе от семьи, благотворительных организаций и церквей» [Trägårdh, 2012]. «Основная цель шведской модели – максимизировать независимость индивида. Рисовать его в качестве общественного животного совершенно ошибочно, современный швед – гипериндивидуалист» [цит. по Ekman, 2006].

В свое время теоретическое обоснование экономической и социальной эмансипации было дано ставшим впоследствии лауреатом присуждаемой Банком Швеции премии имени Нобеля по экономике Г. Мюрдалем. Он был озабочен достижением «экономической интеграции» общества, понимаемой в широком социальном аспекте¹. «*Экономическая интеграция*» – это осуществление старого идеала равенства возможностей², – писал он, – важным элементом которого «является ослабление социальной скованности, мешающей индивидам свободно выбирать условия своей работы и жизни. Экономика не интегрирована, если не для каждого открыты все пути, и, если вознаграждение, уплачиваемое за производительные услуги, не является равным для всех...» [Мюрдаль, 1958: 48–49]. «Постепенное достижение равенства возможностей предполагает, – заявлял Мюрдаль, – возникновение общества с еще большей социальной мобильностью...» [Мюрдаль, 1958: 49]. О том, что шведским идеалом является именно равенство возможностей (а вовсе не само полное равенство), писал и Трэгорд [Trägårdh, 1990: 578]. Однако на практике «ослабление социальной скованности» потребовало не только равенства возможностей, но и большего фактического равенства, а потому вся многолетняя деятельность скандинавской социал-демократии была подчинена реализации именно этой задачи. Впрочем, по Трэгорду, речь шла опять-таки не столько о выравнивании доходов, сколько об изыскании средств для поощрения социальной мобильности и открытия равных возможностей. Он солидаризируется с теми, кто считает, что «нордические страны представляют собой не столько «государства благосостояния», сколько «государства социальных инвестиций»³ [Trägårdh, 2020: 31]. Имеется в виду, что значительная или даже преобладающая доля социальных расходов государства направляется на поддержание и/или совершенствование человеческого капитала (на образование, здравоохранение и т.п.) и другие социальные инвестиции, а не на текущее потребление.

Трэгорд видит достоинства и преимущества «этатистского индивидуализма» в полной эмансипации субъекта. Но у этой свободы есть обратная сторона – развитие государства всеобщего благосостояния способствует разрушению семейных, родственных и дружеских связей. Своей помощью – денежными выплатами и предоставлением услуг, государство, с одной стороны, заменяет и замещает помощь

¹ «Однородная культура, – писал О. Даун, – представляет собой интегрированную культуру <...> Шведская культура – однородна...». Такова же, по его мнению, была культура в Норвегии [Daun, 2006: 98, 102].

² Курсив оригинала.

³ См. Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges. Morel N., Palier B., Palme J. (eds.), Bristol-Chicago. 2012.

близких (членов семьи, родственников, друзей и т.п.), с другой, высвобождает у индивида (прежде всего, матерей) время для производительного труда за рамками семьи. Вследствие активной и щедрой государственной социальной поддержки экономический аспект привлекательности и необходимости брака резко падает. Растущая автономизация, взаимное отчуждение скандинавов привели к росту зависимости от государства, которое в XX в. злоупотребило своими полномочиями, развернув кампанию по принудительной стерилизации. В наши дни своеобразную эстафету от неё приняла крайне неоднозначная по идеологии и по результатам практика ювенальной юстиции.

В последние десятилетия скандинавский регион стал несколько отставать от других развитых стран в экономическом росте и повышении уровня жизни, что спровоцировало приход к власти сил, ставивших своей задачей в том числе пересмотр различных сторон социального государства. В результате государство лишилось монополии на предоставление части социальных услуг, что позволило несколько снять напряженность государственных финансов. Однако обратной стороной этого процесса явилось некоторое увеличение социального неравенства и изменения в менталитете. Впрочем, коренного слома последнего не произошло – ценности людей инерционны и меняются в течение достаточно длительного времени.

Социальное государство скандинавских стран в настоящий момент проходит проверку на прочность и в связи с ростом инокультурной иммиграции. Выходцам из других стран и регионов планеты сложно воспринять миропонимание и нормы поведения северных народов (как бытовые – тягу к равенству и равноправию, стремление к уединению и т.д., так и социально-политические) [Плевако, Чернышева, 2019: 100–103, 151–161 и др.]. Размывание этнической и ментальной однородности государств Северной Европы потенциально опасно разрушением взаимного доверия, что может пагубно сказаться на уравнительном строе жизни. Но возврата к прежнему, видимо, уже не будет – к новым условиям жизни придется приспособляться как автохтонному населению, так и иммигрантам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бут М. (2017) *Почти идеальные люди: вся правда о жизни в «скандинавском раю»*. Пер. с англ. «Э», Москва, Россия. 512 с.

Мюрдаль Г. (1958) *Мировая экономика: Проблемы и перспективы*. Пер. с англ. Издательство иностранной литературы. Москва, Россия. 555 с.

Сидельникова М. (2013) Один как все. *Вокруг света*. № 6 (2873). С. 98–106.

Плевако Н.С., Чернышева О.В. (2019) Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. Изд. 2-е. доп. КРАСАНД. Москва, Россия. 320 с.

Чернышева О.В. (2007) Оке Даун. Изба на седьмом этаже. Шведский менталитет в мультикультурном мире. Стокгольм, 2005. (Рецензия). *Новая и новейшая история*. № 2. С. 210–213.

Alesina A., Glaeser E.L. (2006) Why Are Welfare States in the US and Europe so Different. *Horizons Stratégiques*. No. 2, pp. 51–61. <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2006-2-page-51.htm> (accessed: 18.10.2021)

Andersen B. R. (1984) Rationality and Irrationality of the Nordic Welfare State. *Daedalus*, Vol. 113, No. 1, pp. 109–139. <https://www.jstor.org/stable/20024904> (accessed: 18.10.2021)

Berggren H., Trägårdh L. (2010) Pippi Longstocking: The Autonomous Child and the Moral Logic of the Swedish Welfare State. in Mattson H. Wallenstein S.-O. (eds.) *Swedish Modernism: Architecture, Consumption and the Welfare State*. London: Black Dog Publishing, pp. 10–23.

Bjørnskov C., Svendsen G.T. (2002) Why Does the Northern Light Shine So Brightly? Decentralisation, Social Capital and the Economy. Aarhus University Working Paper 02-15, Aarhus. <https://www.core.ac.uk/download/pdf/7107257.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Campbell J.L., Hall J.A. (2009) National Identity and the Political Economy of Small States. *Review of International Political Economy*, Vol. 16. No. 4, pp. 547–572. doi: 10.1080/09692290802620378

Dahl H. F. (1984) Those Equal Folks. *Daedalus*, Vol. 113. No. 1, pp. 93–107. <https://www.jstor.org/stable/20024903> (accessed: 18.10.2021)

Daun Å. (1991) Individualism and Collectivity among Swedes. *Ethnos*, Vol. 58, No. 3–4: 165–172. Doi: 10.1080/00141844.1991.9981433

Daun Å. (2006) *Swedish Mentality*. Fifth Impression. Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism. *European Sociological Review*, Vol. 21, No. 4, pp. 311–327. <https://www.jstor.org/stable/4621213> (accessed: 18.10.2021)

Ekman I. (2006) Like Garbo, Swedes Just Want to Be Alone – Europe – International Herald Tribune. The New York Times, 13 November. <https://nytimes.com/2006/11/13/world/europe/13iht-swedes.3512334.html> (accessed: 18.10.2021)

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Gullestad M. (1986) Symbolic “Fences” in Urban Norwegian Neighbourhoods. *Ethnos*, Vol. 51, No. 1-2, pp. 52–70. <https://doi.org/10.1080/00141844.1986.9981313>

Gullestad M. (1991) The Scandinavian Version of Egalitarian Individualism. *Ethnologia Scandinavica*, Vol. 21, pp. 3–18.

Gustavsson G. (2008) What Individualism Is and What Is Not: Or the Ideals of Pippi Longstocking and Lisa Simpson. *Uppsala University Working Paper*. Uppsala.

Hofstede G., Hofstede G. j., Minkov M. (2010). *Culture and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw Hill.

Huntford R. (1972) *The New Totalitarians*. London: Allen Lane.

Johnson R., Banting K., Kymlicka W., Soroka S. (2010) National Identity and Support for the Welfare State. *Canadian Journal of Political Science*, Vol. 43, No 2, pp. 349–377. doi: 10.107/S0008423910000089

Knudsen A.S.B. (2019) Those Who Stayed: Individualism, Self-Selection and Cultural Change during the Age of Mass Migration. *Discussion Paper* No. 19-01. Department of Economics. University of Copenhagen. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3321790>

Knudsen A.S.B. (2021) Those Who Stayed: Selection and Cultural Change in the Age of Mass Migration. <https://annesofiebeckknudsen.com/wp-content/uploads/2021/09/thosewhostayed.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Minkov M. (2018) A Revision of Hofstede's Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries. *Cross Culture and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033

Minkov M., Kaasa A. (2021) A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture Across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, Vol. 55, No. 2–3, pp. 230–281. doi: 10.1177/10693971211014468

Naumann I.K., Patterson L. (2020). Why Swedes Trust the State and Scots Do Not: An Explanation of the Diverse Protestant Roots of Modern Welfare Systems. *Journal of Historical Sociology*, Vol. 33, No. 4, pp. 473–488. Doi: 10.1111/johs. 12299.

Pratt J. (2008) Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess. Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism. *British Journal of Criminology*, Vol, 48, No. 2, pp. 119–137. doi: 10.1093/bjc/azm072

Tragårdh L. (2018) Is the “Swedish Model” of Social Democracy Endangered? The Nation, September 17, 2018. <https://www.thenation.com/article/achive/is-the-swedish-model-of-social-democracy-endangered/> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014a) Nordic Magic and the Paradox of Asocial Sociability. *Cliodynamics. The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, Vol. 5, No. 1, pp. 141–145. DOI 10.21237/C7clio5125318 <https://escholaship.org/uc/item/6xw505xh> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014b). Statist Individualism: The Swedish Theory of Love and Its Lutheran Imprint. in Halldorf J., Wenell F. (eds.) *Between the State and the Euharist: Free Church Theology in Conversation with W.T. Cavanaugh*. Eugene (Oregon). Pickwick, pp. 13–38.

Trägårdh L. (2013). The Historical Incubators of Trust in Sweden: From the Rule of Blood to the Rule of Law. in Reuter M., Wijkström F., Ugglå Kristensson B. (eds.) *Trust and Organizations: Confidence across the Borders*. New York. Palgrave Macmillan, pp. 181–203.

Trägårdh L. (2012) The Swedish Model is the Opposite of the Big Society, David Cameron. *The Guardian*, February 10. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/10/swedish-model-big-society-david-cameron> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (1990) The Swedish Model or Swedish Culture? *Critical Review*, Vol. 4, No. 4, pp. 569–590. DOI: 10.1080/08913819008459622

Trägårdh L. (2020) The Swedish Social Contract. Social Trust and the Moral Economy of Reciprocity. *IPPR Progressive Review*, Vol. 27, No. 1, pp. 29–38. DOI: 10.1111.newe.12196

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 74, No. 1, pp. 118–128.

Triandis H.C. (2018) *Individualism and Collectivism*. New York; Abingdon Oxon. Routledge.

Scandinavian Egalitarian Individualism and the Welfare State

V.B. Studentsov*

Candidate of Science (Economics)

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997.*

***E-mail:** studentcov.viktor@gmail.com

Abstract. This essay discusses the nature and roots of Scandinavian egalitarianism and its relation to the welfare state. Nordics are reckoned to be among the most individualistic nations of the world which seemingly strongly contradicts with their passion for equality as embodied in the law of Jante, lagom, hygge and the like everyday patterns of equalization behavior. However, the author finds this presumed paradox to be a false one as Nordics practice what H. Triandis called horizontal individualism that values equality. Nordic researchers especially M. Gullesstad and A. Daun were first to discern this feature of Scandinavians' mentality naming them "egalitarian individualists". High general trust, aspiration for equity and equality seem to be at least partly the legacy of the Lutheran Church as well as agrarian peasant heritage that continues to survive in modern predominantly urban Scandinavia. Whatever the historical origins of this fusion of individualism and equality Social-democratic governments have capitalized on it by adopting policies that deliberately promoted equality in many spheres of social life. "Statist individualism", a concept firstly formulated by L. Trägårdh (presumably having a kind of predecessor in G. Myrdahl) defining an implicit contract between the state and an individual seems to be an adequate description of the current state of Scandinavian mentality.

Key words: Scandinavia, welfare state, culture, mentality, individualism, equality, egalitarian individualism, statist individualism.

DOI: 10.31857/S0201708322010120

REFERENCES

- Alesina A., Glaeser E.L. (2006) Why Are Welfare States in the US and Europe so Different. *Horizons Stratégiques*. No. 2, pp. 51–61. <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2006-2-page-51.htm> (accessed: 18.10.2021)
- Andersen B. R. (1984) Rationality and Irrationality of the Nordic Welfare State. *Daedalus*, Vol. 113, No. 1, pp. 109–139. <https://www.jstor.org/stable/20024904> (accessed: 18.10.2021)
- Berggren H., Trägårdh L. (2010) Pippi Longstocking: The Autonomous Child and the Moral Logic of the Swedish Welfare State. in Mattson H. Wallenstein S.-O. (eds.) *Swedish Modernism: Architecture, Consumption and the Welfare State*. London: Black Dog Publishing, pp. 10–23.
- Bjørnskov C., Svendsen G.T. (2002) Why Does the Northern Light Shine So Brightly? Decentralisation, Social Capital and the Economy. Aarhus University Working Paper 02-15, Aarhus. <https://www.core.ac.uk/download/pdf/7107257.pdf> (accessed: 18.10.2021)
- But M. (2017) *Pochti ideal'nye lyudi: Vsya pravda o zhizni v "scandinavskom rayu"*. [Almost Ideal People: The Whole Truth about Life in the "Scandinavian Paradise"]. Moscow: «E». 512 p. (in Russian).
- Campbell J.L., Hall J.A. (2009) National Identity and the Political Economy of Small States. *Review of International Political Economy*, Vol. 16. No. 4, pp. 547–572. doi: 10.1080/09692290802620378

Chernysheva O.V. (2007) Oke Daun. Izba na sed'mom etazhe. Shvedskij mentalitet v mul'tikul'turnom mire. Stokgol'm, 2005. (Recenziya). [Ake Daun. Hut on the Seventh Floor. Swedish Mentality in a Multicultural World. Stockholm, 2005. (Review)]. *Novaya i novejshaya istoriya*, No. 2, pp. 210–213. (in Russian).

Dahl H. F. (1984) Those Equal Folks. *Daedalus*, Vol. 113. No. 1, pp. 93–107. <https://www.jstor.org/stable/20024903> (accessed: 18.10.2021)

Daun Å. (1991) Individualism and Collectivity among Swedes. *Ethnos*, Vol. 58, No. 3–4: 165–172. Doi: 10.1080/00141844.1991.9981433

Daun Å. (2006) *Swedish Mentality*. Fifth Impression. Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism. *European Sociological Review*, Vol. 21, No. 4, pp. 311–327. <https://www.jstor.org/stable/4621213> (accessed: 18.10.2021)

Ekman I. (2006) Like Garbo, Swedes Just Want to Be Alone – Europe – International Herald Tribune. The New York Times, 13 November. <https://nytimes.com/2006/11/13/world/europe/13iht-swedes.3512334.html> (accessed: 18.10.2021)

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Gullestad M. (1986) Symbolic “Fences” in Urban Norwegian Neighbourhoods. *Ethnos*, Vol. 51, No. 1-2, pp. 52–70. <https://doi.org/10.1080/00141844.1986.9981313>

Gullestad M. (1991) The Scandinavian Version of Egalitarian Individualism. *Ethnologia Scandinavica*, Vol. 21, pp. 3–18.

Gustavsson G. (2008) What Individualism Is and What Is Not: Or the Ideals of Pippi Longstocking and Lisa Simpson. *Uppsala University Working Paper*. Uppsala.

Hofstede G., Hofstede G. j., Minkov M. (2010). *Culture and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw Hill.

Huntford R. (1972) *The New Totalitarians*. London: Allen Lane.

Johnson R., Banting K., Kymlicka W., Soroka S. (2010) National Identity and Support for the Welfare State. *Canadian Journal of Political Science*, Vol. 43, No 2, pp. 349–377. doi: 10.107/S0008423910000089

Knudsen A.S.B. (2019) Those Who Stayed: Individualism, Self-Selection and Cultural Change during the Age of Mass Migration. *Discussion Paper No. 19-01*. Department of Economics. University of Copenhagen. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3321790>

Knudsen A.S.B. (2021) Those Who Stayed: Selection and Cultural Change in the Age of Mass Migration. <https://annesofiebeckknudsen.com/wp-content/uploads/2021/09/thosewhostayed.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Minkov M. (2018) A Revision of Hofstede’s Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries. *Cross Culture and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033

Minkov M., Kaasa A. (2021) A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture Across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, Vol. 55, No. 2–3, pp. 230–281. doi: 10.1177/10693971211014468

Myrdal’ G. (1958) *Mirovaya ekonomika: Problemy I perspektivy*. [World Economy: Problems and Prospects]. Izdatel’stvo Inostranoj Literatury. Moscow, Russia, 555 p. (in Russian).

Naumann I.K., Patterson L. (2020). Why Swedes Trust the State and Scots Do Not: An Explanation of the Diverse Protestant Roots of Modern Welfare Systems. *Journal of Historical Sociology*, Vol. 33, No. 4, pp. 473–488. Doi: 10.1111/johs. 12299.

Plevako N. S., Chernysheva O.V. (2019) *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptacii i integracii immigrantov v Shvecii posle Vtoroj mirovoj vojny. Izd. 2-e, dop.* [Is it possible to become a Swede? The Policy of Adaptation and Integration of Immigrants in Sweden after World War II. Second ed., enlarged]. KRASAND. Moscow, Russia. 320 p. (in Russian).

Pratt J. (2008) Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess. Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism. *British Journal of Criminology*, Vol, 48, No. 2, pp. 119–137. doi: 10.1093/bjc/azm072

Sidel'nikova M. (2013) Odin kak vse. [One like everyone else]. *Vokrug sveta [Around the World]*. No. 6 (2873), pp. 98–106 (in Russian).

Tragårdh L. (2018) Is the “Swedish Model” of Social Democracy Endangered? The Nation, September 17, 2018. <https://www.thenation.com/article/achive/is-the-swedish-model-of-social-democracy-endangered/> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014a) Nordic Magic and the Paradox of Asocial Sociability. *Cliodynamics. The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, Vol. 5, No. 1, pp. 141–145. DOI 10.21237/C7clio5125318 <https://escholarship.org/uc/item/6xw505xh> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014b). Statist Individualism: The Swedish Theory of Love and Its Lutheran Imprint. in Halldorf J., Wenell F. (eds.) *Between the State and the Euharist: Free Church Theology in Conversation with W.T. Cavanaugh*. Eugene (Oregon). Pickwick, pp. 13–38.

Trägårdh L. (2013) The Historical Incubators of Trust in Sweden: From the Rule of Blood to the Rule of Law. in Reuter M., Wijkström F., Uggla Kristensson B. (eds.) *Trust and Organizations: Confidence across the Borders*. New York. Palgrave Macmillan, pp. 181–203.

Trägårdh L. (2012) The Swedish Model is the Opposite of the Big Society, David Cameron. *The Guardian*, February 10. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/10/swedish-model-big-society-david-cameron> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (1990) The Swedish Model or Swedish Culture? *Critical Review*, Vol. 4, No. 4, pp. 569–590. DOI: 10.1080/08913819008459622

Trägårdh L. (2020) The Swedish Social Contract. Social Trust and the Moral Economy of Reciprocity. *IPPR Progressive Review*, Vol. 27, No. 1, pp. 29–38. DOI: 10.1111.newe.12196

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 74, No. 1, pp. 118–128.

Triandis H.C. (2018) *Individualism and Collectivism*. New York; Abingdon Oxon. Routledge.

УДК 338.001.36, 339.944

Выполнено в рамках фундаментальной НИР «Цикличность развития мирохозяйственных укладов» по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН ЕС: ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© 2022 С.А. Толкачев*

Доктор экономических наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

**E-mail: satolkachev@fa.ru*

© 2022 И.Д. Удалов*

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

**E-mail: china.2012@mail.ru*

© 2022 С.А. Темукуев*

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

**E-mail: temukuevsalikh@gmail.com*

Поступила в редакцию 03.09.2021

После доработки 14.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении тенденций и страновых особенностей цифровизации обрабатывающей промышленности европейских стран. Для реализации данной задачи дана общая характеристика процессов цифровизации в европейских странах, выделены основные направления реализации программ цифровизации в крупнейших странах. Осуществлен критический обзор некоторых статистических инструментов (индексов), используемых для измерения уровня цифровизации промышленности. В качестве методического инструментария использована апробированная авторская методика измерения уровня цифровизации обрабатывающей промышленности на основе выделения кибернетической цифровизации, соответствующей Третьей промышленной рево-

люции, и киберфизической цифровизации, адекватной для Четвертой промышленной революции. На основе обработки статистической базы данных ОЭСР были рассчитаны индексы, характеризующие степень киберфизической и кибернетической цифровизации обрабатывающей промышленности в ведущих странах и геоэкономических центрах Европы. В результате произведённых расчётов получены результаты, подтверждающие опережающее развитие киберфизической цифровизации во всех группах европейских стран. На основе выявленной динамики индексов были сделаны выводы относительно прогресса во внедрении технологий Индустрии 4.0 в обрабатывающую отрасль стран Европы, выдвинуты гипотезы относительно причин низкого уровня развития в отдельных странах, а также предложены прогнозы относительно дальнейшего развития данных процессов.

Ключевые слова: Четвертая промышленная революция, Индустрия 4.0; индексы цифровизации; киберфизическая цифровизация; кибернетическая цифровизация; обрабатывающая промышленность, ОЭСР.

DOI: 10.31857/S0201708322010132

В 2021 г. отмечалось десятилетие возникновения термина «Индустрия 4.0», родиной которого стала Германия, наиболее промышленно-развитая европейская страна, которая в 2011 г. провозгласила курс на Индустрию 4.0 как долгосрочную программу интенсификации применения информационных технологий в производстве. Этому примеру вскоре последовали и другие страны, а термин «Индустрия 4.0» вместе со своим американским «коллегой» – «промышленный интернет вещей» – несколько позднее стали олицетворять собой более широкое понятие Четвертая промышленная революция. Данные понятия основываются прежде всего на процессах внедрения и распространения информационных и иных высоких технологий в сферах производства и потребления, и с ними связаны основные надежды на устойчивое развитие в ближайшие десятилетия [Ghobakhloo, 2020].

Пройденный период позволяет поставить вопрос о результативности развертывания новых цифровых технологий в промышленности. Для этого нами была предложена методологическая концепция разделения всех процессов внедрения цифровых технологий на два последовательно связанных, но при этом довольно автономных процесса: кибернетическую и киберфизическую цифровизацию [Толкачев, 2019].

Кибернетическая цифровизация – атрибут Третьей промышленной революции – включает в себя построение одноименных систем на предприятиях, снижающих издержки на обработку информации и повышающих эффективность управленческих процессов в организации. Практическая реализация данного процесса началась еще в 70-х годах прошлого столетия в виде автоматизированных систем управления (АСУ).

Киберфизическая цифровизация как проявление Четвертой промышленной революции начала развиваться на рубеже 2010-х годов, получила обозначение в виде киберфизических систем (КФС) и означает интеграцию цифровых и *непосредственных производственных* технологических процессов. Переход к Индустрии 4.0 является свидетельством исчерпанности резервов кибернетической цифровизации

для промышленных компаний развитых стран и ресурсов дальнейшей автоматизации непроектируемых процессов [Срничек, 2019]. «КФС состоят из вычислительных, коммуникационных и управляющих компонентов, тесно взаимодействующих с физическими процессами различной природы (механическими, электрическими и химическими)» [Song H. и др., 2018].

В настоящей статье на основе перечня показателей, представленных в статистической базе ОЭСР¹, будут рассчитаны индексы кибернетической и киберфизической цифровизации обрабатывающей промышленности основных индустриальных стран Европы, разделённых нами на несколько групп (геоэкономических регионов): Западная Европа (Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Италия и Испания), Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ: Польша, Чехия, Словакия, Словения, Венгрия), Северная Европа (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания), Британия (рассматриваем как отдельный от Западной Европы геоэкономический регион, особенно после брекзита) и, для сравнения, Япония. Выбор именно данных стран, равно как отсутствие некоторых других (например, США), обусловлен наличием репрезентативных данных в вышеуказанной статистической базе.

Индустрия 4.0 и проблема измерения цифровизации промышленности

Единого подхода к определению составляющих Индустрии 4.0 не существует. Наиболее распространёнными подсистемами, фигурирующими в исследованиях, является Интернет вещей и встроенные системы. Отдельные учёные выделяют зондирование, иные киберфизические системы и робототехнику. До определённого периода в исследованиях Индустрии 4.0 не присутствовали такие сферы, как облачные вычисления и аддитивное производство, что говорит о постоянном расширении данной области и её модификации [Santos C. и др. 2017]. Другими важными технологиями Индустрии 4.0 являются 3D-печать, которую многие производители используют для быстрого удовлетворения локального спроса и роботизация [Belton, 2020].

К настоящему моменту понятие Индустрии 4.0 несколько расширилось. Во многом это обусловлено появлением КФС, которые, помимо кибернетических систем, включают в себя мониторинг состояния продукции на каждом этапе производства и отслеживание его жизненного цикла. Более того, ряд корпораций начал массово применять технологии обработки больших данных для индивидуализации производства товаров и повышения спроса на них [Срничек, 2019].

С учётом специфики названных процессов и сложности их структуры многими экспертами и учёными неоднократно предпринимались попытки создать статистический показатель, способный измерить степень цифровизации экономики.

Специалистами Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики в рамках проекта «Индикаторы цифровой экономики», публикуемого с 2009 г., разработаны индексы цифровизации бизнеса, сельского

¹ OECD Statistics. URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения: 14.10.2021)

хозяйства, финансового сектора, социальной сферы, характеризующие уровень использования широкополосного интернета, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем, включенность в электронную торговлю¹. Индексы рассчитаны для различных отраслей и стран, но они не учитывают предлагаемое нами деление процессов цифровизации на кибернетические и киберфизические, что принципиально важно для обрабатывающей промышленности, формирующей в настоящее время новый индустриальный ландшафт всей мировой экономики [Толкачев, 2017].

Для оценки уровня цифровизации экономики Евросоюза и некоторых стран, не входящих в ЕС, был разработан индекс цифровой экономики и общества (I-DESI) [Бакуменко, Минина, 2020]. Его использование способствует определению областей в государстве, которые требуют инвестиций в целях достижения наиболее высокого уровня цифровизации. Индекс рассчитывается на основе 20 индикаторов по пяти измерениям (связь, цифровые навыки, использование гражданами интернета, интеграция бизнес-технологий, цифровые государственные услуги). Измерение «интеграция цифровых технологий в бизнесе» с удельным весом (20%) отражает некоторые аспекты цифровизации промышленности, но не дает исчерпывающего представления об этом процессе.

Среди современных европейских исследований уровня цифровизации промышленности выделим работу [Castelo-Branco I. и др., 2019], которая по своей методологии близка к настоящей статье, поскольку также построена на анализе статистических показателей ОЭСР и Евростата. Цель исследования состояла в определении лидеров цифровизации экономики, а также аспектов аналитических возможностей обрабатывающей промышленности (способности экономических субъектов обрабатывать большие данные) и инфраструктуры Индустрии 4.0. Скандинавские страны, а также Нидерланды показали высокие результаты в обоих направлениях, превосходя Германию и другие страны Центральной Европы [Castelo-Branco I. и др. 2019], хотя в научной среде принято считать, что Германия как страна с самой мощной обрабатывающей промышленностью должна быть лидером цифровизации. Исследователи приходят к заключению, что наряду с внедрением технологической инфраструктуры необходимо параллельно развивать инструментарий анализа больших данных. В диссертации [Maria Isabel Cabral de Abreu Castelo Branco, 2018] выявлено, что высокий уровень внедрения инфраструктуры Индустрии 4.0 не является гарантом её существования в указанных странах, но указывает на высокую возможность её появления и быстрой адаптации.

Тренды цифровизации промышленности европейских стран

В 2010 г. Европейским союзом была разработана стратегия «Europe 2020 Strategy», целью которой являлось достижение целей устойчивого экономического развития и гибкости экономических систем к новым вызовам со стороны внешней

¹ Индикаторы цифровой экономики 2021. Статистический сборник. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/484533334.pdf>, с. 194 (дата обращения: 20.08.2021)

среды. Данный программный документ содержал раздел, специализирующийся на цифровизации экономики ЕС, в частности, автоматизации производства, бизнес-процессов, а также создания инновационных бизнес-моделей и стал основой для формирования специализированных стратегий по цифровой экономике на уровне ЕС и на национальном уровне [Hervas-Oliver J.L. и др. 2020].

В настоящее время Европейский союз реализует программу развития, направленную на создание инфраструктуры и непосредственно самих производств нового типа, получивших название «фабрики будущего». Цель программы – сократить потребление минеральных ресурсов и выбросов токсичных веществ в окружающую среду, то есть создание «зелёной промышленности и энергетической системы». В производство должны быть имплементированы новейшие технологии, а подавляющее число сотрудников должно иметь высшее образование и т.д.

Данная программа будет продолжать реализовываться и в Великобритании [Preston, 2021]¹, которая, несмотря на брекзит, планирует к 2030 г. расширить применение облачных технологий в промышленности путём создания облачной базы данных о кадрах для работодателей и др.

Последний отчёт по исполнению данной программы датируется 2017 г. По утверждению инициаторов программы, эффекты, достигнутые к 2017 г., уже оказали благоприятное влияние на различные отрасли обрабатывающей промышленности. Эффект заключался в оптимизации производственных процессов на предприятиях, в частности, в организациях-участниках программы были повышены показатели качества продукции путём внедрения систем мониторинга за производственными линиями. Кроме того, была существенно расширена образовательная сеть. Институты, ответственные за подготовку специалистов в области технологий Четвертой промышленной революции, разработали 272 вида новых профессий. За 2017 г. 51 международный проект разработал и внедрил 191 новую учебную программу по повышению квалификации кадров для Индустрии 4.0. Объём частных инвестиций за 2017 г. примерно равен 550 млн евро, в то время как заявленный объём совокупных вложений частного сектора в данную инициативу был оценен в сумму от одного до 5 млрд евро [Factories... 2017].

Переходя к страновым характеристикам цифровизации промышленности отметим, что для немецких предприятий характерна высокая степень готовности к внедрению инфраструктуры Индустрии 4.0. Тем не менее возможности к внедрению соответствующих систем зависят от размера самих предприятий, поэтому финансирование технологических модернизаций должно осуществляться не только самим бизнесом, но и со стороны государства. Немецкое государство также столкнулось с существенной проблемой кадров, необходимых для обслуживания и внедрения киберфизических систем. Развитие Индустрии 4.0 должно также включать расширение программ школьного и высшего образования [Sommer, 2015].

¹ J. Preston. Factories of the future: we're spending heavily to give workers skills they won't need by 2030. The conversation, 2021. URL: <https://theconversation.com/factories-of-the-future-were-spending-heavily-to-give-workers-skills-they-wont-need-by-2030-165109> (дата обращения: 20.10.2021)

В соседней Франции схожие тренды развития индустрии нового поколения начались позже. Программные документы, направленные конкретно на развитие киберфизических систем, впервые появились в 2015 г. Основными направлениями, на которых ориентировано французское правительство, является робототехника и аддитивное производство. По инициативе правительства был создан Альянс Индустрии будущего (*Alliance Industrie du Futur*) [Raffour, 2016]. Данная госструктура поддерживает бизнес во внедрении технологий промышленного производства четвертого поколения, а также способствует реализации промышленных проектов и координации экономических субъектов [Larosse, 2017].

В Испании в рамках осуществления вышеописанных европейских проектов были созданы специальные цифровые хабы, занимающиеся продвижением новых производственных технологий на предприятия обрабатывающей промышленности, организацией экспериментов и испытаний новые производственных практик и бизнес-моделей, а также служащие площадками для переквалификации кадров [Hervas-Oliver J.L. и др. 2020].

В Северной Европе модернизация обрабатывающей промышленности происходит высокими темпами. В силу территориальных, социальных и иных факторов Дания не обладает крупными промышленными предприятиями, способными стать локомотивами на пути технологической модернизации. Тем не менее правительство Дании, осознавая угрозу стагнации национальной экономики и снижения темпов экономического роста, разработало ряд программных документов, направленных на развитие интеграции академического сообщества, средних и мелких предприятий и государственных институтов с целью форсирования технологической модернизации. Объединение, по мнению исследователей, имеет шансы на успешное достижение целей по модернизации, так как кооперация на отдельных ключевых аспектах в соединении с единством экономических субъектов способно без особых потрясений адаптировать негибкую экономику страны к новым условиям ведения хозяйства [Darnley R.E. и др. 2018].

Схожая ситуация характерна для Швеции. По итогам исследования, предметом которого является оценка готовности предприятий Швеции к внедрению искусственного интеллекта, авторами было заключено, что данный аспект киберфизических систем на сегодняшний день невозможен к внедрению на территории страны. Это вызвано недостаточным уровнем квалификации персонала, несмотря на технологическую готовность самих предприятий [Truvé T. и др. 2019].

В Норвегии имеется базовая инфраструктура и предпосылки для имплементации подсистем индустрии 4.0: большинство предприятий имеют цифровое оборудование, а абсолютное большинство сотрудников используют компьютеры. Адаптация кадров к цифровым технологиям способствует более эффективному внедрению подсистем Индустрии 4.0 в экономику [Torvatn H. и др. 2019].

В Восточной Европе также заметен тренд на внедрение инфраструктуры Индустрии 4.0 в экономику. Исследование промышленности Чехии свидетельствует о том, что ряд предприятий страны уже активно применяют технологии Индустрии 4.0, однако их количество на 2017 г. было слишком мало, чтобы говорить о существенном развитии киберфизической цифровизации [Basl J., Kopp J. 2017].

В Венгрии правительство в 2016 г. инициировало создание госструктуры и программ по внедрению соответствующих цифровых технологий в национальное хозяйство. Сложности, с которыми столкнулось венгерское правительство, были типичными для европейских стран: недостаток квалифицированных кадров, большое количество малых и средних предприятий, по большей части неспособных финансировать технологическое переоснащение производства за собственные средства. Несмотря на разработанные программы, эффективность развития Индустрии 4.0 в Венгрии является одной из самых низких в Европе [Nick G. A. и др. 2019].

Индексы кибернетической и киберфизической цифровизации

Для измерения уровня цифровизации обрабатывающей промышленности европейских стран мы обратились к базе данных ОЭСР¹, где представлена богатейшая информация об использовании тех или иных информационных технологий в различных сферах экономики. Мы выбрали обрабатывающую промышленность и отобрали несколько показателей для каждого индекса из более 40 показателей ICT. Ниже приведены эти показатели с сохранением шифра базы данных ОЭСР. Обоснование отбора показателей дано в нашей работе [Толкачев, 2019]. Мы осознаем, что данный перечень показателей не исчерпывает всего набора технологий Индустрии 4.0. Одним из таких параметров является, например, использование технологий 3D-моделирования и печати. Данный показатель только начал появляться в базе данных ОЭСР, и скромный объём накопленных по годам данных не позволяет включать их в Индекс киберфизической цифровизации. Другие показатели пока даже не получили статистического отражения.

Показатели киберфизической цифровизации

Киберфизическая цифровизация означает интеграцию информационно-коммуникационных технологий в производственные процессы, поэтому отобраны те показатели, которые в наибольшей степени обеспечивают такую интеграцию.

S3A – предприятия, использующие программное обеспечение ERP (%)

S3D – предприятия, использующие технологию RFID (%)

G3 – компании, покупающие услуги облачных вычислений (%)

G7 – Компании, выполняющие анализ больших данных (%)

A2 – предприятия с широкополосным подключением (к Интернету) (стационарное и мобильное) (%)

E7 – Компании с официальной политикой управления рисками конфиденциальности ИКТ (%)

Показатели кибернетической цифровизации

Кибернетическая цифровизация

S3B – предприятия, использующие программное обеспечение CRM (%)

¹ OECD Statistics. URL: <https://stats.oecd.org/> - Information and Communication Technology – ICT Access and Usage by Businesses. (дата обращения: 26.10.2020)

S4 – предприятия, обменивающиеся электронной информацией SCM с поставщиками и клиентами (%)

B2 – компании с веб-сайтом, позволяющим осуществлять онлайн-бронирование (%)

D2B – Заказы, полученные через интернет (%)

K1 – Компании, использующие социальные сети (%).

Для вычисления индексов цифровизации использованы формулы расчета средней арифметической величины среди отобранных показателей. Использование средневзвешенных величин пока преждевременно из-за отсутствия общественного консенсуса по вопросу степени влияния отдельных показателей на итоговый результат.

Указанная база данных ОЭСР содержит неполное количество данных по годам и странам как по отобранным, так и по остальным показателям. Поэтому тщательный отбор допустил относительно небольшое число пропущенных данных. Искажение исторических данных при расчете индекса минимально, так как они относятся к наиболее позднему времени. Оценка недостающих данных осуществлялась по программе Гэри Кинга Amelia II, что уменьшило смещение данных.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования представлены в Таблицах 1–2.

Таблица 1

Страновые индексы киберфизической цифровизации, %

Год	Западная Европа (ЗЕ)								Великобритания	Япония	
	В среднем	Бельгия	Франция	Германия	Италия	Нидерланды	Испания	Швейцария			
2014	44,50	н/д	50,05	45,68	48,01	38,89	42,03	42,34	36,87	45,44	
2015	45,97	н/д	51,96	49,96	45,40	40,34	42,39	45,78	40,10	49,66	
2016	42,91	51,56	44,91	40,48	35,87	44,74	36,54	46,23	53,76	47,46	
2017	45,15	57,29	48,98	40,98	36,13	47,69	38,26	46,68	44,38	56,24	
2018	48,86	н/д	58,64	45,28	41,39	56,27	42,73	н/д	н/д	53,92	
2019	51,17	н/д	62,22	45,78	46,59	57,75	43,49	н/д	н/д	55,21	
Год	Северная Европа (СЕ)					Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ)					
	В среднем	Норвегия	Швеция	Дания	Финляндия	В среднем	Чехия	Венгрия	Польша	Словакия	Словения
2014	47,42	41,57	50,46	48,66	48,99	36,16	38,11	30,77	31,73	39,04	41,15
2015	49,14	44,60	50,73	50,72	50,51	38,13	39,64	32,71	32,46	42,89	42,93
2016	43,68	45,36	42,75	42,55	44,04	32,23	33,29	27,64	28,31	34,79	37,11
2017	45,19	47,46	43,42	43,78	46,08	33,54	34,19	27,95	29,69	37,08	38,80
2018	52,92	50,39	53,15	55,66	52,49	39,17	42,64	33,47	35,71	40,54	43,48
2019	56,96	55,06	57,02	59,65	56,09	40,37	44,63	34,23	37,93	39,82	45,26

Составлено и рассчитано по: OECD Statistics. URL: <https://stats.oecd.org/> – Information and Communication Technology – ICT Access and Usage by Businesses. (дата обращения: 26.10.2020)

Таблица 2

Страновые индексы кибернетической цифровизации, %

Год	Западная Европа (ЗЕ)								Велико-британия	Япония	
	В среднем	Бельгия	Франция	Германия	Италия	Нидерланды	Испания	Швейцария			
2014	19,69	н/д	12,62	22,28	16,54	28,38	18,60	н/д	17,75	н/д	
2015	21,65	н/д	16,17	25,05	17,49	31,70	19,50	20	20,40	н/д	
2016	21,43	14,47	17,41	27,26	17,46	31,01	19,78	22,64	23,09	н/д	
2017	24,78	29,78	18,04	28,47	18,49	32,40	21,01	25,28	24,27	10,50	
2018	25,15	19,34	25,52	26,35	16,50	38,03	н/д	н/д	н/д	8,65	
2019	27,04	н/д	25,69	26,78	16,72	38,98	н/д	н/д	н/д	15,66	
Год	Северная Европа (СЕ)					Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ)					
	В среднем	Норвегия	Швеция	Дания	Финляндия	В среднем	Чехия	Венгрия	Польша	Словакия	Словения
2014	23,29	21,96	21,56	21,54	28,11	17,07	17,65	12,12	17,59	17,69	20,30
2015	25,92	23,58	23,03	24,85	32,22	17,08	17,66	12,92	14,83	19,09	20,91
2016	26,79	25,55	24,03	24,98	32,62	18,18	18,33	13,67	16,08	20,44	22,38
2017	26,29	26,48	25,36	26,29	27,05	17,53	19,22	13,67	16,65	19,96	18,15
2018	27,70	32,36	24,59	22,97	30,88	17,43	14,14	17,14	18,47	17,85	19,53
2019	29,15	34,07	25,25	25,29	31,99	15,86	11,54	18,22	н/д	17,83	н/д

Составлено и рассчитано по: OECD Statistics. URL: <https://stats.oecd.org/> – Information and Communication Technology – ICT Access and Usage by Businesses. (дата обращения: 26.10.2020)

Прежде всего, обращает на себя внимание гораздо более высокий достигнутый уровень киберфизической цифровизации во всех странах и группировках, по сравнению с уровнем кибернетической цифровизации. Темпы роста индекса киберфизической цифровизации во многих странах также существенно опережают темпы роста устаревшей кибернетической цифровизации. Например, страны ЦВЕ в целом демонстрируют даже отрицательные темпы роста кибернетической цифровизации при возрастании киберфизической цифровизации. Это лишний раз подтверждает реализуемый в настоящее время переход к освоению технологий Индустрии 4.0 или переход от Третьей к Четвертой промышленной революции

Как и следовало ожидать, в Европе страны ЗЕ заметно опережают ЦВЕ, но несколько уступают северным странам, что, впрочем, вполне объяснимо на основе меньших масштабов обрабатывающей промышленности в последних. Япония демонстрирует сопоставимый с передовой Европой уровень киберфизической цифровизации.

Удивительным фактом является отсутствие явного прогресса киберфизической цифровизации в Германии, так как данное государство инициировало разработку новых промышленных систем Индустрии 4.0. Эта страна отстает по уровню цифровизации от Франции, от всех североευропейских стран и стоит на одном уровне с Чехией. Невнятные показатели киберфизической цифровизации демонстрируют также Италия, Испания и Швейцария.

Результаты расчёта индекса кибернетической цифровизации отражают схожие тренды и пропорции между геоэкономическими группировками, но с поправкой на

в целом более низкий уровень показателей. Наиболее высокие темпы внедрения кибернетических систем присутствуют в странах СЕ, а также во Франции.

Британия относительно всех выделенных групп занимает некое срединное положение как по общему уровню, так и по темпам развития обоих индексов цифровизации.

Заключение

По итогам проведённого выше исследования можно заключить, что на основе существующих статистических показателей, характеризующих уровень цифровизации, можно составить приблизительную картину внедрения цифровых технологий как в производственные процессы (индекс киберфизической цифровизации), так и в непроизводственные бизнес-процессы предприятий обрабатывающей промышленности (индекс кибернетической цифровизации). Предложенные индексы не исключают возможности включения в них дополнительных показателей, характеризующих иные технологии в рамках Индустрии 4.0.

Проведённое при помощи предложенных индексов исследование свидетельствует о высоких темпах цифровизации в странах Скандинавии, что вполне коррелирует с данными индексов Всемирного экономического форума и I-DESI. Хотя одним из пионеров модернизации материального производства в Европе является Германия, полученные данные свидетельствуют о том, что это государство уступает пальму первенства своим ближайшим соседям, в том числе и Франции. Восточная Европа заметно отстаёт от Западной, о чём свидетельствуют низкие показатели индексов. Это отражает сильную неравномерность развития стран в рамках ЕС, что может привести к нарастанию противоречий между государствами с тревожными последствиями для единого экономического пространства.

Низкий уровень кибернетической цифровизации не противоречит высокому уровню развития и внедрения киберфизических систем. Это может свидетельствовать о некоторой обособленности в протекании данных процессов и о явном приоритете в развитии киберфизических систем над кибернетическими. Наиболее промышленно-развитые страны Европы успешно реализуют политику киберфизической цифровизации, которая в ближайшие годы коренным образом изменит облик как всей обрабатывающей промышленности, так и сопутствующих отраслей, в русле формирования экономики устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А. В. (2013) Инновационная стратегия 2020: Новые возможности или старые ограничения? *Россия и современный мир*, № 1 (78). С. 145–157.

Бакуменко, Л. П., & Минина, Е. А. (2020) Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI): тенденции развития цифровых технологий, *Статистика и экономика*, № 2, С. 40–54. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-40-54>

Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*. ИД ВШЭ, Москва, Россия. 128 с.

Скляр М. А., Кудрявцева, К. В. (2019). Цифровизация: основные направления, преимущества и риски, *Экономическое возрождение России*, № 3 (61), С. 103–114.

Толкачев С.А. (2017) Качественные изменения глобального индустриального ландшафта. *Научные труды Вольного экономического общества России*, № 207(5), С. 170–200.

Толкачев С.А. (2019) Киберфизические компоненты повышения конкурентоспособности обрабатывающих отраслей промышленности. *Экономическое возрождение России*, № 3(61), С. 127–145.

Alessi C. (2014) *Germany Develops “Smart Factories” to Keep an Edge*, [Online], URL: <https://www.marketwatch.com/story/germany-develops-smart-factories-to-keep-an-edge-2014-10-27> (accessed: 20 Nov 2021).

Basl, J., & Kopp, J. (2017). Study of the Readiness of Czech Companies to the Industry 4.0, *Journal of Systems Integration*, No 8 (3), pp. 40–45. <http://dx.doi.org/10.20470/jsi.v8i3.313>

Branco, M.I.C.D.A.C. (2019). Digitization of the manufacturing sector across the EU: Assessing readiness for industry 4.0, Master’s Thesis, Universidade NOVA de Lisboa, Lisbon, Portugal. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Digitization-of-the-manufacturing-sector-across-the-Branco/e1b485d62625c5f17d80ad20ddaca7018c13f9a5> (accessed: 20 Nov 2021).

Castelo-Branco, I., Cruz-Jesus, F., & Oliveira, T. (2019). Assessing Industry 4.0 readiness in manufacturing: Evidence for the European Union. *Computers in Industry*, No 107, pp. 22–32. <https://doi.org/10.1016/j.compind.2019.01.007>

Darnley, R. E., Kim, A. S., Kerns, M. C., & DiPlacido, M. P. (2018). *Industry 4.0: Digitization in Danish Industry*. Worcester Polytechnic Institute, Worcester, 140 p.

Factories of the Future Public-Private Partnership. Progress Monitoring Report for 2017. (2017) The European Factories of the Future Research Association, Brussels, Belgium, 39 p.

Global Competitiveness Network: Frequently Asked Questions. Explained.Today: The Information and Knowledge Portal, URL: https://everything.explained.today/Global_Competitiveness_Report/ (accessed: 30 Nov 2021).

Ghobakhloo M. (2020) Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability, *Journal of cleaner production*. Vol. 252:119869. URL: https://www.researchgate.net/publication/338204494_Industry_40_Digitization_and_Opportunities_for_Sustainability (accessed: 30 Nov 2021).

Hervas-Oliver, J. L., Gonzalez-Alcaide, G., Rojas-Alvarado, R., & Monto-Mompo, S. (2021). Emerging regional innovation policies for industry 4.0: Analyzing the digital innovation hub program in European regions. *Competitiveness Review: An International Business Journal*, No 1, pp. 106–129 <https://doi.org/10.1108/CR-12-2019-0159>.

Larosse, J. (2017). *Analysis of national initiatives on digitising European industry – France: Alliance Industrie du Futur*. VANGUARD INITIATIVES Consult&Creation, URL: <https://ec.europa.eu/futurium/en/implementing-digitising-european-industry-actions/national-initiatives-digitising-industry.html> (accessed 25 Nov 2021).

Miller, R. (2015) GE Adds Infrastructure Services to Internet of Things Platform, URL: <https://techcrunch.com/2015/08/04/ge-adds-infrastructure-services-to-internet-of-things-platform/> (accessed 15 Nov 2021).

Miller, R. (2015) GE Predicts Predix Platform Will Generate \$6B In Revenue This Year, URL: <https://techcrunch.com/2015/09/29/ge-predicts-predix-platform-will-generate-6b-in-revenue-this-year/> (accessed 25 Nov 2021).

Nick, G. A., Gallina, V., Szaller, Á., Várgedő, T., & Schumacher, A. (2019). Industry 4.0 in Germany, Austria and Hungary: interpretation, strategies and readiness models, *16th IMEKO TC10 Conference "Testing, Diagnostics & Inspection as a comprehensive value chain for Quality & Safety"*, Berlin, Germany, September 3-4, 2019, pp. 71–76.

Raffour, C. (2016). *Nouvelle France Industrielle. Fiche repère FutuRIS*. Alliance Industrie du Futur, Paris, France, 5 p. URL: <http://www.web1.anrt.typhon.net/sites/default/files/fiche-repere-nouvelle-france-industrielle.pdf> (accessed 5 Nov 2021).

Santos, C., Mehra, A., Barros, A. C., Araújo, M., & Ares, E. (2017). Towards Industry 4.0: an overview of European strategic roadmaps. *Procedia Manufacturing*, No 13, pp. 972–979. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.093>

Schwab, K. (ed.) (2018) *The Global Competitiveness Report 2018*. World Economic Forum, Cologny/Geneva, Switzerland, 657 p. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (accessed: 13 Nov 2021).

Schwab, K. (ed.) (2019) *Global Competitiveness Report 2019: How to end a lost decade of productivity growth*. World Economic Forum, Cologny/Geneva, Switzerland, 650 p. URL: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (accessed: 13.11.2021)

Sommer, L. (2015). Industrial revolution-industry 4.0: Are German manufacturing SMEs the first victims of this revolution? *Journal of Industrial Engineering and Management*, No 8(5), pp. 1512–1532. <http://dx.doi.org/10.3926/jiem.1470>

Song, H., Fink, G. A., & Jeschke, S. (Eds.). (2018). *Security and privacy in cyber-physical systems: Foundations, principles, and applications*. John Wiley & Sons, Chichester, West Sussex, UK. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803801-7.00009-2>

Torvatn, H., Kamsvåg, P., & Kløve, B. (2019). Industry 4.0 visions and reality-status in Norway. *IFIP WG 5.7 International Conference, APMS 2019*, Austin, USA, September 1–5, 2019, pp. 347–354. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29996-5_40

Truvé, T., Wallin, M., & Ryfors, D. (2019). Swedish manufacturing SMEs readiness for industry 4.0: what factors influence an implementation of artificial intelligence and how ready are manufacturing SMEs in Sweden?, Bachelor Thesis, Jönköping University, Jönköping, Sweden, 72p. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1321698/FULLTEXT01.pdf>. (accessed: 13.11.2021)

Digitalization of the Manufacturing Industry in the EU: Cyber-Physical Systems Priority Development

S.A. Tolkachev*

Doctor of Science (Economics)

*Financial University under the Government of Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993.*

***E-mail:** satolkachev@fa.ru

I.D. Udalov*

*Financial University under the Government of Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993.*

***E-mail:** china.2012@mail.ru

S.A. Temukuev*

Financial University under the Government of Russian Federation.

49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993.

***E-mail:** *temukuevsalikh@gmail.com*

Abstract. The purpose of this article is to identify trends and country characteristics of the European manufacturing industry digitalization. To implement this task, the overall characteristics of digitalization processes in European countries were carried out, the main directions for the implementation of digitalization programs in the largest countries were allocated. A critical overview of some statistical tools (indexes) used to measure the level of digitalization of the industry was carried out. As a methodological instrument, a tested author's method for measuring the level of digitalization of the manufacturing industry was used based on the release of cybernetic digitalization corresponding to the third industrial revolution, and cyber-physical digitalization, adequate to the fourth industrial revolution. Based on the processing of the OECD statistical database, indices characterized by the degree of cyberphysical and cybernetic digitalization of the manufacturing industry in leading countries and geoeconomic centers of Europe were calculated. As a result of the calculations, the data was obtained confirming the advanced development of cyberphysical digitalization in all groups of European countries. Based on the identified dynamics of indexes, conclusions were made regarding the progress of the implementation of the 4.0 industry technologies in the processing industry of Europe, hypothesis relative to the reasons for the low level of development in individual countries, and also proposed predictions regarding the further development of these processes.

Keywords: Fourth Industrial Revolution, Industry 4.0; Digitalization Indices; Cyberphysical Digitalization; Cybernetic Digitalization; Manufacturing, OECD.

DOI: 10.31857/S0201708322010132

REFERENCES

Alekseev A. V. (2013) Innovatsionnaya strategiya 2020: Novye vozmozhnosti ili starye ogranicheniya? [Innovation Strategy 2020: New Opportunities or Old Constraints?], *Rossiya i sovremennyyi mir*, No 1 (78), pp. 145–157. (In Russian).

Alessi C. (2014) *Germany Develops “Smart Factories” to Keep an Edge*, [Online], URL: <https://www.marketwatch.com/story/germany-develops-smart-factories-to-keep-an-edge-2014-10-27> (accessed: 20 Nov 2021).

Bakumenko L. P., & Minina, E. A. (2020) Mezhdunarodnyi indeks tsifrovoy ekonomiki i obshchestva (I-DESI): tendentsii razvitiya tsifrovoykh tekhnologii [International Digital Economy and Society Index (I-DESI): Digital Trends], *Statistika i ekonomika*, No 2, pp. 40–54. (In Russian) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-40-54>

Basl, J., & Kopp, J. (2017). Study of the Readiness of Czech Companies to the Industry 4.0, *Journal of Systems Integration*, No 8 (3), pp. 40–45.

<http://dx.doi.org/10.20470/jsi.v8i3.313>

Branco, M.I.C.D.A.C. (2019). Digitization of the manufacturing sector across the EU: Assessing readiness for industry 4.0, Master's Thesis, Universidade NOVA de Lisboa, Lisbon, Portugal. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Digitization-of-the-manufacturing-sector-across-the-Branco/e1b485d62625c5f17d80ad20ddaca7018c13f9a5> (accessed: 20 Nov 2021).

Castelo-Branco, I., Cruz-Jesus, F., & Oliveira, T. (2019). Assessing Industry 4.0 readiness in manufacturing: Evidence for the European Union. *Computers in Industry*, No 107, pp. 22–32. <https://doi.org/10.1016/j.compind.2019.01.007>

Darnley, R. E., Kim, A. S., Kerns, M. C., & DiPlacido, M. P. (2018). *Industry 4.0: Digitization in Danish Industry*. Worcester Polytechnic Institute, Worcester, 140 p.

Factories of the Future Public-Private Partnership. Progress Monitoring Report for 2017. (2017) The European Factories of the Future Research Association, Brussels, Belgium, 39 p.

Global Competitiveness Network: Frequently Asked Questions. Explained.Today: The Information and Knowledge Portal, URL: https://everything.explained.today/Global_Competitiveness_Report/ (accessed: 30 Nov 2021).

Ghobakhloo M. (2020) Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability, *Journal of cleaner production*. Vol. 252:119869. URL: https://www.researchgate.net/publication/338204494_Industry_40_Digitization_and_Opportunities_for_Sustainability (accessed: 30 Nov 2021).

Hervas-Oliver, J. L., Gonzalez-Alcaide, G., Rojas-Alvarado, R., & Monto-Mompo, S. (2021). Emerging regional innovation policies for industry 4.0: Analyzing the digital innovation hub program in European regions. *Competitiveness Review: An International Business Journal*, No 1, pp. 106–129 <https://doi.org/10.1108/CR-12-2019-0159>.

Larosse, J. (2017). *Analysis of national initiatives on digitising European industry – France: Alliance Industrie du Futur*. VANGUARD INITIATIVES Consult&Creation, URL: <https://ec.europa.eu/futurium/en/implementing-digitising-european-industry-actions/national-initiatives-digitising-industry.html> (accessed 25 Nov 2021).

Miller, R. (2015) GE Adds Infrastructure Services to Internet of Things Platform, URL: <https://techcrunch.com/2015/08/04/ge-adds-infrastructure-services-to-internet-of-things-platform/> (accessed 15 Nov 2021).

Miller, R. (2015) GE Predicts Predix Platform Will Generate \$6B In Revenue This Year, URL: <https://techcrunch.com/2015/09/29/ge-predicts-predix-platform-will-generate-6b-in-revenue-this-year/> (accessed 25 Nov 2021).

Nick, G. A., Gallina, V., Szaller, Á., Várgedő, T., & Schumacher, A. (2019). Industry 4.0 in Germany, Austria and Hungary: interpretation, strategies and readiness models, *16th IMEKO TC10 Conference “Testing, Diagnostics & Inspection as a comprehensive value chain for Quality & Safety*, Berlin, Germany, September 3-4, 2019, pp. 71–76.

Raffour, C. (2016). *Nouvelle France Industrielle. Fiche repère FutuRIS*. Alliance Industrie du Futur, Paris, France, 5 p. URL: <http://www.web1.anrt.typhon.net/sites/default/files/fiche-repere-nouvelle-france-industrielle.pdf> (accessed 5 Nov 2021).

Santos, C., Mehraei, A., Barros, A. C., Araújo, M., & Ares, E. (2017). Towards Industry 4.0: an overview of European strategic roadmaps. *Procedia Manufacturing*, No 13, pp. 972–979. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.093>

Schwab, K. (ed.) (2018) *The Global Competitiveness Report 2018*. World Economic Forum, Cologny/Geneva, Switzerland, 657 p. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (accessed: 13 Nov 2021).

Schwab, K. (ed.) (2019) *Global Competitiveness Report 2019: How to end a lost decade of productivity growth*. World Economic Forum, Cologny/Geneva, Switzerland, 650 p. URL: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (accessed: 13.11.2021)

Sklyar, M. A., Kudryavtseva, K. V. (2019). Tsifrovizatsiya: osnovnye napravleniya, premushchestva i riski [Digitalization: main directions, advantages and risks], *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*, No 3 (61), pp. 103–114. (In Russian)

Sommer, L. (2015). Industrial revolution-industry 4.0: Are German manufacturing SMEs the first victims of this revolution? *Journal of Industrial Engineering and Management*, No 8(5), pp. 1512–1532. <http://dx.doi.org/10.3926/jiem.1470>

Song, H., Fink, G. A., & Jeschke, S. (Eds.). (2018). *Security and privacy in cyber-physical systems: Foundations, principles, and applications*. John Wiley & Sons, Chichester, West Sussex, UK. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803801-7.00009-2>

Srnichek, N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. ID VSHE, Moscow, 128 p. (In Russian).

Tolkachev, S.A. (2017). Kachestvennye izmeneniya global'nogo industrial'nogo landshafta [Qualitative changes in the global industrial landscape], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, No 207(5), pp. 170–200. (In Russian).

Tolkachev, S.A. (2019). Kiberfizicheskie komponenty povysheniya konkurentosposobnosti obrabatyvayushchikh otraslei promyshlennosti [Cyber-physical components of increasing the competitiveness of manufacturing industries]. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*, No 3 (61), pp. 127–145. (In Russian).

Torvatn, H., Kamsvåg, P., & Kløve, B. (2019). Industry 4.0 visions and reality-status in Norway. *IFIP WG 5.7 International Conference, APMS 2019*, Austin, USA, September 1–5, 2019, pp. 347–354. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29996-5_40

Truvé, T., Wallin, M., & Ryfors, D. (2019). Swedish manufacturing SMEs readiness for industry 4.0: what factors influence an implementation of artificial intelligence and how ready are manufacturing SMEs in Sweden?, Bachelor Thesis, Jönköping University, Jönköping, Sweden, 72p. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1321698/FULLTEXT01.pdf>. (accessed: 13.11.2021)

УДК 327

*Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда, проект № 17-18-01110.*

РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© 2022 Е.Ю. Трещенков*

Кандидат исторических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет. 191060, Россия,
Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 8.*

**E-mail: e.treschenkov@spbu.ru*

Поступила в редакцию 23.08.2021

После доработки 26.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Центральная Азия не входит в число приоритетных направлений внешней политики Европейского союза. Европейцы воспринимают этот регион одновременно и как часть «глобального Юга», и как часть постсоветского пространства. Возможности ЕС в регионе ограничены, при этом внимание Брюсселя к Центральной Азии обычно стимулируют внешние факторы – от проблемы Афганистана до возрастающей роли Китая. В 2019 г. Евросоюз обновил свою коллективную Стратегию в отношении Центральной Азии. В фокусе исследования находится попытка выявить устойчивые черты политики ЕС, ее уязвимые места и степень новизны обновленного стратегического подхода Брюсселя к региону. Сделан вывод, что подход изменился мало в силу ряда факторов, не на все из которых Брюссель способен повлиять.

Ключевые слова: Центральная Азия, Европейский союз, постсоветское пространство, политика развития.

DOI: 10.31857/S0201708322010144

Политика Европейского союза в отношении государств постсоветского пространства условно поделена на три направления – Россию, Восточное партнерство (ВП) и Центральную Азию (ЦА). Последней в Евросоюзе традиционно уделялось меньше всего внимания. Несмотря на отсутствие ЦА в списке высших приоритетов, интенсивность процессов, происходящих на пространстве Евразии, включая реализацию Китаем проектов Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), конфликт по линии Россия-Запад, расколовший постсоветское пространство, ситуацию вокруг Афганистана, не позволяют Евросоюзу игнорировать проблемы ЦА. Неслучайно, что интерес Брюсселя к региону постепенно возрастает.

Цель статьи – выявить устойчивые черты политики ЕС в отношении Центральной Азии, ее уязвимые места и степень новизны обновленного стратегического подхода. Исходя из поставленной цели, предлагается последовательно решить несколько взаимосвязанных задач. В первую очередь, охарактеризовать специфику восприятия ЦА Евросоюзом в ретроспективе. Затем проанализировать инструментарий, который применяет Брюссель к региону ЦА. Принципиально важным представляется ответ на вопрос о месте Центральной Азии между условным «глобальным Югом» и постсоветским пространством. Далее сделан обзор содержания дискуссий о новой Стратегии ЕС в отношении ЦА, включая обсуждавшиеся сильные и слабые стороны подхода Брюсселя к региону. Завершает статью оценка новизны Стратегии ЕС в отношении ЦА 2019 г., ее потенциала в формировании более эффективной политики ЕС.

Восприятие Центральной Азии Евросоюзом

С момента распада СССР Евросоюз рассматривал Центральную Азию одним из субрегионов постсоветского пространства. Соответствующие республики были включены в программу ТАСИС (Техническая помощь Содружеству Независимых Государств). Подход ЕС заключался в том, что ЦА слишком удалена от него в географическом плане, при этом, отчасти, все же принадлежит к широкому пространству, с которым связаны культурно-цивилизационное влияние и интересы Европы в области безопасности. В наследство от советского периода самим центральноазиатским республикам досталось членство в ОБСЕ, являющееся своеобразным институциональным маркером их принадлежности к пространству сотрудничества и безопасности от Атлантики до Владивостока.

Попытка сформулировать целостный подход ЕС к региону была предпринята довольно поздно и неслучайно совпала с усилением угрозы международного терроризма, в том числе и в Афганистане как одной из его опорных баз. О прямой взаимосвязи между появлением системного интереса и афганской проблемой, в частности, говорилось в первой Стратегии в отношении ЦА, принятой Европейской комиссией в 2002 г.¹ С 2005 г. в регионе работает Специальный представитель ЕС по Центральной Азии. Стратегия 2002 г. стала очередным свидетельством того, что, признавая принадлежность республик ЦА к условному постсоветскому пространству, Брюссель смотрит на их проблемы через призму общего подхода к развивающимся странам. Особый упор в документе был сделан не только на продвижении безопасности и стабильности, но и на программах содействия «устойчивому экономическому развитию и сокращению бедности»². Такие заявления со всей очевидностью приравнивали проблематику Центральной Азии в глазах функционеров ЕС

¹ Strategy Paper 2002-2006 for Central Asia. 30 October 2002. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

² Strategy Paper 2002-2006 for Central Asia. 30 October 2002. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

к вопросам стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ). При этом преодолевать общие для стран ЦА проблемы безопасности и развития предлагалось, как и в случае с субрегионами Африканского континента, за счет укрепления внутрирегионального сотрудничества.

В 2007 г. при активном участии Германии¹, председательствовавшей в Совете ЕС, была разработана и принята Стратегия Брюсселя в отношении ЦА. Поскольку она была утверждена странами-членами Евросоюза, ее статус был выше предыдущего документа, принятого Еврокомиссией. В числе причин интереса к ЦА, помимо афганской проблематики, упоминалось расширение ЕС и включение государств Южного Кавказа в Европейскую политику соседства. По мнению авторов документа, это существенно приблизило ЕС к региону ЦА². В последующих документах ЕС даже появилось предложение активнее вовлекать государства региона в совместные проекты с участниками Восточного партнерства³. Не последнее место занимали и соображения энергетической безопасности. На тот момент регион ЦА присутствовал в качестве предполагаемого поставщика энергоносителей в Европу как в рамках проекта газопровода Набукко (Туркменистан, Узбекистан), так и в контексте более широкой транспортно-энергетической Бакинской инициативы (Туркменистан, Казахстан).

В Стратегии было четко сформулировано видение Евросоюзом как Центральной Азии, так и своей роли во взаимодействии с государствами этого региона. Несмотря на слова об истории взаимодействия, уходящей в глубь веков, было указано на промежуточное положение ЦА между двумя цивилизациями – европейской и азиатской. Роль ЕС в регионе заключается в том, чтобы делиться опытом и экспертизой в вопросах эффективного управления, демократизации, верховенства права и прав человека. В числе приоритетов сотрудничества были названы энергетический диалог, транспорт, образование, окружающая среда и водные ресурсы, права человека, эффективное управление и политический диалог⁴.

Интенсивность контактов ЕС и центральноазиатских республик, действительно, возросла. Как отмечали местные эксперты, при подготовке документа представители Евросоюза и отдельных стран-членов (прежде всего, Германии) обсуждали с ними и общую концепцию, и список приоритетов [Чеботарев, 2013]. Однако после принятия Стратегии 2007 г. европейцы продолжили демонстрировать умеренный интерес к региону.

¹ Германия является безусловным лидером среди стран-членов ЕС по объемам средств, предоставляемых странам Центральной Азии. Она обладает разветвленной сетью дипломатических и бизнес-представительств в регионе.

² The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 27 May 2007. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2010_strategy_eu_centralasia_en.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

³ Multiannual Indicative Programme Regional Central Asia 2014-2020. URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/mip-2014-2020-central-asia-regional-20140812-en.pdf> (дата обращения: 21.08.2021)

⁴ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 27 May 2007. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2010_strategy_eu_centralasia_en.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

Некоторые усматривают в подходах ЕС определенный ориентализм. Ведь различия между центральноазиатскими республиками зачастую проводятся либо в соответствии с обезличенными параметрами социально-экономического развития по версии Всемирного банка, либо исходя из их готовности осуществлять демократизацию. Так, Кыргызстан, переживший не одну революцию, рассматривается в ЕС в качестве возможного успешного примера продвижения демократии в регионе. При этом членство страны в ЕАЭС и отношения с Россией воспринимаются как «замедляющие ее демократизацию». Те или иные внутривластные инициативы, негативно оцениваемые европейцами, маркируются как результат влияния российской модели¹. С настороженностью была воспринята поддержка, оказанная по линии ОДКБ руководству Казахстана в связи с протестами в январе 2022 г.

Европейцев часто обвиняют в недостаточной осведомленности о центральноазиатских республиках [Чеботарев, 2013]. Такое мнение подпитывают неточности и устаревшие данные, которые упоминаются на страницах сайта ЕС², ошибки в выступлениях европарламентариев³ и т.п. Однако в Европе постепенно сложилось небольшое, но активное экспертное сообщество, убежденное в необходимости укреплять присутствие Евросоюза в регионе. Деятельность сообщества сфокусирована на подготовке экспертного продукта, доведения его как до сведения лиц, принимающих решения, так и до широкой публики (например, проект *Europe-Central Asia Monitoring*). В этой связи стоит отметить деятельность Исследовательской службы Европарламента, которая обеспечивает депутатов информацией по региону. В ЦА активной экспертной деятельностью занимаются германские внешнеполитические фонды [Погорельская, 2011: 122]. Как отмечают специалисты, после 2001 г. возросло число исследований по центральноазиатской тематике [Мещеряков, 2014: 241]. Именно эксперты, взаимодействуя с институтами ЕС, способствовали тому, чтобы сохранить тему Центральной Азии в европейской повестке.

Инструментарий ЕС в отношении Центральной Азии

Применяемый Евросоюзом в отношении ЦА инструментарий определяют многие факторы. Среди них: восприятие европейцами региона и его значимости; сложившиеся шаблонные бюрократические практики в отношении третьих стран; попытки перенести европейский опыт и модели в третьи страны. Регулярно подчеркивается возможность ЕС передавать государствам ЦА свой опыт региональной интеграции⁴.

¹ Kyrgyzstan: homosexual propaganda bill. Debates. Strasbourg, 15 January 2015. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-03&language=EN&ring=P8-RC-2015-0054> (дата обращения: 21.08.2021)

² Так, в 2018 г. встречалась следующая фраза относительно членства стран региона в ВТО: «Процесс присоединения Казахстана продвигается динамично».

³ Tajikistan: situation of prisoners of conscience. Thursday, 9 June 2016 – Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20160609&secondRef=ITEM-003-02&language=EN&ring=P8-RC-2016-0755> (дата обращения: 21.08.2021)

⁴ Mogherini: Recent developments in Central Asia open new perspectives for EU's cooperation with it // The Astana Times, 9 November 2017.

На уровне институтов Европейского союза взаимодействие с государствами региона часто приобретает форму различных многосторонних совещаний и встреч представителей пяти стран региона¹. За парламентское сотрудничество отвечает одна общая делегация Европарламента по всем пяти странам (плюс Монголия). С 2007 г. проходят встречи министров ЕС – ЦА, действуют многосторонние диалоги (например, Диалог высокого уровня по вопросам политики и безопасности) и рабочие группы (например, Рабочая группа по окружающей среде и климату). Следует отметить, что продвижение коллективных форматов также позволяет Евросоюзу оптимизировать относительно небольшие, в силу невысокой приоритетности для него ЦА, ресурсы. Минусом такого подхода является неизбежное ослабление внимания к страновой специфике.

Следующий аспект – применение к региону шаблонного инструментария, работающего, например, в отношении группы государств Африки, Карибского бассейна и Тихого океана. В этом качестве на ЦА распространяется Инструмент сотрудничества в целях развития (*Development Cooperation Instrument*). Здесь, как и в случае с АКТ, Евросоюз делает первоочередную ставку на сопряжение своих инициатив с деятельностью других доноров международного развития (США, организации системы ООН)². Совокупная поддержка со стороны отдельных стран–членов ЕС подчас превышает те объемы, которые выделяются по линии программ Евросоюза³. При этом эксперты отмечают слабый долгосрочный эффект помощи развитию со стороны ЕС [Bossuyt, 2019: 19–21].

Тем не менее нельзя сказать, что в Евросоюзе полностью отсутствует желание разбираться в специфике отдельных государств. Многосторонние форматы подкрепляют двусторонние. Во всех государствах действуют представительства Союза⁴. Регулярно проходят заседания Советов, комитетов и подкомитетов сотрудничества, Комитетов парламентского сотрудничества, а также Диалогов по правам человека.

В отличие от постколониальной практики заключения многосторонних соглашений, применяемой Евросоюзом в отношениях с АКТ (например, Договор Котону), со странами ЦА с 1990-х гг. заключаются типовые для постсоветского пространства двусторонние соглашения. К первому поколению относятся Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Им на смену постепенно приходят новые усиленные Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве – менее амбициозные аналоги Соглашений об ассоциации.

Говоря о содержании документов, следует отметить широкий охват сфер сотрудничества. Например, в тексте соглашения с Казахстаном нашлось место и вопросам изменения климата, и энергоэффективности, и освоению космического про-

¹ Следует отметить, что аналогичные форматы активно применяются и другими внерегиональными игроками (Китай, Россия, Япония, США).

² Council conclusions on Central Asia. Luxembourg, 25 June 2012. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/131149.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

³ EU development assistance to Central Asia. Court of Auditors Special Report No. 13, 2013. Luxembourg, 2013. P. 11.

⁴ В Туркменистане такое представительство в полноценном качестве появилось самым последним.

странства. Преимущественно те же сферы и в тех же формулировках нашли отражение и в Соглашениях об ассоциации, заключенных Евросоюзом с Грузией, Украиной и Республикой Молдова. Разница состоит в том, что Соглашение ЕС и Казахстана не предусматривает зону свободной торговли (ЗСТ).

Реализация положений договоров об усиленном партнерстве зависит от активности сторон. Соглашение ЕС и Казахстана включает ряд разделов, которые напрямую касаются сфер интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС. Речь идет о доступе к государственным закупкам, о санитарных и фитосанитарных мерах, о регулировании деятельности государственных компаний, о государственных субсидиях, о таможенном регулировании. При этом Евразийский союз в тексте, естественно, не упоминается ни разу¹. Сможет ли Казахстан (а после подписания и ратификации аналогичного соглашения и Кыргызстан) успешно совмещать свои обязательства в рамках ЕАЭС с постепенной реализацией положений соглашения с Евросоюзом, остается важным вопросом, который напрямую касается экономической и политической стрессоустойчивости этого государства.

Разработка и содержание новой Стратегии 2019 г.

Стрессоустойчивость (*resilience*) упоминается в связи с Казахстаном неслучайно. В принятой в 2016 г. Евросоюзом новой внешнеполитической стратегии это понятие было обозначено в качестве ключевого. Его суть сводится к тому, что стрессоустойчивость ЕС как системы рассматривается через призму мобилизации ресурсов перед лицом неизбежных внутренних и внешних вызовов. В этой ситуации задача Евросоюза заключается также и в том, чтобы укреплять стрессоустойчивость соседних государств, занимающих в системе место периферии. С ними ЕС разделяет вызовы безопасности, и им помогает развивать их внутренние ресурсы, противодействуя этим вызовам [Treshchenkov, 2019: 59–65]. Стратегия определила ЦА в качестве самой восточной части пространства, чье развитие и параметры непосредственно влияют на будущее Евросоюза и благополучие его граждан. На юге таким регионом стала Центральная Африка².

Принятие общей внешнеполитической стратегии повлекло за собой процесс обновления региональных стратегий. В июне 2017 г., в очередной раз оценивая прогресс Стратегии 2007 г. в отношении ЦА, Совет ЕС предложил высокому представителю и Европейской комиссии до конца 2019 г. подготовить проект по ее обновлению³.

¹ Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part // Official Journal of the European Union, 4.2.2016, L29, pp. 3–150.

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

³ Council Conclusions on the EU strategy for Central Asia. Brussels, 19 June 2017. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/23991/st10387en17-conclusions-on-the-eu-strategy-for-central-asia.pdf> (дата обращения: 21.08.2021)

Эксперты и политики высказывали ряд замечаний в отношении сложившегося ранее подхода. Во-первых, отмечался недостаток координации политики в отношении ЦА между разными уровнями: институты ЕС, отдельные страны-члены Союза, международные правительственные и неправительственные организации [Vasa, 2020: 130]. Во-вторых, указывалось на невозможность игнорировать то влияние, которое имеют в регионе Китай и Россия. Полагая, что данные международные акторы косвенно препятствуют демократизации региона¹, эксперты и политики отмечали необходимость сотрудничества с КНР и РФ по вопросам развития и безопасности ЦА [The EU..., 2016]. В-третьих, предлагалось более сбалансированно подходить к вопросам демократии и прав человека в регионе, учитывать специфику политических режимов, и сосредоточить основное внимание на потребностях социально-экономического развития, торговли и интеграции в мировую экономику [Anceschi, 2018: 9–10]. В-четвертых, в развитие тезисов, заложенных в общей Стратегии 2016 г., предлагалось способствовать формированию разнообразных связей между государствами ВП и ЦА. Разделились мнения относительно того, стоит ли ЕС продолжать делать акцент на многосторонних форматах сотрудничества, или же необходимо, согласившись с тезисом о принципиальных отличиях между государствами региона, сфокусироваться на двусторонних форматах [The EU..., 2016]. По шаблону подходов ЕС к АКТ предлагалось и в ЦА сосредоточить внимание на образовательных программах, ориентированных, прежде всего, на получение молодым населением профессиональных навыков, востребованных на рынке труда [Laruelle, 2018: 6–7].

К маю 2019 г. предложения были подготовлены² и в июне утверждены Советом ЕС³. Два соответствующих документа и составили, по сути, новую Стратегию Евросоюза в отношении региона ЦА. Представители экспертного сообщества центральноазиатских республик назвали новую Стратегию «неполной» [Laumulin, 2019]. Содержательно подход ЕС стал более разнообразным, однако основные аспекты политики в отношении региона остались прежними. Речь идет об активном использовании многосторонних форматов, об убежденности, что внутрирегиональное сотрудничество необходимо и возможно. Предлагается содействовать формированию стрессоустойчивости в ЦА теми же способами, что и ранее – демократизацией, борьбой с коррупцией, гражданским контролем, политическим участием и

¹ Workshop EU-Turkmenistan relations. March 2017. EP/EXPO/B/AFET/FWC/2013-08/Lot1/07EN. URL:

[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578041/EXPO_IDA\(2017\)578041_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578041/EXPO_IDA(2017)578041_EN.pdf) (дата обращения: 21.08.2021)

² Joint Communication «The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership». Brussels, 15.5.2019. JOIN (2019) 9 final. URL:

https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 21.08.2021)

³ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. Brussels, 17 June 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (дата обращения: 21.08.2021)

т.п.¹ Брюссель по-прежнему рассматривает проблемы региона через призму международной политики развития².

Сохранился в Стратегии и фокус на проблеме Афганистана³. После событий 2021 г. «афганское» направление сотрудничества ЕС со странами ЦА, очевидно, претерпит определенные изменения. Высокий представитель Ж. Боррель уже охарактеризовал ситуацию как «наиболее значимое геополитическое событие со времен присоединения Россией Крыма»⁴. Теперь взаимосвязь центральноазиатской проблематики с Афганистаном для Евросоюза возрастет, ЕС будет уделять повышенное внимание к поддержке безопасности границ стран ЦА (например, программа WOMSA), к противодействию наркотрафику, к поддержке образования молодежи с целью стимулирования занятости. Часть этих направлений вряд ли может быть эффективно реализована в нынешней ситуации без участия России.

Несмотря на то что РФ не упоминается в Стратегии 2019 г., в тексте содержится осторожное предложение обратить внимание на активность таких региональных структур как ОДКБ и ШОС. Очевидно, они будут иметь существенное значение в изменяющейся геополитической ситуации в регионе. Упоминается об участии Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС⁵, хотя в ЕС обычно стараются избежать упоминания данного объединения в официальных документах.

Китай упоминается в Стратегии бегло. В документе явно присутствует задача сопряжения Центральной Азии с Европой таким образом, чтобы ЕС, его страны-члены и восточные партнеры не попали в чрезмерную зависимость от китайской инициативы ЭПШП. Последняя, несмотря на активное участие в соответствующих проектах отдельных стран-членов Евросоюза (особенно из региона Центральной и Восточной Европы), Брюсселем воспринимается, скорее, как вызов [Носов, 2020: 19–22]. По оценкам экспертов, с момента запуска инициативы Китай по состоянию на 2019 г. инвестировал в ЦА более 20 млрд евро, в то время как поддержка со стороны ЕС составила около одного млрд [Sahajpal, 2019]. В 2018 г. Евросоюз сформулировал собственную инициативу укрепления экономической и инфраструктурной связанности между глобальными регионами Европы и Азии (*Connecting Europe and Asia*). Примечательно, что ЭПШП в соответствующих документах был проигнорирован. Разработчики Стратегии попытались встроить КНР в собственное

¹ Ibid.

² Joint Communication «The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership». Brussels, 15.5.2019.

³ Напомним, что первой после 2016 г. была обновлена Стратегия ЕС в отношении Афганистана, и лишь через два года в отношении Центральной Азии.

⁴ Afghanistan: Press remarks by the High Representative Josep Borrell after extraordinary videoconference of the EU Foreign Ministers. Brussels, 17.08.2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/103139/afghanistan-press-remarks-high-representative-josep-borrell-after-extraordinary_en (дата обращения: 21.08.2021)

⁵ Joint Communication «The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership». Brussels, 15.05.2019.

видение европейско-азиатского партнерства¹. При этом вовлеченность отдельных государств ЦА в экономические и инфраструктурные проекты с Китаем в рамках ЭПШП на порядок превосходит соответствующие усилия ЕС.

Отчасти по причине восприятия влияния России и КНР на регион как избыточного Евросоюз поддерживает попытки руководства Узбекистана возобновить внутрорегиональное сотрудничество². Консультативные встречи глав государств Центральной Азии проводятся с 2018 г. и не предполагают участия в них третьих стран. В 2021 г. состоялась третья такая встреча. Стороны приняли решение обдумать формирование постоянных структур сотрудничества. В частности, была заявлена проработка вопроса «о создании диалога по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии в качестве постоянно действующей консультативной платформы»³.

Отсутствие развернутого взаимодействия с Россией и Китаем существенно подрывает перспективы успешной реализации задач социально-экономического развития ЦА, поставленных в Стратегии ЕС. На сегодняшний день именно указанные государства принципиальным образом и во многих сферах влияют на стрессоустойчивость региона. В случае с каждой из центральноазиатских республик это вызвано разными обстоятельствами – от закупок энергоносителей (например, Туркменистан) до приема трудовых мигрантов (например, Таджикистан и Кыргызстан). В ряде государств ЦА остро стоит задача трудоустройства динамично растущего населения. 52% респондентов в Кыргызстане не случайно называют безработицу ключевой проблемой, с которой сталкивается страна⁴. Евросоюз делает акцент на программах поддержки малого предпринимательства и расширении образовательных возможностей для молодежи. Вместе с тем, его усилия несопоставимы с эффектами от занятости населения Кыргызстана в торговле с Китаем или от трудоустройства в России. Напомним, что в 2020 г. объемы денежных переводов из-за рубежа оценивались в 28,4% ВВП Кыргызстана и 26,7% – Таджикистана⁵.

* * *

Обновление Стратегии Европейского союза в отношении ЦА не сопровождали серьезные концептуальные сдвиги. Приоритетные направления сотрудничества и инструменты, сформировавшиеся за последние два десятилетия, изменились мало. Страны Центральной Азии по-прежнему рассматривают сквозь призму проблем развития. Брюссель в большей степени будет увязывать политику в отношении госу-

¹ Joint Communication «Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy». Brussels, 19.9.2018. JOIN (2018) 31 final.

² Mogherini: Recent developments in Central Asia open new perspectives for EU's cooperation with it // The Astana Times, 9 November 2017.

³ Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии. 6 августа 2021 года. URL: <https://www.akorda.kz/ru/sovместnoe-zaavlenie-po-itogam-konsultativnoy-vstrechi-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672511> (дата обращения: 21.08.2021)

⁴ Public Opinion Survey. Residents of Kyrgyzstan. February 15 – March 2, 2017. Center for insights in survey research. P. 8.

⁵ Personal remittances, received (% of GDP). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (дата обращения: 21.08.2021)

дарств ЦА с афганской проблемой. Важное место в этом вопросе будет отведено взаимодействию с глобальными институтами развития (прежде всего, системой ООН).

Глобальная стратегия ЕС 2016 г. призывает укреплять стрессоустойчивость соседних с Евросоюзом стран с тем, чтобы они в будущем самостоятельно справлялись с кризисами, не экспортируя угрозы безопасности в Европу. ЦА отводится роль самого восточного рубежа. Вместе с тем, формирование стрессоустойчивости республик ЦА силами Евросоюза сталкивается с рядом препятствий.

Во-первых, речь идет о сопротивлении местных элит продвигаемым Европейским союзом подходам к политической трансформации и демократизации.

Во-вторых, важным фактором является существенно более слабая, чем в случае с участниками Восточного партнерства, притягательность ЕС для населения большинства центральноазиатских республик. Преобладает довольно невысокая осведомленность об объединенной Европе [Peugouse, 2014: 8–11], подкрепляемая весьма ограниченными в сравнении с европейскими республиками СНГ¹ культурными и личными обменами.

В-третьих, в фокусе внимания самого Евросоюза находятся непосредственные соседи на юге (Союз для Средиземноморья) и востоке (Восточное партнерство). Сопряжение проектов ЕС в ЦА с ВП на практике не реализуется. Формирование межрегиональных связей у Китая получается лучше. ЦА для Евросоюза остается географически отдаленным регионом, взаимодействие с которым поддерживается в определенных пределах в силу таких значимых моментов, как энергоресурсы и безопасность.

В-четвертых, серьезным фактором, подрывающим усилия, нацеленные на стабилизацию и развитие региона, являются противоречия между отдельными его государствами. Насколько долгосрочной окажется положительная тенденция налаживания внутрорегионального взаимодействия, заданная руководством Узбекистана, покажет время.

Наконец, самое главное – стабильность и, особенно, стрессоустойчивость государств региона в существенно большей степени зависит от их взаимодействия с Китаем и Россией, чем с ЕС. Отсутствие полноценного и разностороннего диалога с этими акторами будет и дальше выступать ограничителем эффективности усилий Евросоюза, направленных на формирование долгосрочной стрессоустойчивости ЦА. После событий 2021 г. тема Афганистана укрепитя в качестве доминирующей в структуре интереса ключевых игроков к региону. Брюссель в силу объективных причин продолжит ориентироваться в своей политике в отношении Центральной Азии на США и НАТО, а точки соприкосновения с КНР и РФ останутся крайне ограниченными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мещеряков К.Е. (2014) *Историография и источниковедение внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии*. Скифия-принт, Санкт-Петербург. 402 с.

¹ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 66.

Носов М.Г. (2020) ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один Пояс – Один Путь»: предварительные итоги. *Современная Европа*, № 6. С. 15–28 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620201528>

Погорельская С.В. (2011) Политика ФРГ в Центральной Азии. *Актуальные проблемы Европы*, № 3. С. 106–132.

Чеботарев А.Е. (ред.) (2013) *Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007–2013 гг.: предварительные итоги*. Под ред. А.Е. Чеботарёва. Алматы. 184 с.

Anceschi L. (2018) Maximising impact in the EU's political and security approach to Central Asia. *EUCAM Watch*, No 18. February, pp. 9–10.

Bossuyt F. (2019) The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact. *Eurasian Geography and Economics*. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1581635> (accessed: 21.08.2021)

Cordier B. (2013) The EU's humanitarian aid and civil protection policy in Central Asia: Past crises and emergencies to come. *EUCAM Policy Brief*, no. 29. URL: <https://eucentralasia.eu/2013/01/the-eus-humanitarian-aid-and-civil-protection-policy-in-central-asia-past-crises-and-emergencies-to-come-2/> (accessed: 21.08.2021)

Laruelle M. (2018) Focusing on higher education and professional training. *EUCAM Watch*, No 18, February, pp. 6–7.

Laumulin M. (2019) The EU's Incomplete Strategy for Central Asia. 3.12.2019. *Carnegie.eu*. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80470> (accessed: 21.08.2021)

Peyrouse, S. (ed.). (2014) How does Central Asia view the EU? *EUCAM Working Paper*, No. 18.

Sahajpal M., Blockmans S. (2019) The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit? 21 June. URL: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (accessed: 21.08.2021)

The EU in Central Asia: The regional context. Brussels, 2016.

Treshchenkov E. (2019) Resilience in discourses of the European Union and international organizations. *International Organisations Research Journal*, No 1, pp. 55–75. DOI: 10.17323/1996784520190104

Vasa L. (2020) The European Union Strategy on Central Asia: out of game? *Romanian Journal of European Affairs*, vol. 20, No. 2, December, pp. 120–130.

Central Asia Region in European Union Policy

E. Treshchenkov*

Candidate of Science (History)

Saint Petersburg State University. 7-9, Universitetskaya emb.,

St.-Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** e.treshchenkov@spbu.ru

Abstract. Central Asia is not among main priority areas of the EU foreign policy. Europeans perceive this region ambiguously – both as part of the “global South” and as part of the “post-Soviet space”. The EU's opportunities in the region are limited, while Brussels's attention to Central Asia is usually inspired by external factors – from the problem of Afghanistan to the growing role of China in the region. Not long ago, the European Union updated its collective strategy for the region. The focus of the proposed study is an attempt to identify the persistent features of the EU policy towards the region, its weaknesses, and the degree of novelty of the updated strategic approach of Brussels to the region. In general, the approach of the European Union has not fundamentally changed. This concerns both

the general perception of the region and its problems, as well as the priorities and tools of the EU policy towards Central Asia. Moreover, the region's resilience depends on ties with Russia and China to a greater extent than on relations with the EU. The success of the implementation of individual tasks of the EU Strategy is impossible without establishing communication with these actors, which, however, seems extremely unlikely.

Keywords: Central Asia, European Union, post-Soviet space, development policy.

DOI: 10.31857/S0201708322010144

REFERENCES

- Aneschi L. (2018) Maximising impact in the EU's political and security approach to Central Asia. *EUCAM Watch*, No 18. February, pp. 9–10.
- Bossuyt F. (2019) The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact. *Eurasian Geography and Economics*. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1581635> (accessed: 21.08.2021)
- Chebotaev A. (ed.) (2013) *Strategiya Evropejskogo Soyuzu v Central'noj Azii na 2007–2013 gg.: predvaritel'nye itogi* [Strategy of the European Union in Central Asia for 2007–2013: preliminary results]. Almaty. 184 p. (in Russian).
- Cordier B. (2013) The EU's humanitarian aid and civil protection policy in Central Asia: Past crises and emergencies to come. *EUCAM Policy Brief*, no. 29. URL: <https://eucentralasia.eu/2013/01/the-eus-humanitarian-aid-and-civil-protection-policy-in-central-asia-past-crises-and-emergencies-to-come-2/> (accessed: 21.08.2021)
- Laruelle M. (2018) Focusing on higher education and professional training. *EUCAM Watch*, No 18, February, pp. 6–7.
- Laumulin M. (2019) The EU's Incomplete Strategy for Central Asia. 3.12.2019. *Carnegie.eu*. URL: <https://carnegieeuropa.eu/strategieurope/80470> (accessed: 21.08.2021)
- Meshcheryakov K.E. (2014) *Istoriografiya i istochnikovedenie vneshnej politiki Rossijskoj Federacii v Central'noj Azii* [Historiography and source study of the foreign policy of the Russian Federation in Central Asia]. Skifiya print, St.-Petersburg, Russia. 402 p. (in Russian).
- Nosov M. (2020) EAES i ES v kontekste kitajskogo proekta "Odin Poyas – Odin Put": predvaritel'nye itogi [EAEU and EU in the context of the Chinese project "One Belt – One Way": preliminary results]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 15–28 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620201528> (in Russian).
- Peyrouse, S. (ed.). (2014) How does Central Asia view the EU? *EUCAM Working Paper*, No 18.
- Pogorelskaya, S.V. (2011) Politika FRG v Central'noj Azii [German policy in Central Asia]. *Urgent Problems of Europe*, No.3, pp. 106–132. (in Russian).
- Sahajpal M., Blockmans S. (2019) The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit? 21 June. URL: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (accessed: 21.08.2021)
- The EU in Central Asia: The regional context. Brussels, 2016.
- Treshchenkov E. (2019) Resilience in discourses of the European Union and international organizations. *International Organisations Research Journal*, No 1, pp. 55–75. DOI: 10.17323/1996784520190104
- Vasa L. (2020) The European Union Strategy on Central Asia: out of game? *Romanian Journal of European Affairs*, vol. 20, No. 2, December, pp. 120–130.

УДК 323-053.66/81-052 (075)

КАРЬЕРА МОЛОДОГО УЧЕНОГО В ЕВРОПЕ: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

© 2022 **Е.В. Водопьянова***

Доктор философских наук

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *veritas-41@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.10.2021

После доработки 19.11.2021

Принята к публикации 23.12.2021

Аннотация. В статье в парадигме постиндустриального общества и на базе социокультурной методологии проанализирована роль и влияние информационного общества Старого Света на становление карьеры молодых европейских ученых. Основная цель исследования состоит в том, чтобы показать, что европейский цифровой социум сегодня – это не только безусловный вызов, но и необходимое условие для развития исследовательской карьеры, которое формирует запрос на новые виды молодежного участия. Автор рассматривает общество молодых европейских ученых как «поколения открытой науки», что коррелирует с активно развиваемой в ЕС концепцией открытой науки. С акцентом на изучение карьеры молодых исследователей в статье проанализированы текущие различия в возрастной структуре науки ряда европейских стран и сделан прогноз их эволюции, связанный со снижением значимости вертикальной иерархии для ранних стадий академической карьеры в Европе. Показано, что, хотя открытость науки объясняет её всё большую эгалитарность, до достижения равных возможностей в исследовательском процессе всё ещё очень далеко.

Ключевые слова: молодые ученые, европейская наука, цифровое общество, равенство в науке, «поколение открытой науки».

DOI: 10.31857/S0201708322010156

Для академической карьеры характерны очень трудная работа, скромная оплата и существенно отложенное вознаграждение. Поэтому жизненно важно, чтобы начинающий исследователь был уверен, что это именно тот путь, которым она (или он) хочет идти.

Бет Хольмгрен¹

Информационное общество меняет не только социум в целом, но и науку, усиливая в ней глобальную состязательность за привлечение лучших исследовательских кадров. При этом по-прежнему актуально поддерживать конкурентоспособность европейской науки, в том числе и в контексте замедления темпов эмиграции талантливых молодых исследователей в США.

Возможно, даже более чем прежде Европе сегодня необходима мощная и конкурентоспособная наука. Кроме того, нельзя не учитывать, что процент молодежи в государствах Европейского союза неуклонно снижается, при этом «замедляются характерные этапы перехода от очного обучения к занятости: молодые люди дольше остаются в учебе, им требуется больше времени, чтобы перейти от обучения к работе, и дольше ждать, прежде чем создавать собственные семьи» [European Research on Youth, 2009]. В этом контексте нельзя игнорировать и другую тенденцию, связанную с тем, что «студенты в большом количестве бросают университет, многие переходят на работу, не требующую ученой степени. Количество исследовательских достижений снижается, а администрации университетов значительно расширяются» [Murphy, 2020]. Все эти факторы негативно влияют на формирование «критической массы» начинающих исследователей в ЕС.

Предметом анализа данной статьи является динамика начальных стадий академической карьеры европейского ученого. При этом «возрастные рамки молодого ученого в большинстве стран законодательно не определены» [Ростовская, Скоробогатова, Краснова, 2020:7]. Научоведы утверждают, что первые этапы научной карьеры являются одновременно не только самыми трудными, но и самыми важными, поскольку определяют как становление в профессии, так и грядущие целевые установки начинающего исследователя. Последние в настоящее время также оказываются противоречивыми: «почти повсеместно существуют параллельные мотивации: с одной стороны, мотивация учреждения, касающаяся повышения репутации своих исследователей и публикации статей в высокорейтинговых журналах, с другой стороны, стремление отдельного человека сделать успешную карьеру, в т.ч. и с учетом этапов работы вне академических структур» [Boulton, 2011: 17]. Эти внеакадемические виды деятельности оказываются внутри карьерного цикла начинающего исследователя и также требуют изучения. Сама же объяснительная схема социокультурной методоло-

¹ Бет Хольмгрен (Beth Holmgren) – современный американский историк культуры, специалист в области славистики и феминизма, литературный критик и театровед. Она является профессором университета Дьюка (США, Северная Каролина), где руководит департаментом славянских и евразийских исследований.

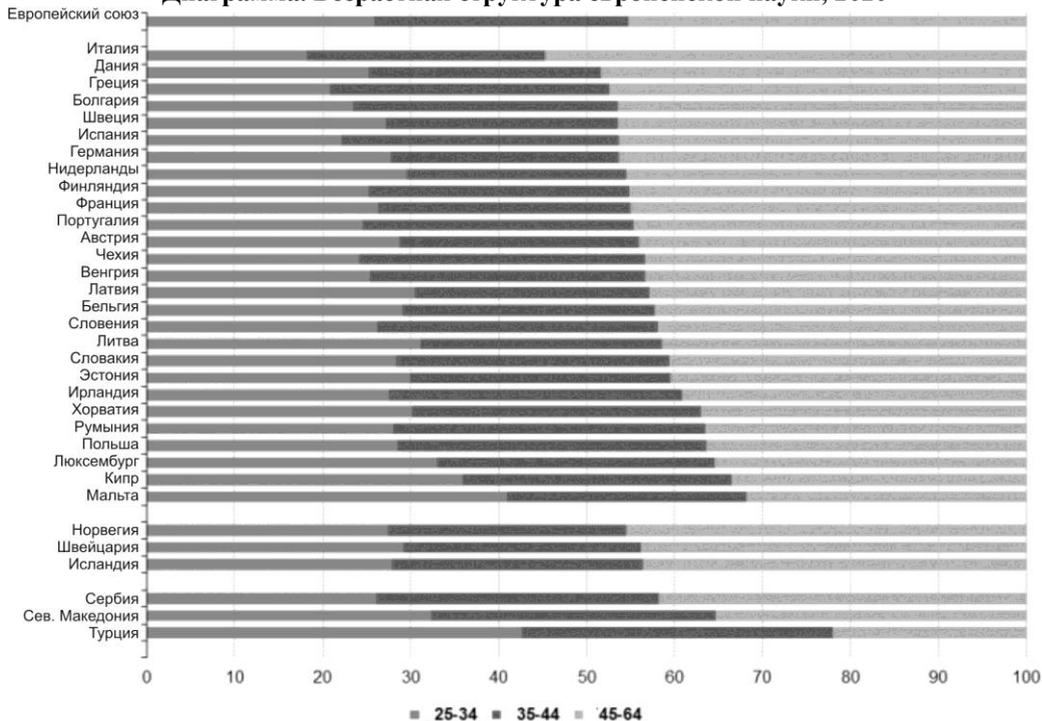
гии нацелена на выявление роли и места отдельных социальных подсистем в эволюции карьеры молодых европейских ученых как культурного явления.

Многогранные аспекты данной проблемы подробно рассматриваются в литературе в контекстах академической мобильности [Ростовская, Скоробогатова, Краснова, 2020; Pylvas, Nokelainen, 2021; Janger, Nowotny, 2016], реалий университетской жизни [Murphy, 2020], движения к гендерному равенству в ходе построения типичной академической карьеры [Salinas, Vagni, 2017; «Равные возможности» в науке, 2014], а также текущих приоритетов открытой науки в целом [Vicente-Saez, Gustafsson, Van den Brande, 2020] и сетевого измерения исследовательского процесса, в частности [Bradley, 2010; Scellato, Franzoni, Stephan, 2015]. Именно в границах подобных теоретических наработок в статье проанализирована специфика современного участия молодежи в исследовательском процессе в европейских странах.

Молодые таланты в европейской науке: демографические реалии и институциональные ограничения

Изменения в европейской науке, диктуемые временем, базируются на объективных демографических и институциональных особенностях, которые следует рассмотреть детально. Текущая возрастная структура науки Старого Света представлена диаграммой.

Диаграмма. Возрастная структура европейской науки, 2020

Источник: Eurostat (online data code: hrst_st_ncat).

В среднем по ЕС преобладают ученые старшего возраста; определенную роль в формировании такой демографической ситуации играет и сокращение численности молодежи в европейских странах.

По сравнению со средней и старшей возрастными группами минимально количество молодых исследователей в итальянской и греческой науке. Этот феномен нельзя объяснить однозначно, например, традициями научных школ, поскольку, в отличие от Италии, наука в современной Греции зародилась лишь в 30-х гг. XX в.

Напротив, значительно превышает среднеевропейские показатели количество молодых ученых в Турции, на Мальте, Кипре, в Люксембурге, Латвии, Литве и Нидерландах. Видимо, и здесь причины сложившихся диспропорций являются различными, но в ряде случаев они представляются достаточно очевидными. Так, наука трех первых из упомянутых стран совсем недавно начала интенсивно развиваться, появился запрос на молодых ученых. Новые кадры, прежде всего, в силу политических причин пришли за последние десятилетия и в науку посткоммунистических стран Балтии.

Заметим, что Европейская квалификационная рамка исследователей¹ от R1 до R4 не использована в качестве основной в терминологии статьи потому, что молодые ученые в Старом Свете работают на различных R-стадиях, хотя наибольшее их число, разумеется, сосредоточено на начальном этапе карьеры R1.

Несмотря на то что между этапами исследовательской карьеры в различных европейских странах существуют значительные различия, (причем, не только в их названиях), можно представить ее некий инвариант [Boulton, 2011] и выделить четыре основных типа научной активности, которой заняты молодые ученые:

– стадия получения степени PhD (или ее эквивалента). Соискатель этой степени работает под руководством/под наблюдением и часто участвует в какой-либо исследовательской программе. Он может иметь ранг учащегося и/или на срок обучения быть в штате университета и иметь ограниченные преподавательские и/или исследовательские обязанности, выходящие за рамки работы над диссертацией;

– стадия после докторантуры. На этом этапе ранней научной карьеры существует два вида занятости. Первый – это должность «постдока» как деятельности по краткосрочному невозобновляемому контракту на срок от 1 года до 3 лет. «Постдок», как правило, работает в проекте, который ведет более опытный ученый.

Второй вид занятости – это академическая должность первого после PhD уровня, связанная либо с преподаванием, либо с исследованиями. Она также может быть ограничена во времени сроком от 2 до 6 лет и на эти позиции практически всегда очень велик конкурс. Промежуточных постоянных должностей очень мало, поскольку финансовые возможности университетов крайне ограничены. В ряде случаев эта занятость является ступенью к постоянной позиции более высокого уровня.

Следующий этап в профессии исследователя связан со средней стадией академической карьеры. Последняя весьма вариативна с точки зрения широкого выбора

¹ Towards a European Framework for Research Careers URL: https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf (дата обращения: 07.12.2021)

должностей – от жесткого регулирования академической занятости до независимых ученых-стипендиатов, которые могут быть связаны/или не связаны с постоянной университетской позицией, но уже иметь при этом высокий уровень академического признания. В ряде случаев данные научные позиции могут иметь строгие возрастные и/или временные ограничения. На этом среднем уровне карьеры также могут длительно находиться сотрудники, имеющие очень слабые перспективы дальнейшего карьерного роста. Еще более высокая профессорская позиция, как правило, не вписывается в границы научной карьеры собственно молодого ученого.

Все стадии европейской академической карьеры используют четыре типа финансирования ученых/молодых ученых:

– преимущественно за счет стипендии, ориентированной на конкретные этапы научной карьеры;

– за счет срочного гранта или «промежуточного гранта» для перехода от одной ступени карьеры на другую (доля промежуточных грантов в общей структуре финансирования науки очень мала, однако она имеет тенденцию к росту);

– университетское финансирование;

– финансирование исследований в рамках университетов, но за счет внешнего спонсора (от исследовательских советов, либо промышленности).

Наряду с финансированием и устойчивой позицией в академической иерархии, для успешной исследовательской карьеры все более важными становятся глобальные сети и открытость европейской науки. Видимо, сегодня данные параметры максимально значимы именно на ее ранней стадии.

Молодые европейские ученые как «поколение открытой науки»

Первой инициативой Еврокомиссии в отношении информационного общества стала «Белая книга» Делора «Рост, конкурентоспособность и занятость» [Growth, competitiveness, employment, 1993]¹. Речь в значительной мере шла о стремлении понять новую эпоху и занять в ней значимое место. В этом аспекте, в частности, утверждалось, что Евросоюз должен эффективнее использовать такие ресурсы, как традиции, образование, навыки, способность к инновациям и т.д.

Одновременно в преамбуле «Белой книги» было подчеркнуто, что европейская молодежь должна иметь возможность реализовать в информационном социуме не только свои надежды, но и быть четко мотивированной на участие в экономической жизни и быть социально защищенной. Молодежь рассматривалась как важнейшая движущая сила постиндустриальных перемен в обществе.

Позже, в 2000-е гг. в ЕС начали использовать такие термины, как «онлайн-мир», «электронная Европа», «экономика знаний и инноваций». В теоретическом плане, в отличие от базовых версий постиндустриальной парадигмы, впервые в

¹ Bulletin of the European Union. Supplement 6/93. Growth, competitiveness, employment. The challenges and ways forward into the 21st century (White Paper) URL: <https://op.europa.eu/mt/publication-detail/-/publication/506ecd7a-d51d-40cc-82f2-c8403ab57150> (дата обращения: 14.10.2021)

концепции «информационного капитализма», датируемой работой 1996 г. [Кастельс, 2000], акцент был сделан на феномене интернета, а также на сетевых горизонтальных структурах коммуникации и управления.

Примечательно, что после издания работ М. Кастельса четверть века постиндустриальная парадигма, не оспаривая своих основ, концентрировалась на анализе негативных черт постиндустриализма и его первой информационной/информационной стадии [Горц, 2010; Стэндинг, 2014], которые прежде обсуждались значительно менее масштабно. Эволюцию постиндустриальных теорий на сегодняшний день можно выразить триадой, относящейся к постепенному изменению приоритетной проблематики в границах данной парадигмы: от производства знаний – к их использованию – и далее к использованию собственно человеческого капитала. Последнее направление подразумевает в том числе и анализ проблем молодежи в условиях, когда ее представители оказываются между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой, частичной занятостью и слишком большой занятостью [Стэндинг, 2014]. В полной мере это относится и к европейской науке.

Активно разрабатываемая в ЕС концепция открытой науки является экстраполяцией парадигмы сетевого социума на европейское исследовательское пространство. Речь идёт о содействии созданию основ для формирования глобальной исследовательской инфраструктуры, предпосылкой для которой выступит инфраструктурное взаимодействие науки на общеевропейском уровне¹. Предполагается, что это будет способствовать:

- неограниченному и одновременно безопасному открытому доступу европейских исследователей к современным средствам использования данных из различных источников;
- лучшим результатам за счёт открытого доступа к публикациям и эмпирическим данным, относящимся к проводимым исследованиям, а также снижению организационной нагрузки на учёных;
- поддержке международного доступа к исследовательской инфраструктуре;
- развитию собственно электронных инфраструктур на основе новых технологий.

Предполагается, что первоначально данная система должна заработать на уровне науки, финансируемой государством, а только потом распространиться на другие уровни научно-исследовательского процесса. Сами ее участники первоначально должны пройти обучение навыкам работы в данной системе.

В наибольшей степени к европейской матрице открытой науки адаптированы начинающие ученые, в том числе и потому, что они являются наиболее активными потребителями информационно-коммуникационных технологий.

Именно на ранних стадиях карьеры открытая наука во всё большей степени определяет публикации, наукометрический исследовательский рейтинг, профессиональные контакты (в том числе посредством различных сетей, не исключая соцсети), а также поиск работы по окончании срочного контракта.

¹ The EU's open science policy URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/strategy-2020-2024/our-digital-future/open-science_en (дата обращения: 04.11.2021)

Сегодня сети проникли во все сферы научной коммуникации: так, в частности, вполне правомерно говорить о «сетях диаспоры», когда ученые-мигранты сотрудничают с исследователями из своей родной страны, которые работают в третьей стране, «всемирной сети мобильности ученых» и т.д. Все это дает основания рассматривать сетевую открытую науку как базовое условие становления научной/европейской исследовательской карьеры и характеризовать самих молодых ученых как «поколение открытой науки».

Несмотря на то что открытость науки нацеливает последнюю на все большую эгалитарность, до достижения равных возможностей в исследовательском процессе все еще очень далеко.

Европейское научное сообщество на пути к равным возможностям

Проблема равенства возможностей в европейской науке не является надуманной. Об этом, в частности, говорит следующее:

– принципы отбора в аспирантуру не всегда прозрачны, а карьерный рост не всегда напрямую связан с исследовательскими достижениями;

– «условия работы исследователей, обучающихся в аспирантуре, часто полностью определяют руководители их проектов, в результате чего условия для докторантов часто гораздо лучше, чем для «постдоков». С иностранными исследователями-контрактниками часто заключают специальные соглашения о найме, при этом юридические и финансовые механизмы, которые должны их регулировать, не всегда ясны. Такой опыт недостаточно готовит исследователей к их последующей карьере, будь то академическая или внеуниверситетская» [Boulton, 2011: 12];

– число представителей этнических меньшинств в научном сообществе невелико. Оно же (речь идет о самых разных типах меньшинств) ныне находится под пристальным патронажем администраций. Проблема значима еще и потому, что ее решение потенциально может помочь привлечь в науку молодых талантливых исследователей не только из Европы, но и со всего мира;

– весьма низок шанс получить постоянную преподавательскую или исследовательскую позицию в возрасте до 40 лет. Европейские молодые ученые готовы обменять значительную часть зарплаты на раннюю профессиональную независимость и перспективу постоянного пребывания в должности; ученые более поздних стадий карьеры предпочитают работу, которая позволяет легко заняться новыми направлениями исследований. Должности, связанные только с исследованиями, считаются менее привлекательными, чем научные позиции с небольшой нагрузкой преподавания [Janger, Nowotny, 2016];

– пока процент женщин-ученых оказывается ниже с каждой более высокой степенью в исследовательской иерархии. Так, женщины-научные сотрудники в Европе преимущественно сосредоточены в младших возрастных группах (до 35 лет и 35–44 года). Примерно в половине европейских стран в этом возрасте женщин в науке больше, тогда как в группах 45–54 года и старше 55 лет мужчины-исследователи преобладают;

– распространён эффект карьерного отставания вполне конкурентоспособных молодых ученых, обусловленный нерешенностью индивидуальных/бытовых проблем, хотя следует заметить, что ситуация постепенно изменяется. Так, уже многие научные фонды вычитают время ухода за ребенком из академического стажа, что может быть особенно важным, если подача заявки на грант ограничена определенным сроком после получения PhD. В настоящее время некоторые фонды уже могут предоставлять дополнительное финансирование для детей;

– социальная защищенность молодого ученого также зависит от типа контракта, когда временная занятость не подразумевает оплату страховки, командировок, не дает возможности получить одобрение ипотеки и т.п.

В свою очередь, само университетское сообщество пытается снизить масштаб неравенства и неопределенностей, с которыми сталкиваются молодые европейские ученые. Показателен в этом плане кейс LERU (Лиги европейских исследовательских университетов). Она была основана в 2002 г. и началась с сотрудничества 12 ведущих европейских вузов, сегодня в её состав входят 27 университетов. Оптимизация подготовки и социализации исследователей со степенью PhD является одной из важнейших сторон деятельности LERU. Её прогрессивные установки носят лишь рекомендательный характер для других европейских субъектов высшего образования. Кроме того, участников данной ассоциации по сравнению с общим числом европейских вузов очень немного, и их усилиям противостоят как традиционный университетский консерватизм обучения, так и новая реальность цифрового социума, которая создаёт неопределенности, в том числе в сфере занятости.

Европейские структуры тоже участвуют в расширении спектра возможностей для молодых исследователей. В частности, Европейский совет создает независимые должности для молодых ученых, которые предоставляют возможность самостоятельно выбирать исследовательскую структуру в качестве места работы, а значит, способствуют повышению научной квалификации на ранней стадии карьеры. Подобные инициативы и расширение их масштабов чрезвычайно важны, поскольку творческая свобода и личностная гармония – это одни из основных параметров мотивации для поколения Z, родившихся начиная с 1997 г. [Dimock, 2018].

* * *

Завершая рассмотрение основных параметров функционирования современной модели первоначальных стадий европейской исследовательской карьеры, следует отметить, что становление информационной эпохи влияет на научную карьеру противоречиво.

Во-первых, нынешний путь в постиндустриальное общество – это движение Европы в значительной степени в сторону неопределенности, параметры которой ныне еще невозможно четко определить даже качественно. При этом сетевое общество создаёт для молодого ученого множество неопределенностей, которые усиливают друг друга. Речь идет о том, что на условиях множества непредсказуемостей строится новый социум. Одновременно вариативность ожидаемой профессиональной занятости по окончании периода обучения изначально встроена в карьерную

траекторию начинающего европейского исследователя: поддержка дальнейшей карьеры не входит в круг университетских функций.

Многие выпускники, получившие степень PhD, очень часто не находят работу по специальности и делают выбор в пользу срочного контракта, который не всегда подразумевает полную занятость. Другим распространенным выбором для ученого, получившего степень, оказывается статус «постдока», однако количество таких промежуточных исследовательских позиций в Европе весьма невелико. Видимо, склонность поколения Z часто менять сферы профессиональной деятельности будет в ближайшей перспективе влиять на молодых европейских исследователей еще сильнее, тем более что этому способствуют и отмеченные выше специфические внутренние параметры организации научного сообщества.

Во-вторых, до сих пор главной целью для исследовательской молодежи все же остается постоянная позиция в университете, все остальное по-прежнему рассматривают как профессиональную неудачу. Эти установки входят в противоречие с такой нарастающей тенденцией в эволюции информационной эпохи, как «новая академическая культура», подразумевающая предпринимательство в науке в его различных вариантах.

В-третьих, исходя из постулатов психологии, необходимо подчеркнуть, что мотивация сотрудника увеличивается, когда он четко видит перспективы. В этом аспекте информационный социум может быть оценен как влияющий негативно на раннюю стадию исследовательской карьеры. С другой стороны, сама наука в качестве сферы деятельности как раз и подразумевает неопределенные, нечеткие формальные критерии эффективности и когнитивности: непрерывное обновление знаний и расширение общей научной эрудиции, самостоятельную организацию деятельности и выбор тематики научного поиска, умение работать с большими массивами информации.

В-четвертых, цифровой социум генерирует ускоряющийся темп изменений, а исследовательская карьера, даже на ее ранней стадии, не может быть быстрой по своей природе.

В-пятых, в условиях нарастающей неопределенности в развитии карьеры степень PhD для молодых граждан ЕС перестает быть «ключом к престижу и безопасности».

В-шестых, различия информационного периода по-разному влияют на карьерные пути европейских и американских ученых [Youtie, Rogers, Heinze, Shapira, Tang, 2013]:

- институциональные факторы, лежащие в основе научного признания, различаются в моделях ранней и средней карьеры;
- академическая мобильность, независимость и гранты влияют на научное признание в США значительно сильнее, чем в Европе;
- пространственная мобильность и дисциплинарная стабильность влияют на европейское научное признание;
- ценности заслуг и результатов исследований более институционализированы в США, чем в Европе.

В-седьмых, видимо, опыт старших поколений ученых в связи с быстрым ростом технологий, прежде всего цифровых, уже в ближайшие десятилетия окажется менее востребованным и это девальвирует феномен научных школ. Нельзя не отметить, что в традиционном понимании последние в Европе отсутствуют: здесь поколения молодых ученых «не задерживаются» рядом с научным руководителем. Это обстоятельство вынуждает прогнозировать и снижение значимости вертикальной иерархии для построения ранних стадий академической карьеры в Старом Свете.

Таким образом, противоречивая эволюция европейского информационного общества оказывается необходимой предпосылкой становления современной исследовательской карьеры в регионе. При этом ученые на ее ранних стадиях подготовлены к этим изменениям несколько лучше, нежели представители большинства других профессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горц А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. ИД ВШЭ, Москва, Россия. 208 с.

Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. ИД ВШЭ, Москва, Россия. 608 с.

Полякова Н.Л. (2016) Новые горизонты теории общества начала XXI в.: от постиндустриализма к неокapитализму, *Вестник МГУ: Социология и политология*, № 2. С. 83–115.

«Равные возможности» в науке? (2014) *Антропологический форум*, № 22. С. 1–95.

Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Краснова Г. А. (2020) *Вопросы совершенствования государственной политики, проводимой в интересах молодых ученых, их академической мобильности в России и странах мира*, ИТД Перспектива, Москва, Россия. 192 с.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс, Москва, Россия. 328 с.

Bogle D., Dron M., Eggermont J., Van Henten J. (2011) Doctoral Degrees Beyond 2010: Training Talented Researchers for Society, *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 13, pp. 35–49.

Boulton G. (2011) Harvesting Talent: Strengthening Research Careers in Europe, *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 13, pp. 3–34.

Bradley D. (2010) Gen F Scientists, *Materialisttoday*, Vol. 13, Issues 1–2, pp. 54–55.

Dimock M. (2018) *Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin*, Pew Research Center, Washington, DC, USA.

European Research on Youth: Supporting Young People to Participate Fully in Society: the Contribution of European Research (2009), Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg, Luxembourg.

Murphy P. (2020) *Universities and Innovation Economies*. Milton Park, Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, England, UK.

Picatoste J., Pérez-Ortiz Santos L., Ruesga-Benito M. (2018) A new educational pattern in response to new technologies and sustainable development. Enlightening ICT skills for youth employability in the European Union, *Telematics and Informatics*, Vol. 35, Issue 4, pp. 1031–1038.

Pylvas L., Nokelainen P. (2021) Academics' perceptions of intercultural competence and professional development after international mobility, *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 80, Jan., pp. 336–348.

Salinas P.C., Bagni C. (2017) Gender Equality from a European Perspective: Myth and Reality, *Neuron*, Vol. 96, Issue 4, pp.721–729.

Scellato G., Franzoni C, Stephan P. (2015) Migrant scientists and international networks, *Research Policy*, Vol. 44, Issue 1, February 2015, pp. 108–120.

Vicente-Saez R., Gustafsson R., Van den Brande L. (2020) The dawn of an open exploration era: Emergent principles and practices of open science and innovation of university research teams in a digital world, *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 156, Jul., pp. 1–10.

Youtie J., Rogers J. Heinze T., Shapira P., Tang Li (2013) Career-based influences on scientific recognition in the United States and Europe: Longitudinal evidence from curriculum vitae data, *Research Policy*, Vol. 42, Issue 8, pp. 1341–1355.

Career of a Young Scientist in Europe: Post-Industrial Perspective

E.V. Vodopianova*

Doctor of Science (Philosophy)

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street,
125009, Moscow, Russia.*

***E-mail:** veritas-41@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role and influence of the information society in Europe on the dynamics of the early stage of the career of young European researchers in the paradigm of a post-industrial society and on the basis of socio-cultural methodology. The main purpose of the study is to show that the European digital society does not pose only an unconditional challenge, but also a necessary background for the development of a research career, forming a request for new types of youth participation. The author suggests a vision of young European scientists as the “open science generation”, correlating with the concept of open science widespread in the EU. Focusing on the study of the career of young scientists, the article addresses the current differences in the age structure of science in various European countries and makes a forecast of their evolution associated with a decrease in the importance of the vertical hierarchy of early stages of an academic career in the Old World. It is shown that while the openness of science aims at increasing egalitarianism, it is still far from achieving equal opportunities in the research process.

Key words: young scientists, European science, digital society, equality in science, generation of open science

DOI: 10.31857/S0201708322010156

REFERENCES

Bogle D., Dron M., Eggermont J., Van Henten J. (2011) Doctoral Degrees Beyond 2010: Training Talented Researchers for Society, *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 13, pp. 35–49.

Boulton G. (2011) Harvesting Talent: Strengthening Research Careers in Europe, *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 13, pp. 3–34.

- Bradley D. (2010) Gen F Scientists, *Materialisttoday*, Vol. 13, Issues 1–2, pp. 54–55.
- Dimock M. (2018) *Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin*, Pew Research Center, Washington, DC, USA.
- European Research on Youth: Supporting Young People to Participate Fully in Society: the Contribution of European Research* (2009), Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg, Luxembourg.
- Gorc A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [Intangible. Knowledge, cost and capital]. ID VSHE, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Janger J., Nowotny K. (2016) Job choice in academia, *Research Policy*, Vol. 45, Issue 8, pp. 1672–1683.
- Kastel's M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. ID VSHE, Moscow, 608 p. (in Russian).
- Murphy P. (2020) *Universities and Innovation Economies*. Milton Park, Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, England, UK.
- Picatoste J., Pérez-Ortiz Santos L., Ruesga-Benito M. (2018) A new educational pattern in response to new technologies and sustainable development. Enlightening ICT skills for youth employability in the European Union, *Telematics and Informatics*, Vol. 35, Issue 4, pp. 1031–1038.
- Polyakova N.L. (2016) Novye gorizonty teorii obshchestva nachala XXI v.: ot postindustrializma k neokapitalizmu [New horizons of the theory of society at the beginning of the XXI century: from post-industrialism to neo-capitalism], *Vestnik MGU: Sociologiya i politologiya*, No 2, pp. 83–115. (in Russian).
- Pylvas L., Nokelainen P. (2021) Academics' perceptions of intercultural competence and professional development after international mobility, *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 80, Jan., pp. 336–348.
- “Ravnye vozmozhnosti” v nauke? [“Equal Opportunity” in Science?] (2014) *Antropologicheskij forum*, No 22, pp. 1–95. (in Russian).
- Salinas P.C., Bagni C. (2017) Gender Equality from a European Perspective: Myth and Reality, *Neuron*, Vol. 96, Issue 4, pp.721–729.
- Rostovskaya T. K., Skorobogatova V. I., Krasnova G. A. (2020) Voprosy sovershenstvovaniya gosudarstvennoj politiki, provodimoj v interesah molodyh uchenyh, ih akademicheskoy mobil'nosti v Rossii i stranah mira [Issues of improving state policy pursued in the interests of young scientists, their academic mobility in Russia and the countries of the world], *ITD Perespektiva*, Moscow, 192 p. (in Russian).
- Scellato G., Franzoni C, Stephan P. (2015) Migrant scientists and international networks, *Research Policy*, Vol. 44, Issue 1, February 2015, pp. 108–120.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precarious: The New Dangerous Class]. Ad Marginem Press, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Vicente-Saez R., Gustafsson R., Van den Brande L. (2020) The dawn of an open exploration era: Emergent principles and practices of open science and innovation of university research teams in a digital world, *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 156, Jul., pp. 1–10.
- Youtie J., Rogers J. Heinze T., Shapira P., Tang Li (2013) Career-based influences on scientific recognition in the United States and Europe: Longitudinal evidence from curriculum vitae data, *Research Policy*, Vol. 42, Issue 8, pp. 1341–1355.

УДК 327

ЛОГИКА СТОЛКНОВЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЙ» С «АВТОКРАТИЯМИ» В ВИДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЭЛИТ

© 2022 Д.В. Леушкин*

Кандидат политических наук

*Институт международных отношений и мировой истории, Национальный
исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2.*

**E-mail: den.leushkin@mail.ru*

© 2022 Н.Г. Самойлов*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд.*

**E-mail: samoilovng@gmail.com*

Поступила в редакцию 06.09.2021

После доработки 03.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В статье изучено столкновение центра и периферии в западном политико-идеологическом поле. Рассмотрено место КНР в неолиберальной системе, определены роли Китая и России в стратегическом видении американского и европейского истеблишмента, чиновников Североатлантического альянса и Евросоюза. Проанализирована проблема разобщения западных стран. Цель работы – определить подходы западных элит к дихотомии «демократии-автократии» и влияние сложившейся кризисной ситуации в рамках мир-системы на эту логику. Авторы основываются на официальных документах институтов, связанных с центром, а именно НАТО, ЕС и G7, комментариях и интервью представителей трансатлантической элиты. В качестве методологии использован мир-системный анализ. Сделан вывод о том, что в качестве «демократий» предстают страны центра и лояльные им государства периферии, в то время как «автократиями» называются страны, интересы элит которых противоречат в той или иной степени интересам правящих классов центра или принципам неолиберального порядка. Несмотря на ограничения в использовании дихотомии «демократии-автократии», по инерции этот подход сохранит свою актуальность для стран Запада в ближайшее время.

Ключевые слова: мир-системный анализ, неолиберализм, идеология, логика фрагментации, коллективный Запад, дихотомия, автократия, демократия, популизм, евроскептицизм.

DOI: 10.31857/S0201708322010168

Сегодня можно наблюдать кризис мир-системы, основанной на неолиберальной социально-экономической и политико-идеологической модели. Глобализация сменилась деглобализацией, для которой характерны «снижение интенсивности международных экономических связей и рост протекционистских тенденций» [Комолов, 2018: 50]. В свою очередь, это не может не влиять на расстановку сил на международной арене и провоцирует обострение межгосударственных противоречий. Усиление китайской экономической мощи и политического влияния воспринимается как угроза Западу, в частности, США. Сильны также разногласия между популистскими «автократиями» в Восточной Европе и Брюсселем. Кроме того, не стихает напряжённость в российско-европейских и российско-американских отношениях. В итоге конфликт Китая, РФ и восточноевропейских «автократий» со странами центра мир-системы, имея объективные социально-экономические предпосылки, находит своё политико-идеологическое отражение в парадигме действий европейских и американских лиц, принимающих решения.

Неолиберализм как современная модель капитализма. Китай как опора и угроза неолиберальному порядку

Под неолиберализмом в рамках данной работы понимается глобальная капиталистическая общественная модель, основанная на двух столпах: социально-экономический аспект неолиберализма предполагает главенствующую роль рынка в общественных отношениях [Фридман, 2009], способствующую в том числе географической экспансии капитала, глобализации [Кагарлицкий, 2017: 245–247], эрозии социального государства [Кагарлицкий, 2017: 149; Кагарлицкий, 2021: 152]. Политико-идеологический аспект включает «логику фрагментации» [Кагарлицкий, 2017: 26–29], подразумевающую отказ от всего «тотального», «предпочтение частного и локального» «общему и универсальному» [Bazargani, Larsari, 2015: 89, 91], и технократичность современной власти [Кагарлицкий, 2017: 150–152; Жижек, 2010: 36; Broudy, Arakaki, 2020].

К одному из важнейших противоречий исторического неолиберализма, как бы заимствуя термин «исторический капитализм» И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2018: 126], следует отнести процесс деиндустриализации стран центра и переноса производственных мощностей на периферию, и его последствия. Стремясь к повышению нормы прибыли за счёт использования дешёвого труда, транснациональный капитал переносил производства из центра мир-системы в Южную Европу, затем в Восточную Европу, Северную Африку, Латинскую Америку, а потом и в Азию, в частности, в Китай [Кагарлицкий, 2017: 245–247].

КНР стал одновременно локомотивом, опорой неолиберализма и угрозой сложившемуся статус-кво. С одной стороны, Пекин следует неолиберальным принципам в рамках международной торговли и отчасти внутри страны¹ [Duckett, 2020: 523–525]. В то же время очевидно, что подъём КНР способствует эрозии гегемонии

¹ Китай намерен продвигать либерализацию торговли и инвестиций. РИА Новости. 2019. URL: <https://ria.ru/20190305/1551549373.html> (дата обращения: 13.08.2021)

США и угрожает существованию самой мир-системы. Как отмечают некоторые представители данной школы, Китай настолько огромен для того, чтобы примкнуть к центру мир-системы, что существующая периферия слишком мала для него¹.

Таким образом, и подъём КНР, и её закат являются крайне негативными сценариями для правящих классов США и Европы. Находясь в ситуации цугцванга из-за нежелания отказаться от неолиберальных практик, что означало бы поступиться своими интересами, европейский и американский истеблишмент вынуждены сменить «дружбу» с Китаем на соперничество. В этом проявляется противоречие подъёма КНР, диалектика китайского развития в современном мире.

Китай и Россия как «угрозы» для распадающегося «коллективного» Запада

Считаем важным остановиться подробнее на восприятии Китая и России в повестке G7. Можно сказать, что июнь 2021 г. стал переломным в контексте отношений КНР-Запад: китайская «угроза» появилась в повестке НАТО², а позиции стран G7 в отношении КНР значительно ужесточились³.

13 июня 2021 г. состоялась встреча лидеров стран-членов G7, по итогам которой было опубликовано коммюнике, где уделялось внимание Китаю. Страны согласились сотрудничать в борьбе с «нерыночными политиками и практиками, подрывающими справедливое и прозрачное функционирование мировой экономики», в реализации которых обвиняют КНР⁴. Кроме того, страны G7 призвали Китай «уважать права человека и основные свободы», не оставив без внимания проблему соблюдения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и автономии Гонконга. Была выражена обеспокоенность в связи с дестабилизацией ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе, Южно-Китайском море и Тайваньском проливе – очевидно, что виновником эскалации напряжённости сочли КНР⁵. В коммюнике подчеркнуты приверженность «демократии» и «демократичность» обществ стран-членов G7⁶. Сделан акцент на необходимости противостоять «пагубным действиям» России в отношении «украинской демократии», подавлению гражданского общества и СМИ и «применению химического оружия». Не оставлены без внимания «нападки белорусских властей на права человека, основные свободы и международное право», военный переворот в Мьянме и насилие, последовавшее вслед за ним, ядерная про-

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Мир-системный анализ. YouTube. Рабкор. 2021. URL: <https://youtu.be/WWEk469cw-g> (дата обращения: 13.08.2021)

² Заявление по итогам встречи на высшем уровне. NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 14.08.2021)

³ Нежданов В. Архитектура европейской безопасности: восточное измерение. Пир-Центр. URL: <http://pircenter.org/blog/view/id/507> (дата обращения: 14.08.2021)

⁴ Carbis Bay G7 Summit communiqué. G7: Cornwall UK. 2021. P. 19–20. URL: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3.pdf> (дата обращения: 14.08.2021)

⁵ Ibid. P. 20, 22.

⁶ Ibid. P. 2, 3, 9.

грамма Ирана и проблема денуклеаризации КНДР¹. Таким образом, видно, что страны-члены G7 считают себя «демократиями» и противопоставляют себя «автократиям», которых обвиняют в нарушении «прав человека», «основных свобод» и «международного права». Однако, несмотря на явный акцент на столкновении «демократий» с «автократиями», в коммюнике имеет место не только политико-идеологическая критика «автократий», но и экономическая критика мощнейшей «автократии» – на данный момент основного соперника «демократических» США – Китая.

В коммюнике лидеров стран-членов НАТО по итогам брюссельского саммита отмечено, что «государственные и негосударственные субъекты бросают вызов основанному на правилах международному порядку и стремятся подорвать демократию по всему миру», а сам Альянс сталкивается сегодня «с многогранными угрозами, системной конкуренцией со стороны напористых и авторитарных держав, а также растущими вызовами безопасности... со всех стратегических направлений». Россия и Китай также упоминаются не просто в контексте угроз безопасности стран НАТО, но вызовов для «демократий» и их «демократических институтов». Кроме того, данный документ повторяет ряд пунктов, упомянутых в коммюнике встречи G7. К примеру, также не были оставлены без внимания события в Белоруссии, ядерная программа Ирана и денуклеаризация КНДР. В заявлении НАТО указан один из элементов стратегии сдерживания КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а именно «укрепление политического и практического сотрудничества» с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей², о чём говорил в одном из своих выступлений генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг, очевидно противопоставляя эти «демократии» Китаю³.

Наглядно виден нарратив об «авторитарности» России и КНР, угрожающей «демократиям», т.е. странам, принадлежащим к центру мир-системы, или государствам периферии, относительно лояльно настроенным к институтам центра или гегемону. К последним, к примеру, можно отнести Украину, демократичность которой также вызывает вопросы. Киев отвергает возможность федерализации страны⁴. Украинские власти также препятствуют деятельности оппозиционной Компартии Украины и закрывают популярные «пророссийские» каналы, аргументируя последнее «борьбой за независимость», «борьбой в информационной войне за правду и европейские ценности»⁵. Что касается «автократий», то к ним в европейском и американском политико-идеологическом поле относят государства, проявившие или претендующие на относительную независимость от центра мир-системы. Особенность РФ и КНР в контексте логики столкновения «демократий» с «автократиями» состоит

¹ Ibid. P. 20–22.

² Заявление по итогам... Op. cit.

³ New Ideas for NATO 2030. YouTube. ChathamHouse. 2021. URL: https://youtu.be/s0qmZT_WXK4 (дата обращения: 14.08.2021)

⁴ Зеленский заявил, что никогда не согласится на федерализацию Украины. РИА Новости. 2019. URL: <https://ria.ru/20191210/1562190049.html> (дата обращения: 14.08.2021)

⁵ Хоменко С. Украина закрыла «пророссийские телеканалы». Зеленскому грозят импичментом. BBC News: Русская служба. 2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55925259> (дата обращения: 14.08.2021)

в мощи двух держав относительно других «автократий». Правда, в большей мере это относится к Китаю – на настоящий момент только эта страна обладает достаточными ресурсами, чтобы бросить вызов гегемону мир-системы и существующим институтам центра, но всё же триумф КНР не является чем-то неизбежным [Фишман, 2021]. Говоря о России, необходимо отметить, что закрепление за РФ образа главной «угрозы» вызвано консенсусом европейских и американских элит, а также брюссельских технократов и бюрократии НАТО. Россия как ключевая «угроза» консолидирует союзников в условиях кризиса: «Единство НАТО в отношении России является самым глубоким символом политической сплочённости»¹. Санкции ЕС против РФ также важны для брюссельской бюрократии как символ европейского политического единства. Их регулярно продлевают, несмотря на очевидные экономические и политические потери от таких шагов для стран Евросоюза [Громько, Фёдоров, 2016: 26]. В отношении Китая не может быть такой сплочённости в силу того, что его до сих пор воспринимают «большинство союзников» не просто как противника или даже «экономического конкурента», но и как крайне важного «торгового партнёра»².

Не способствует сплочённости и поражение «коллективного» Запада в Афганистане. Так, двадцатилетняя операция по борьбе с терроризмом и строительству «демократического» режима в стране обернулась бегством войск западной коалиции, приходом к власти запрещённой в РФ террористической организации «Талибан», ростом иммиграционного потока в европейские страны³ и усугублением ситуации в регионе. Всё это негативно сказалось на имидже Вашингтона как оплота «демократии» и на взаимоотношениях США-ЕС. Дж. Байден был вынужден подвергнуть сомнению логику столкновения «демократий» с «автократиями», заявив, что построение консолидированной «демократии» в Афганистане не являлось целью Вашингтона⁴. Подобный итог, с одной стороны, подчёркивает собой логику столкновения «демократий» с «автократиями» как политико-идеологической парадигмы правящих классов США и европейских стран, а с другой – говорит об эрозии гегемонии США внутри «демократического» лагеря.

Нельзя оставить без внимания создание тройственного англо-саксонского союза (AUKUS) Австралии, Соединённого Королевства и США, детали которого, по некоторым данным, обсуждались ещё на саммите G7 «без вехом Макрона»⁵. Вытеснение французских субмарин американскими, очевидно, вызванное экономическими причи-

¹ NATO 2030: United for a New Era. NATO.INT. 2020. P. 25. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 14.08.2021)

² Ibid. P. 27.

³ Emmott R. EU to seek to stop mass Afghanistan migration flows, draft statement says. Reuters. 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/eu-seek-stop-mass-afghanistan-migration-flows-draft-statement-says-2021-08-30/> (дата обращения: 20.09.2021)

⁴ Labott E. Biden's Democracy Agenda Just Died an Ugly Death in Kabul. Foreign Policy. 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/17/afghanistan-withdrawal-biden-democracy-agenda-human-rights-evacuation/> (дата обращения: 20.09.2021)

⁵ Telegraph: детали партнерства AUKUS согласовали на саммите G7 без вехом Макрона. ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12442437> (дата обращения: 20.09.2021)

нами, а не политико-идеологическими предпочтениями¹, иллюстрирует процесс разобщения «коллективного» Запада. Также маркерами эскалации противоречий внутри центра являются критическая реакция ЕС на образование AUKUS, выражение Европейским союзом солидарности с Парижем в ситуации с контрактом на строительство подводных лодок, а также курс Евросоюза на «расширение своей стратегической автономии и укрепление политических и оборонных связей в Индо-Тихоокеанском регионе»². Линии разлома имеют место не только между центром и периферией, но и внутри самого центра. Раскол Запада можно обнаружить на нескольких уровнях:

1) трансатлантический (транснациональный), выражающийся в противоречиях между США и странами Европы (разница в восприятии «Северного потока-2» Вашингтоном и правительством А. Меркель, сделка с Австралией и образование AUKUS);

2) внутриевропейский (региональный), проявляющийся в конфликтах между некоторыми странами ЕС, институтами Евросоюза и отдельными государствами (кризис в отношениях Франция-Венгрия, Германия-Польша, ЕС-Венгрия, ЕС-Польша);

3) внутригосударственный, который можно проиллюстрировать разногласиями между сторонниками и противниками Д. Трампа в США, межпартийными дискуссиями, проблемами с формированием коалиции и её функционированием в Германии, отсутствием преемственности курса по отношению к «Северному потоку-2» в ФРГ, свидетельствующее о неоднородности германского истеблишмента, эскалацией предвыборной борьбы во Франции на фоне роста популярности националиста Э. Земмура.

Тем не менее логика разделения стран на «демократии» и «автократии» по-прежнему востребована у американских и европейских правящих кругов, о чём свидетельствует организация Саммита за демократию, куда не были приглашены лидеры России, Китая, Венгрии и ряда других «недемократических», по мнению стран Запада, государств³. Среди посетивших это мероприятие был Й. Столтенберг, заявивший накануне, что «мировая демократия находится в упадке», вследствие чего «более чем когда-либо» необходимо защищать общие «ценности» везде – «за рубежом и в своих странах». Будучи силой, якобы отстаивающей такие универсальные «ценности», как «демократия», «свобода» и «верховенство права», НАТО всё же «является союзом Европы и Северной Америки и останется им». Как подчеркнул Й. Столтенберг, угрозы «демократиям» исходят не только извне, но и от стран блока⁴.

¹ Ищенко С. США построят для Австралии субмарины атомного раздора. Свободная Пресса. 2021. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/310162/> (дата обращения: 20.09.2021)

² ЕС отреагировал на военный альянс AUKUS. Lenta.ru. 2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/16/auukus_europe/ (дата обращения: 20.09.2021); Главы МИД стран ЕС выразили солидарность с Парижем по отношению к Вашингтону. ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12462007> (дата обращения: 21.09.2021)

³ Participant List. Summit for Democracy. U.S. Department of State. 2021. URL: <https://www.state.gov/participant-list-the-summit-for-democracy/> (дата обращения: 19.12.2021)

⁴ Речь генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга на мероприятии «Перспективы НАТО на 2030 год и на последующий период». NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_189089.htm (дата обращения: 19.12.2021)

Раскол Европы: «демократический» Запад и «авторитарный» Восток

Сегодня можно говорить не просто о противостоянии «демократий» с «автократиями» в глобальном масштабе, но и о размежевании внутри «демократического» лагеря. С одной стороны, раскол в контексте логики столкновения «демократий» с «автократиями» наблюдается в Европе – между её Западной и Восточной частями. С другой стороны, прослеживаются общественные и политико-идеологические конфликты в Западной Европе, одним из самопровозглашённых оплотов «демократии». К примеру, популисты, называя себя защитниками «демократии», обвиняют Евросоюз и зачастую национальные правительства и традиционные партии в «диктатуре» и недемократичности. В свою очередь, Брюссель, национальные правительства и традиционные партии отвечают популистам тем же¹. Схожая с этим ситуация наблюдалась и наблюдается в США – Д. Трамп и его сторонников продолжают характеризовать как «угрозу для американской демократии»². Избрание же Дж. Байдена, в особенности на фоне штурма Капитолия в январе 2021 г., было тепло встречено представителями правящих классов и бюрократии США и европейских стран, мыслящими в категориях столкновения «демократий» с «автократиями», примером чего могут служить осуждение Й. Столтенбергом попытки захвата Капитолия как события, подрывающего американскую «демократию», и его положительная реакция на вступление Дж. Байдена в должность президента³.

В контексте раскола Европы на «демократический» Запад и «авторитарный» Восток, следует учитывать и дискуссии относительно «недемократичности» и «авторитарности» ряда восточноевропейских политических режимов, зачастую квалифицируемых как «популистские». Прежде всего, речь идёт о Венгрии и Польше⁴. Конфликт между центром ЕС и восточными «автократиями» перешёл почти в открытую форму в конце 2020 г., когда Венгрией и Польшей был отклонён семилетний бюджет ЕС, допускавший возможность лишения субсидий Варшавы и Будапешта в случае доказательства нарушения ими принципа верховенства права и подрыва «демократических принципов». Однако сторонам всё же удалось договориться – Польша и Венгрия изменили своё решение⁵.

¹ Germany's Merkel: Pandemic highlights limits of populism. The Washington Post. 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/germanys-merkel-pandemic-highlights-limits-of-populism/2020/07/08/abf54b14-c11f-11ea-8908-68a2b9eae9e0_story.html (дата обращения: 14.08.2021)

² Trump is proving himself to be the most antidemocratic president in modern US history. Insider. 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/trump-the-most-anti-democratic-president-in-modern-us-history-2020-11> (дата обращения: 14.08.2021)

³ New Ideas... Op. cit.; NATO Secretary General speaks with US President Biden. NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180872.htm (дата обращения: 14.08.2021)

⁴ Rohac D. Hungary and Poland Aren't Democratic: They're Authoritarian. Foreign Policy. 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/05/hungary-and-poland-arent-democratic-theyre-authoritarian/> (дата обращения: 14.08.2021)

⁵ Польша и Венгрия больше не блокируют принятие бюджета Евросоюза. Ведомости. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/12/09/850313-polsha-vengriya> (дата обращения: 14.08.2021)

Проблема венгерского и польского «авторитаризма» остаётся в центре обсуждений в Европе, о чём свидетельствует интервью, данное А. Кошта во время председательства Португалии в ЕС. Отвечая на вопрос об уместности членства Венгрии в Евросоюзе, А. Кошта сказал, что «не все государства-члены придерживаются единых представлений о ценностях и будущем Союза в отличие от времени, когда был подписан Лиссабонский договор», поэтому «появились государства со своей собственной точкой зрения»¹.

Что касается Варшавы, то местные правящие верхи наравне с венгерскими воспринимаются как оплот популистского евроскептицизма, который противопоставляет европейской «коррупцированной элите» «народ», от имени которого они выступают [Csehi, Zgut, 2020: 11]. К тому же Варшаву обвиняют в «нарушении верховенства права, свободы СМИ, гендерных прав и прав меньшинств». После решения польских властей о приоритете национального права над европейским, давление со стороны европейских структур и отдельных политиков только усилилось. Увеличилась и внутренняя нестабильность, Д. Туск, бывший председатель Европейского совета и бывший премьер-министр Польши, призвал граждан выходить на улицу с тем, чтобы поддержать «европейскую Польшу»².

Одним из последних примеров раскола в Европе по поводу будущего ЕС служат встречи руководителей европейских консервативных и евроскептических партий в Польше (в т.ч. участвовали Виктор Орбан, Марин Ле Пен и Ярослав Качиньский)³. Европейские «автократы» предложили своё собственное видение «демократии» и «свободы», отличное от либерально-западного, исторически занимающего гегемонистские позиции. Показательно, что на этом форуме Я. Качиньский, председатель польской правящей партии «Право и справедливость», заявил о тенденции к федерализации ЕС, поддерживаемой Германией и сопровождаемой эрозией свобод, причём, последнее, по его мнению, связано с доминированием политкорректности в западном политико-идеологическом поле⁴.

Однако подобный накал в отношениях между восточноевропейскими «автократиями» и ЕС, а также другими европейскими государствами, относящимися к числу более «демократичных», не означает экономическую или политическую блокаду. Например, Франция не всегда стремится следовать логике столкновения «демократий» с «автократиями». Так, 13 декабря Э. Макрон принял участие в саммите Вишеградской группы. Показательно, что среди вопросов для обсуждения фигурировали «климат, информатизация, усиление европейской обороны, политики по ми-

¹ Антониу Кошта: «Пора действовать в интересах восстановления экономики». Euronews. 2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/06/29/antonio-costa> (дата обращения: 14.08.2021)

² Межуев Б. Укрощение периферии. Ведомости. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/10/11/890731-ukroschenie-periferii> (дата обращения: 09.12.2021)

³ Bayer L. European far-right leaders fail to tie the knot. Politico. 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-marine-le-pen-jaroslav-kaczynski-europe-far-right-parties-coalition/> (дата обращения: 09.12.2021)

⁴ В Польше обвинили Германию в попытках «федерализации ЕС». Regnum. 2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3442296.html> (дата обращения: 09.12.2021)

грации и предоставлению убежища», тогда как тема «демократии» не упоминалась. В программе визита Э. Макрона были посещение могилы венгерского философа Агнеш Хеллер (она была политическим оппонентом В. Орбана, умерла в 2019 г.), а также встреча с лидерами оппозиции страны¹.

Новое коалиционное правительство Германии взяло довольно жёсткий курс по отношению к «автократиям», о чём свидетельствует высылка российских дипломатов за якобы причастность Москвы к «заказному убийству» боевика, воевавшего в Чечне против федеральных войск². В этой связи примечательно интервью с В. Орбаном, заявившим, что «восстановление сотрудничества между европейскими правительствами потребует “сверхчеловеческих усилий” после ухода А. Меркель»³. В настоящее время можно говорить о значительной роли логики столкновения «демократий» с «автократиями» в германской внешней политике, а её проводниками являются преимущественно зелёные⁴.

Заключение

Кризис неолиберализма как глобальной общественной системы и породившие его причины обостряют противоречия центра и периферии мир-системы. Конфликт Китая с центром не является случайным стечением обстоятельств, а закономерным результатом исчерпания существующей международной модели развития. Противостояние центра с периферией выходит за рамки экономической борьбы и приобретает политико-идеологический контекст. Изучение источников наглядно демонстрирует применение логики столкновения «демократий» с «автократиями»: с одной стороны, центр, его институты и лояльные центру страны характеризуют как «демократии», а с другой – ряд стран периферии классифицируют как «автократии». К числу наиболее «угрожающих» и опасных «автократий» относят Китай и Россию. Если дальнейшее развитие КНР действительно угрожает мир-системе, то РФ занимает место основной «угрозы» в повестке НАТО в связи с тем, что образ Москвы как главного врага играет консолидирующую роль для союзников. Относительно признания Китая основной «угрозой» нет аналогичного консенсуса. Кроме того, появляются «авторитарные» очаги и в самом центре, США и Западной Европе, а также на периферии Евросоюза. Обвиняются в «недемократичности» популистские движения в США и европейских странах и некоторые восточноевропей-

¹ France's Macron to attend Visegrad group meeting in Budapest Dec 13. Reuters. 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/frances-macron-attend-visegrad-group-meeting-budapest-dec-13-2021-12-07/> (дата обращения: 19.12.2021)

² Случаи высылки российских дипломатов из Германии. ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/info/13211709> (дата обращения: 19.12.2021)

³ Orbán on post-Merkel era: Gloves are off. Politico. 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/victor-orban-angela-merkel-europe-germany-hungary/> (дата обращения: 19.12.2021)

⁴ Germany's Olaf Scholz pushes for stronger EU, issues warning to Russia. DW. 2021. URL: <https://www.dw.com/en/germanys-olaf-scholz-pushes-for-stronger-eu-issues-warning-to-russia/a-60042721> (дата обращения: 19.12.2021)

ские страны, а именно Венгрия и Польша. На фоне событий в Афганистане и образования AUKUS наблюдается процесс разобщения «демократического» Запада.

Дихотомия «демократии-автократии» является составной частью логики фрагментации. В отличие от времён холодной войны деление происходит не на два лагеря с собственными системами хозяйствования, которые являются экзистенциальными врагами, а противопоставляются элементы одной капиталистической мир-системы – центр и периферия. Логика столкновения «демократий» с «автократиями» представляет собой упрощённое видение существующего системного кризиса, который преподносят как политико-идеологическое противостояние «демократий» с «автократиями». Причём, успех «демократий» предполагает разрешение социально-экономических, политических и культурных проблем. Несмотря на доминирование логики столкновения «демократий» с «автократиями» в европейском и американском мейнстримах, в дискурс политических элит США и европейских стран проникают экономические лейтмотивы, что говорит об обострении противоречий на международном уровне. Невозможно оперировать одними лишь политико-идеологическими терминами. Учитывая процесс разобщения Запада и тот факт, что логика столкновения «демократий» с «автократиями» является преимущественно продуктом США и НАТО, можно предположить, что ситуация будет способствовать формированию новых национальных ценностных подходов к внешней и внутренней политике или хотя бы частичной ревизии привычной логики ведущими странами Европы.

Саммит за демократию, продление Европейским союзом санкций против России, риторика руководителей стран и организаций Запада свидетельствуют о том, что концепция разделения мира на «демократии» и «автократии» по-прежнему сохраняет свою актуальность. Более того, судя по высказываниям представителей НАТО, она может быть официально подтверждена и закреплена в новой стратегической концепции Альянса, принятие которой запланировано на июнь 2022 г.

В целом, 2022 г. может стать важным с точки зрения определения политико-идеологических ориентиров стран Запада, поскольку ожидается также утверждение «Стратегического компаса ЕС» и президентские выборы во Франции. В результате, вероятно, будут более ясны перспективы развития отдельных стран и институтов Запада (ЕС, НАТО), а также характер трансатлантических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валлерстайн И. (2018) *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*, изд. 2-е, испр., УРСС: ЛЕНАНД, Москва, 304 с.

Громько Ал.А., Фёдоров В.П. (2016) Антироссийские санкции, *Современная Европа*, № 2, С. 22–27, DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220162227>

Жижек С. (2010) *О насилии*, Изд. «Европа», «КДУ», Москва, 184 с.

Кагарлицкий Б.Ю. (2017) *Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма*, Изд. Дом Высшей школы экономики, Москва, 280 с.

Кагарлицкий Б.Ю. (2021) *Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию*, изд. 3-е, стереотип., ЛЕНАНД, Москва, 320 с.

Комолов О.О. (2018) Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации, *ЭВР*, № 4. С. 50–63.

Фишман Л. (2021) Достойный гегемон «испорченного» мира, *Россия в глобальной политике*, № 4, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dostojnyj-gegemon-mira/> (дата обращения: 14.08.2021)

Фридман М. (2009) *Рынок как средство развития общества*, Гуманитарный портал, URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3316> (дата обращения: 14.08.2021)

Bazargani D.T., Larsari V.N. (2015) “Postmodernism”: Is the Contemporary State of Affairs Correctly Described as ‘Postmodern’, *Journal of Social Issues & Humanities*, Vol. 3. Iss. 1., pp. 89–96.

Broudy D., Arakaki M. (2020) Who Wants to Be a Slave? The Technocratic Convergence of Humans and Data, *Frontiers in Communication*, DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00037>

Csehi R., Zgut E. (2020) ‘We won’t let Brussels dictate us’: Eurosceptic populism in Hungary and Poland, *European Politics and Society*, pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1717064>

Duckett J. (2020) Neoliberalism, Authoritarian Politics and Social Policy in China, *Development and Change*, Vol. 51. Iss. 2, pp. 523–539.

Logic of Confrontation between “Democracies” and “Autocracies” viewed by European and American Elites

D.V. Leushkin*

Candidate of Science (Politics)

Institute of International Relations and World History,

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

2 Ulyanova, Nizhny Novgorod, Russia, 2603005.

***E-mail:** den.leushkin@mail.ru

N.G. Samoilov*

Saint Petersburg State University. Entrance 8, 1/3 Smolny Street,

Saint Petersburg, Russia, 191060.

***E-mail:** samoilovng@gmail.com

Abstract. The article analyses the problem of the conflict between the core and the periphery in the politico-ideological sphere of European countries and the US. The place of China in the neoliberal system and the roles of China and Russia in the strategic vision of European countries and the USA are determined. Furthermore, the fragmentation of the Western world is outlined. The purpose of the paper is to determine the nature of the “democracy-autocracy” dichotomy, common for the European and American ruling political elites, and the influence of the current crisis situation within the framework of the world-system. The study is based on official documents of NATO, the EU and G7, comments and interviews given by representatives of the transatlantic elite, while world-systems analysis is used as methodology. It is concluded that in the perception of the European and American ruling classes, the nations of the core and the periphery which are loyal to the core appear as “democracies”, whereas “autocracies” are states whose interests contra-

dict to a certain degree the interests of the ruling classes of the core or the principles of the neoliberal order. Despite the limitations and failures of the “democracy-autocracy” dichotomy, this approach will remain relevant for Western countries in the near future by inertia.

Key words: world-systems analysis, neoliberalism, ideology, logic of fragmentation, Western world, dichotomy, autocracy, democracy, populism, Euroscepticism.

DOI: 10.31857/S0201708322010168

REFERENCES

- Bazargani D.T., Larsari V.N. (2015) “Postmodernism”: Is the Contemporary State of Affairs Correctly Described as ‘Postmodern’, *Journal of Social Issues & Humanities*, Vol. 3. Iss. 1., pp. 89–96.
- Broudy D., Arakaki M. (2020) Who Wants to Be a Slave? The Technocratic Convergence of Humans and Data, *Frontiers in Communication*, DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00037>
- Csehi R., Zgut E. (2020) ‘We won’t let Brussels dictate us’: Eurosceptic populism in Hungary and Poland, *European Politics and Society*, pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1717064>
- Duckett J. (2020) Neoliberalism, Authoritarian Politics and Social Policy in China, *Development and Change*, Vol. 51. Iss. 2, pp. 523–539.
- Fishman L. (2021) Dostojnyj gegemon «isporchennogo» mira [Worthy hegemon of the “corrupted” world], *Rossiya v global'noj politike*, No 4, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dostojnyj-gegemon-mira/> (accessed: 14.08.2021) (In Russian).
- Fridman M. (2009) *Rynok kak sredstvo razvitiya obshchestva [Using the Market for social development]*, Gumanitarnyj portal, URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3316> (accessed: 14.08.2021) (In Russian).
- Gromyko A.I., Fyodorov V.P. (2016) Antirossijskie sankcii [Anti-Russian sanctions], *Sovremennaya Evropa*, No 2, pp. 22–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220162227> (In Russian).
- Kagarlickij B.Yu. (2017) *Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma [Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism]*, Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, Moscow, 280 p. (In Russian).
- Kagarlickij B.Yu. (2021) *Marksizm: Vvedenie v social'nyu i politicheskuyu teoriyu [Marxism: Introduction to Social and Political Theory]*, 3rd ed., LENAND, Moscow, 320 p. (In Russian).
- Komolov O.O. (2018) Deglobalizaciya v kontekste mirovoj ekonomicheskoy stagnacii [Deglobalisation in the context of global economic stagnation], *EVR*, No 4, pp. 50–63. (In Russian).
- Wallerstein I. (2018) *Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya civilizaciya [Historical Capitalism with Capitalist Civilization]*, 2nd ed., URSS: LENAND, Moscow, 304 p. (In Russian).
- Zizek S. (2010) *O nasilii [On violence]*, Izd. “Evropa”, “KDU”, Moscow, 184 p. (In Russian).

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

